

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezhy/about/

2022

Том 22
Выпуск 1

Пётр Кондрашов

Миф о прометеанстве
Карла Маркса: анализ и критика

Светлана Климова

«Трудная проблема»
ленинской теории отражения:
дискуссии 1930–1950-х годов

Vladimir Lobovikov

Natural Legal Law as Mathematics
of Freedom

(Four Mathematically Different
Moral-Legal-Value-Functions
“Freedom” and Four Ones “Slavery”
Defined Precisely in Two-Valued
Algebra of Formal Axiology
of Ethics and Jurisprudence)

Юрий Василенко

Трансформации
политической идеологии
франкизма
в современной Испании

Дмитрий Терещенко

Юридическая ответственность:
проблемы переосмысления
традиционного представления

**Илья Харинов,
Валерия Сеницына**

Право граждан на участие
в принятии
градостроительных решений
в Российской Федерации:
юридическая природа и защита

Алёна Кодолова

Правовое регулирование
возмещения вреда,
причиненного атмосферному
воздуху

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 22

Выпуск 1

Екатеринбург – 2022

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАЩЕНИНИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Арmando СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г. ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 22

Issue 1

Yekaterinburg 2022

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Кондрашов П.Н.</i> Миф о прометеанстве Карла Маркса: анализ и критика	7
<i>Климова С.М.</i> «Трудная проблема» ленинской теории отражения: дискуссии 1930–1950-х годов	44
<i>Lobovikov V.O.</i> Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence).....	65

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>Василенко Ю.В.</i> Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании.....	91
--	----

ПРАВО

<i>Терещенко Д.С.</i> Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления	109
<i>Харинов И.Н., Сеницына В.А.</i> Право граждан на участие в принятии градостроительных решений в Российской Федерации: юридическая природа и защита.....	131
<i>Кодолова А.В.</i> Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху	153

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

<i>P. Kondrashov.</i> The Myth of Karl Marx's Prometheanism: Analysis and Criticism.....	7
<i>S. Klimova.</i> A “Hard Problem” of Lenin’s Theory of Reflection Discussions of the 1930s and 1950s.....	44
<i>V. Lobovikov.</i> Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence).....	65

POLITICAL SCIENCE

<i>Yu. Vasilenko.</i> Transformations of the Political Ideology of Francoism in Modern Spain.....	91
--	----

LAW

<i>D. Tereshchenko.</i> Legal Responsibility: Problems of Rethinking the Traditional View	109
<i>I. Kharinov, V. Sinitsyna.</i> Constitutional Control Bodies of the CIS Countries: Order of Formation and Competence	131
<i>A. Kodolova.</i> Legal Regulation of Compensation for Damage Caused to Atmospheric Air	153

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Кондрашов П.Н. Миф о прометеанстве Карла Маркса:
анализ и критика. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_7
// Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 7–43.

УДК 141:502/504

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_7

Миф о прометеанстве Карла Маркса: анализ и критика

Пётр Николаевич Кондрашов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: pnk060776@gmail.com

*Поступила в редакцию 08.11.2021, поступила после рецензирования 19.01.2022,
принята к публикации 21.01.2022*

В статье осуществляется попытка деструкции широко распространенного мифа о К. Марксе как «прометеанском мыслителе». Под прометеизмом/прометеанством здесь понимается точка зрения, согласно которой природа рассматривается как количественно «неисчерпаемая кладовая», которую необходимо познать и на основании научно-технического знания завоевать в целях использования для удовлетворения постоянно растущих человеческих потребностей посредством непрерывного роста производства и, соответственно, перманентного увеличения степени ее агрессивной эксплуатации при полном игнорировании последствий этой эксплуатации как для окружающей среды, так и для самого человеческого общества. Поскольку миф о прометеанстве Маркса, весьма живучий и поныне, ранее уже был развеян в области политэкономии (Дж.Б. Фостер, К. Сайто, П. Буркетт), социологии (А. Саллах, М. Мусто), экологии (Б. Кларк, Дж. Мур, Э. Альфатер, К. Сайто, Т. Грассманн), полито-

© Кондрашов П.Н., 2022

логии (К. Ройс), в предлагаемом исследовании автор сосредоточил внимание только на некоторых *философских* аспектах проблемы. В первой части статьи аргументируется, что Маркс (на основании некоторых его высказываний) многими ошибочно критикуется за антиэкологизм; во второй – обосновывается, что эти фрагменты в своем большинстве вырваны из общего контекста философии Маркса, ибо зачастую восхвалявший технический прогресс, Маркс тем не менее не был прометеанцем, так как подверг радикальной научной критике социальные и экологические последствия капиталистического применения техники и науки; наконец, в третьей части статьи посредством реконструкции марксовских философско-антропологических и социально-философских представлений показывается подлинное отношение Маркса к экологической проблематике. Аргументация автора такова. Согласно Марксу, онтологическим основанием существования любого человеческого общества является социальный метаболизм, то есть обмен веществ между человеком и природой посредством преобразующей деятельности, в процессе развертывания которой в метаболический обмен втягиваются все «миры», в которых существует человек (природа, общество, «вторая природа» – материально-духовная культура, мир других, свой собственный внутренний мир). Каждой общественно-исторической ступени развития присущ собственный специфический вид метаболизма, то есть своя особая форма *экологического* взаимодействия *между всеми* «мирами». На основе этого метода Маркс показывает, что метаболические разрывы, то есть нарушения процессов нормального, сбалансированного протекания социального метаболизма в целокупности всех этих «миров», в наибольшей степени характерны для капитализма в силу его структурных *прометеанских* интенций: стремление к увеличению прибыли связано с необходимостью перманентного роста производства (императив «расти или умри!»), а значит, ведет и к увеличению эксплуатации природы. И в этом смысле философская экология Маркса вполне соответствует современному уровню понимания экологических проблем и предлагает целостную методологию не только объяснения этих проблем, но и их практического решения.

Ключевые слова: Карл Маркс, прометеизм/прометеанство, экология, природа, человек, общество, культура, социальный метаболизм, метаболический разрыв, историчность, капитализм, посткапитализм, рост ради роста, де-рост, экономика, хрематистика

Благодарности: Автор выражает благодарность за ценные критические замечания к первоначальному тексту статьи доктору политических наук, профессору РАН Леониду Фишману (Екатеринбург) и кандидату политических наук, директору Института философии и права УрО РАН Виктору Мартьянову (Екатеринбург), а также кандидату философских наук Андрею Коряковцеву (УрГПУ, Екатеринбург).

The Myth of Karl Marx's Prometheanism: Analysis and Criticism

Pyotr N. Kondrashov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: pnk060776@gmail.com

Received 08.11.2021, revised 19.01.2022, accepted 21.01.2022

Abstract. The article deals with the destruction of the widespread myth about Karl Marx as a “Promethean thinker”. Under Prometheism/Prometheanism is the point of view according to which nature is considered as a quantitatively “inexhaustible storehouse”, which must be known and conquered on the basis of scientific and technical knowledge in order to be used to meet constantly growing human needs through continuous growth of production and, accordingly, a permanent increase in the degree of aggressive exploitation of nature while completely ignoring the consequences of this exploitation both for the environment and for human society itself. Since the myth of the “prometheanism” of Marx, which is very tenacious to this day, was previously dispelled in the field of political economy (J.B. Foster, K. Saito, P. Burkett), sociology (A. Salleh, M. Musto), ecology (B. Clark, J. Moore, E. Alvater, K. Saito, T. Grassmann), political science (K. Royce), then in the proposed study the author focused only on some of the *philosophical* aspects of the problem. In the first part of the article it is shown that Marx (based on some of his statements) is mistakenly criticized by many thinkers for anti-environmentalism; in the second, relying on the texts of Marx himself, it is proved that these fragments torn from the general context of his philosophy are mostly false, because Marx, often praising technological progress, nevertheless, was not a Promethean, as he subjected the social and environmental consequences of the capitalist application of technology and science to radical scientific criticism; Finally, in the third part, through the reconstruction of Marx’s philosophical-anthropological and socio-philosophical ideas, Marx’s true attitude to environmental issues is shown. The author’s arguments are as follows. According to Marx, the ontological basis for the existence of any human society is social metabolism, i.e. the exchange of substances between man and nature through transformative activity, during the deployment of which all the “worlds” in which man exists are drawn into metabolic exchange (nature, society, “second nature” – material and spiritual culture, the world of others, their own inner world). Each socio-historical stage of development has its own specific type of metabolism, i.e. its own special form of ecological interaction between all “worlds”. Based on this method, Marx shows that metabolic rifts, i.e. disturbances in the processes of normal, balanced flow of social metabolism in the totality of all these “worlds” are most characteristic of capitalism due to its structural Promethean intentions (the desire to increase profits, which is associated with the need for permanent growth of production – the imperative “grow or die!”; and hence to increase the exploitation of nature). And in this sense, Marx’s philosophical ecology not only fully corresponds to the modern level of understanding of ecological/environmental problems, but also offers a holistic methodology not only for “explaining” these problems, but also for their “practical solution”.

Keywords: Karl Marx; prometheism/prometheanism; ecological and environmental sciences; nature; man; society; culture; social metabolism; metabolic rift; historicity; capitalism; post-capitalism; growth for growth; de-growth; economy; chrematistics

Acknowledgements: The author expresses gratitude for valuable critical comments on the original manuscript of the article to Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences Leonid Fishman (Yekaterinburg) and Candidate of Political Sciences, Director of the Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Viktor Martyanov (Yekaterinburg), as well as Candidate of Philosophical Sciences Andrey Koryakovtsev (USPU, Yekaterinburg)..

For citation: Kondrashov P.N. The Myth of Karl Marx’s Prometheanism: Analysis and Criticism, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 7-43. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_7.

Введение

Одной из наиболее остро стоящих перед человечеством глобальных проблем является проблема *экологическая*. В самом общем виде ее определяют как ситуацию, возникшую в результате *антропогенного* (хозяйственного, энергетического, военного) воздействия (априорно считающегося негативным) на *природную* среду, которое привело к деградации, то есть к нарушению структуры и функционирования природных экосистем, что в свою очередь повлекло такие негативные последствия, как изменение климата Земли и состава атмосферы, нарушение плотности озонового экрана, эрозия почв, опустынивание, загрязнение Мирового океана и пресных вод, рост отходов (в том числе ядерных), увеличение потребления природных ресурсов, сокращение биологического разнообразия при росте человеческой популяции.

Несмотря на глобальность экологической проблемы, большинство экологических программ, тактик, стратегий и движений оказываются *односторонними*. Односторонность эоактивистов проявляется в том, что они, как правило, ориентируются на какие-то отдельные аспекты экологической проблемы: *только* на защиту климата, биологического разнообразия, утилизацию химических и ядерных отходов, загрязнение вод Мирового океана или атмосферы, предотвращение антропогенных пожаров и т.д. Подобные односторонность и радикальность, например в сфере перехода европейских стран и США на «зеленую» энергетику, привели (на фоне наметившегося экономического роста) в феврале 2020 г. к энергетической катастрофе в Калифорнии, а в конце 2021-го – к энергетическому кризису в ЕС.

Именно эта односторонность и делает тему предлагаемой статьи актуальной. Дело в том, что, в отличие от большинства сегодняшних экокритиков и экоскептиков, К. Маркс (хотя он и не может считаться «экологическим» мыслителем в современном смысле этого слова) рассматривал проблемы, которые сегодня относятся к сфере *экологии* (как *ecological*, так и *environmental sciences*), в рамках диалектико-целостного и исторического подхода к анализу человеческого бытия-в-мире. Экологический анализ Маркса органично встроен и в его общую философскую систему (природа как онтологическое основание социального бытия; человек как часть природы; природа как неорганическое тело человека; универсальный и социальный метаболизм), и в его политэкономическую критику (природа как один из источников богатства; экологический баланс, экологический разрыв). Более того, «органицизм», в рамках которого Маркс рассматривает окружающую среду не только как собственно природу, но и как целостный организм (*Gesamtkörper*) диалектически взаимосвязанных «миров» природы, общества, материально-духовной культуры («второй природы») и внутреннего, экзистенциального мира человека, позволяет ему выстроить особую эколого-историческую методологию сегодня еще недостаточно исследованную, но открывающую широчайшие перспективы для развития экологии.

Однако следует указать, что Маркс долгое время даже в среде марксистов считался *антиэкологически настроенным ученым*. За антиэкологической позицией уже в XX в. закрепилось название «прометеизм» (*Prometheism*) или «прометеанство» (*Prometheanism*)¹. В контексте предпринимаемого разыскания данными терминами мы будем обозначать позицию, согласно которой природа утилитарно рассматривается только как ресурс (и товар) для удовлетворения постоянно растущих потребностей человека, что с необходимостью влечет непрерывное увеличение ее технологической эксплуатации при полном игнорировании последствий этой эксплуатации как для окружающей среды, так и для самого человеческого общества.

Но тут возникает ряд фундаментальных вопросов: *какое отношение так понятый прометеизм имеет к Марксу? Разделял ли Маркс такого рода взгляды? Был ли автор «Капитала» прометеанским мыслителем именно в таком смысле?*

Думается, что утверждения о прометеанстве К. Маркса были еще позволительны в 1960–1970-х гг. на волне НТР, когда у Маркса пытались найти оправдание радикальной экспансии природы (как в странах социализма, так и на Западе). Но, как замечает Дж.Б. Фостер в своей рецензии на книгу П. Буркетта «Marx and Nature» (Burkett 1999a), «если и есть одно обвинение, которое послужило объединению всей критики Маркса в последние десятилетия, то это обвинение в “прометеанстве” [*Prometheanism*]»² (Foster 2000a). И хотя эти слова были написаны более 20 лет назад, тем не менее во многих отношениях они и сегодня сохраняют свою актуальность³.

Однако, как будет показано ниже, утверждения о прометеанстве Маркса оказываются совершенно ненаучными и даже сознательно лживыми, особенно в свете изданных в последние годы ранее не опубликованных рукописей Маркса, содержащих многочисленные экологические идеи, связанные как с собственно экологической проблематикой, так и с механизмами перехода от «разбойничьего хозяйства» при капитализме к системе устойчивого воспроизводства в будущем коммунистическом обществе (с учетом опыта докапиталистических общинных форм хозяйствования в Индии, России и Польше). Прежде всего речь идет об «Экологических тетрадах» (Marx 2019), частично изданных «Лондонских тетрадах» (см.: Pradella 2015) и вновь переосмысленных «Этнологических рукописях» (см.: Marx 1974; Prasad 2018) Маркса, а также весьма содержательных и полемических комментариев к ним (Dyer-Withefor 1999; Patnaik 1999; Foster 2000b; Anderson 2002;

¹ В англоязычной литературе употребляется два термина: *Prometheism* и *Prometheanism*; в немецких текстах – *das Prometheismus, das Prometheanismus*; во французских – *le prométhéisme* и *le prométhéanisme*. Поскольку в отечественной литературе также встречаются два термина: *прометеизм* и *прометеанство*, которые в социально-экологическом контексте употребляются как синонимы, в предлагаемой статье мы будем использовать их как синонимичные.

² Здесь и далее перевод наш. – П. К.

³ Заметим, что эти слова не относятся к обвинениям российских авторов в адрес К. Маркса ни конца 1980–1990-х гг., ни современного периода. У отечественных обвинителей Маркса к нему были и сейчас имеют место совершенно иные претензии.

Martinez-Alier 2007; Foster 2013; Foster, Burkett 2016; Saito 2017; Moore 2017; Prasad 2018; Clark et al. 2019; Saito, Graßmann 2019; Löwy 2020; Rahim 2020; Кондрашов 2021; Сайто 2021).

Таким образом, возникает своеобразная научная (а отчасти даже социально-политическая) *проблема*: с одной стороны, К. Маркс обвиняется в противозокологических прегрешениях, с другой – его экологические идеи вызывают неподдельный интерес не только у марксоведов и ученых-экологов, а также у марксистских экозащитников и активистов, но и у экологов, которые применяют Марксовы идеи, переосмысленные в современных условиях, в своей *экологической практике* (Foster, Burkett 2016: 11).

Для решения этой научной проблемы в предлагаемой статье мы попытаемся опровергнуть широко распространенное представление о Карле Марксе как *прометеанском/прометеевском мыслителе* (*Promethean thinker, prometheischer Denker*). Новизна нашего анализа состоит в трех моментах: во-первых, в отечественной литературе фактически полностью отсутствует анализ экологических идей К. Маркса; во-вторых, отсутствуют и переводы экомарксистских текстов, посвященных этой тематике; в-третьих, в основном работы об экологических воззрениях Маркса носят *специализированный* характер, то есть они посвящены преимущественно анализу его идей в узкоэкологическом, политэкономическом, социологическом, политологическом, гендерном и других планах. Наше же исследование является *философским par excellence*.

Логическая структура предпринимаемого разыскания будет развертываться следующим образом: в первой части статьи мы проанализируем аргументы тех исследователей К. Маркса, которые в той или иной форме рассматривают немецкого мыслителя в качестве прометеанца; во втором разделе мы, опираясь на тексты самого основоположника марксизма, покажем, что обвинительные суждения в большинстве случаев являются ложными; третья часть данной работы будет посвящена реконструкции марксовских представлений о социальном метаболизме (взаимоотношениях человека и природы в процессе осуществления праксиса) и об историчности различных форм социального метаболизма, в которых выявляются собственно философские аспекты Марксова понимания экологической проблематики.

Наконец, следует добавить, что в статье мы полностью обходим вопрос об инструментальном характере экологических ценностей, экологического дискурса и большинства экодвижений, которые прямо обусловлены геополитическими и экономическими интересами элит стран центра миросистемы. Эту взаимосвязь наглядно показали экологический саммит стран «Группы двадцати» (G20) в Риме (30–31 октября 2021 г.) и конференция ООН по изменению климата (COP26 в Глазго (с 31 октября по 12 ноября 2021 г.); это подтверждают и такие явления, как экоиимпериализм, «зеленые» налоги, штрафы и дополнительные платежи, которыми облагаются производители и поставщики энергии и энергоресурсов (например, санкции против «Северного потока – 2» и т.п.). Все эти псевдозеленые начинания не имеют никакого отношения к защите окружающей среды,

а являются геополитическими инструментами для передела мировых рынков, однако анализ данных явлений требует отдельного исследования (см.: Мартьянов 2010).

1. Карл Маркс – прометеанский мыслитель

Образ Прометея в текстах К. Маркса встречается довольно часто. В целом в работах Маркса представлено его классическое толкование: титанизм (как богоборчество и противостояние деспотизму¹) и культурно-цивилизационное начало, отчасти связанное с возникновением и ростом самосознания. Как справедливо отмечает Лешек Колаковски, «прометеевская идея [*the Promethean idea*], которая постоянно повторяется в работах Маркса, – это вера в неограниченные возможности человека как самосозидателя [*self-creator*], презрение к традиции и поклонению прошлому» (Kołakowski 1978: 412). Дж. Б. Фостер пишет, что «в собственных работах Маркса Прометей чаще упоминается как символ революции, чем как символ технологии», и именно в прежней роли богоборца Прометей «был преобладающим культурным героем всего романтического периода» (Foster 1995: 110).

Как же так случилось, что Прометей стал синонимом и символом противника природы и экологии? Семантико-историческая трансформация такова. Мифологический Прометей – культурный герой, богоборец, защитник людей, а в некоторых версиях мифа – и создатель человечества (Эзоп). У Эсхила Прометей уже – основатель человеческой культуры и сторонник прогресса, у Платона в «Протагоре» – основатель только технической цивилизации. В Средние века образ титана ассоциировался с язычеством, богоборчеством (воинствующим атеизмом), но прежде всего Прометей трактовался как «создатель» человека, что обусловило уже у ранних церковных писателей и св. Августина его негативные оценки, в которых этой трактовке противопоставлялось христианское учение и Творце. В эпоху Ренессанса и в Новое время образ Прометея имел огромное значение, особенно в связи с обоснованием идей гуманизма, технического и научного прогресса. Эта положительная оценка Прометея, научно-техническая интерпретация его роли усилилась в эпоху Просвещения, промышленной революции, а в XIX – середине XX в. стала фактически общей для всего прогрессивного человечества.

Однако параллельно с положительными трактовками образ Прометея постепенно стал обрастать и негативными коннотациями уже не в смысле богоборчества (эпоха эллинизма) или человекотворения (Средние века), а в смысле антигуманистического продуктивизма, разрушительности, бездушности, своеобразной некрофилии как проповеди механицизма в противоположность органицизму. Происходило это по мере роста разочарования в буржуазном прогрессе и выражалось в настроениях, которые можно

¹ Сохранилась литография 1840-х гг., изображающая молодого Маркса, тогдашнего редактора «*Rheinische Zeitung*», как нового Прометея, терзаемого прусской цензурой.

назвать «инструментально-познавательным пессимизмом» (Коряковцев, Вискунов 2017: 184-185). Такие негативные коннотации нашли свое воплощение, например, в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

В связи с ростом в конце 1960-х гг. разного рода экологических (природозащитных) организаций и дискурсов, и особенно их радикализацией в конце XX – начале XXI в. (экотерроризм, постгуманизм, климатическое и антиуглеродное движение, Грета Тунберг и Со), *всякая техническая, промышленная, транспортная, научная и даже сельскохозяйственная* деятельность стала *a priori* рассматриваться как разрушительная, негативно влияющая на природу.

И тут как раз «подвернулся» образ Прометея. Если можно так выразиться, классическое понимание этого образа и прометеизма как символа богоборчества, тираномахии, культурного начала и роста самосознания вплоть до абсолютизации человеческого Я (Лосев 1978: 101-102, 382) во второй половине XX в. в связи с выходом на сцену экологических движений претерпело значительные «неклассические» семантические трансформации, которые, хотя и не прямо, но все же в той или иной степени были связаны с классическими смыслами и коннотациями. Чего не скажешь уже о «постклассических» интерпретациях прометеизма в работах постгуманистов (Р. Брайдотти, Ф. Фернандо и др.).

В современном («неклассическом») истолковании в рамках *экологического* (и *ecological*, и *environmental*) дискурса прометеизм – это «продуктивистское и антиэкологическое господство человечества над природой» (Burkett 1999b: 39) и соответствующее этой установке мировоззрение, которое «было рождено видением безграничных возможностей, открываемых все ускоряющимся научным и техническим прогрессом» (Варшавский 2016: 262). «Действительно, – пишет Дж.Б. Фостер, – тот факт, что сама идея человеческого творчества, символизируемая греческим мифом о Прометее, стала отождествляться в глазах многих из сегодняшних постмодернистских критиков с грубым продуктивизмом и технологическим подчинением природы, дает поразительное представление о том, до какой степени господствующее при капитализме буржуазное мировоззрение проникло в массовое мышление» (Foster 1995: 111). Аналогичным образом, но уже не с точки зрения социологии знания, а с позиций *геополитики*, Уолт Шисби после детального анализа мифа о Прометее и его использования на протяжении веков приходит к выводу, что вряд ли «слух о Прометее мог бы стать символом экономического гигантизма или мегатехнологии... вне контекста холодной войны» (Sheasby 1999: 34).

Мишель (Михаэль) Лёви в своей рецензии на книгу Эрика Рахима «Прометеанское видение: формирование мировоззрения Карла Маркса» (Rahim 2020) выделяет еще один – *историко-политический* – аспект прометеанства: «Уже много лет, – пишет французско-бразильский философ, – экологи самых разных направлений критикуют Карла Маркса за то, что он – “прометеевский” мыслитель, имея в виду под этим желание неограниченного человеческого контроля и господства над природой. Это кажется мне серьезным

недоразумением по разным причинам» (Löwy 2020). Одной из таких причин Лёви считает то, что «называя “прометеанство” виновником экологических катастроф, некоторые экологи заменяют настоящего виновника, *современную капиталистическую индустриальную цивилизацию*, мифологическим образом. Экологический кризис перестает быть *историческим* феноменом, связанным с определенным способом производства, и становится извечной человеческой тенденцией начиная с Античности» (Löwy 2020).

Здесь следует заметить, что М. Лёви (впрочем, как и многие экологически ориентированные марксисты), сводя все экологические бедствия к капитализму, упускает тот немаловажный факт, что и в СССР, и в странах социалистического блока, и в современных странах «социализма» имели и имеют место не менее острые экологические проблемы, бедствия и катастрофы. Более того, антиэкологические практики и *капитализма*, и *социализма* в эти годы по сути дела мало чем отличались по своим последствиям для природы. Это были *индустриальные*, «грязные», постоянно расширяющиеся производства. Фундаментальное различие между ними лежало не столько в способах эксплуатации природы, сколько в мотивации этой эксплуатации: капиталистами двигала извечная погоня за прибылью, в соцстранах – необходимость в рамках плановой экономики «выполнять и перевыполнять».

Именно в связи утверждением гегемонии технологического модернизма/индустриализма и в *капиталистических*, и в *социалистических* странах, а также с общим нарастанием планетарных экологических противоречий, в западном марксизме в конце 1960-1980-х гг. появляется радикальная критика всего прежнего марксизма, в том числе и марксизма классического (за *отсутствие* у него *четко артикулированной экологической составляющей*), марксизма-ленинизма и его различных радикально прометеанских форм (троцкизм, маоизм, чучхе и др.).

Другой – субъективно-личностный – аспект прометеизма выделяет А.Ф. Лосев. Рассматривая изменения содержания образа-символа Прометея в различных «общественно-исторических формациях» (Лосев 1995: 248-250), он определяет сущность прометеизма (*титанизма*) как «*абсолютизацию человеческого субъекта*» (Лосев 1978: 60-62, 67, 235, 242, 289, 290, 331-332), как «как буйное индивидуальное самоутверждение» (Лосев 1978: 60). Подобная абсолютизация, с его точки зрения, имеет место не только в эпоху Возрождения, но и в эпоху «буржуазно-капиталистической формации», для радикального индивидуализма и прометеизма которой Ренессанс стал своеобразной питательной почвой (Лосев 1978: 385), но при всем этом «прометеизмы» Возрождения и капитализма – это разные явления, хотя и имеющие единый стержень – *титанизм* и *антропоцентризм*, основанные на *абсолютизации человеческого Я* (Лосев 1978: 101–102, 382).

Исходя из этих предварительных дескрипций прометеизма в его экологической форме, мы можем дать самое общее его определение: прометеизм/прометеанство – это философия (и обосновываемая ею соответствующая политика и практика), с точки зрения которой 1) в рамках концепции

«неизменной сущности человека» (*антиисторизм*) 2) природа *a priori* рассматривается как количественно «неисчерпаемая кладовая» ресурсов (*радикальная квантификация*) и как объект-товар (*коммодификация*); 3) природе необходимо *познать и завоевать* в качестве объекта (*объективизм как результат антидиалектической дихотомии общество/природа*) 4) в целях ресурсно-инструментального использования (*технический утилитаризм*) 5) для удовлетворения постоянно растущих человеческих потребностей (*безудержный консюмеризм*) 6) посредством непрерывного роста производства (*продуктивизм*)¹ 7) и, соответственно, перманентного увеличения степени агрессивной эксплуатации при полном игнорировании последствий этой эксплуатации как для окружающей среды, так и для самого человеческого общества (*антиэкологизм*), 8) что, в свою очередь, с неизбежностью ведет к *гигантомании, активистскому техническому и технологическому оптимизму*, а также к абсолютизации человеческого Я (*эго-антропоцентризм*).

Самое удивительное в том, что «экологические» положения и ремарки в текстах Маркса (и Энгельса) как минимум до 90-х гг. XX в. вообще *не замечали*. Не просто игнорировали как некие лишние побочные и досадно мешающие «мыслишки» основоположников – нет, *их просто не видели, как будто таковых высказываний просто-напросто не существует*. Такая «концептуальная слепота» имеет место и сегодня, особенно у сторонников догматического марксизма-ленинизма (сталинизма), которые до сих пор оперируют категориальным аппаратом 30–40-х гг. XX в. и не могут вырваться из его оков даже не столько в силу интеллектуального слабоумия, сколько в силу того, что эти категории и представления о «философии Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина» настолько глубоко въелись в их когнитивные структуры, настолько органически интериоризировались в механизмы их мышления, что всякое *иное*, сказанное о Марксе, увиденное у Маркса и при этом подтвержденное *цитатами из самого Маркса*, а не из совокупного Энгельса-Ленина-Сталина, Митина и других корифеев марксизма-ленинизма, – просто *немыслимо для них*.

Более того, подобное встречается не только у догматиков, но и у вполне свободных и неангажированных исследователей, хорошо знакомых с текстами Маркса. Причем такое положение дел мы наблюдаем в эпоху, когда «позеленевшие» марксисты (теперь разрабатывающие так называемую *красно-зеленую перспективу*) уже начали эксплицировать и осваивать экологические идеи К. Маркса. К таким ученым, *не увидевшим* экологической проблематики в целостном дискурсе Маркса и в силу этого критиковавшим его за антиэкологизм и прометеанство, относятся многие марксоведы, ко-

¹ «“Продуктивизм” – производство ради прибыли – преобладает в этом мире, потому что капитализм – это система, основанная на накоплении. В такой системе повышение производительности труда всегда будет означать только увеличение производства, а также расширение рынков и производство потребностей для его удовлетворения. Это неизбежное следствие частной собственности в капиталистической системе» (Pope-Weidemann 2014).

торые в *других* отношениях достигли весьма серьезных результатов в исследованиях самых разных сторон Марксовой мысли.

Чтобы не быть голословными, приведем здесь суждения наиболее ярких представителей этой, как выражается Пол Буркетт, «прометеанской интерпретации [*Promethean interpretation*]» Маркса (Burkett 1999b: 9).

Взгляд на Маркса как на прометеанца имеет обширную историческую традицию, продолжающуюся и сегодня, и анализ этой традиции заслуживает отдельной статьи. Поэтому здесь мы по необходимости кратко рассмотрим основные пункты и аргументы «обвинения» и относящиеся к делу персоналии. Сейчас же только укажем на то, что на первом этапе становления марксистской экологии в 40–60-х гг. XX в. в связи с возникновением и ростом *энвайронментализма* как социального движения и в ответ на него такие ученые, как Р. Карсон, Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Р. Уильямс, К.У. Капп, А. Шнайберг, С. Ниаринг, а чуть позже И. Месарош, П. Суизи и Б. Коммонер (который ввел четыре закона экологии), рассматривали слияние классического марксизма, неомарксизма и *энвайронментализма* как *органический, естественный симбиотический синтез*.

Однако после утверждения гегемонии технологического модернизма и в капиталистических, и в социалистических странах, а также в следствие общего нарастания планетарных экологических противоречий в западном марксизме в конце 1960–1980-х гг. появляется радикальная критика всего прежнего марксизма и марксизма-ленинизма за *отсутствие* в них *четко артикулированной экологической составляющей*. Ведущие теоретики этого периода Т. Бентон и Дж. О’Коннор открыто противопоставляют свой *экологический марксизм марксизму традиционному*. Для них характерно *чрезмерное стремление высветить предполагаемые экологические недостатки Маркса* и на фоне этого синтезировать новый, «нетрадиционный» марксизм с различными «зелеными» концепциями.

Но кардинальный сдвиг в дискуссии произошел в связи с бурным развитием зеленой теории (экологизма) в конце 1970–1980-х гг. (Eckersley 2007). В свою очередь возникновение глубинной экологии и связанных с ней тенденций, наряду с растущим включением неомальтузианских идей в движение за охрану окружающей среды, привело к тенденции рассматривать марксизм и *энвайронментализм* как *противоположные друг другу* концепции о взаимоотношении общества и природы. К этой традиции принадлежали такие мыслители, как Д. Бенсаид, Дж. Кларк, А. Горц, А. Липиц, А. Руди. Л. Колаковски, Э. Гидденс, К. Капториадис и др. Многие из этих исследователей экстраполировали содержащиеся в ряде высказываний К. Маркса (о которых – в следующем разделе) «прометеанские» идеи на *все* его творчество.

Таким образом, под жернова красно-зеленой критики в первую очередь попал *сам Карл Маркс*, которому инкриминировалось множество преступлений против «экологичности». Основные статьи и аргументы обвинений можно свести к следующим пунктам:

1. К. Маркс – прометеанский мыслитель (Promethean thinker, prometheischer Denker). Первым, кто четко сформулировал тезис о прометеанстве

Маркса, применив именно такую терминологию, был, вероятнее всего, Лешек Колаковски, который писал, что «прометеанство Маркса [*Marx's Prometheanism*], конечно, особого рода». Оно состоит в том, «что идея “*производства ради производства*” означает развитие богатств человеческой природы как самоцель и что прогресс вида должен не поддаваться соображениям личного счастья». Более того, «покорение природы должно идти вперед; на следующей стадии люди достигнут господства над социальными условиями прогресса», ибо «Маркс не верил в существенную конечность и ограниченность человека или препятствия на пути его творчества» (Kołakowski 1978: 412-413).

2. К. Маркс рассматривает природу только лишь как *объект* для изучения в целях ее завоевания и дальнейшего утилитарного использования в качестве ресурса и товара. Думается, что наиболее ясно и лаконично общую позицию по этому вопросу выразил Джон Дризык, который прямо заявил: «Сам Маркс был прометеанцем [*Promethean*], который заботился о природе главным образом ради ее завоевания» (Dryzek 2013: 212), которое является онтологическим и гносеологическим (в смысле *познания законов природы*) основанием для продуктивистского «неограниченного роста» (Dryzek 2013: 52-72).

3. Историко-философские изъяны. Экологические идеи у Маркса спорадически и противоречиво представлены только в ранних работах; начиная же с «Немецкой идеологии» (1845-1846) и особенно с «Нищеты философии» (1847), Маркс полностью и безоговорочно переходит на позиции радикального прометеизма. Так, Э. Гидденс пишет: «...конечно, в ранних произведениях Маркса, особенно в “Рукописях 1844 года”, можно найти отрывки, которые предполагают, что природа – это больше, чем просто среда, через которую разворачивается история человечества» (Giddens 1981: 59). Но все же «“прометеевская позиция” всегда преобладает в трудах Маркса, позиция, столь же неувидительная в девятнадцатом веке, как и неоправданная в веке двадцатом, когда стало очевидно, что расширение производительных сил больше не может рассматриваться как способствующее социальному прогрессу без разного рода проблем» (Giddens 1981: 60). Не менее категоричен и Корнелиус Касториадис, который писал: «Это “упущение” [экологической проблематики] кажется странным у Маркса, потому что в ту же эпоху мы обнаруживаем экологический тип рефлексии у многочисленных авторов, например, у Гюго... Маркс же пренебрегает всем этим или считает все это второстепенным. И таким взглядам суждено было оставаться определяющими для марксизма до самого его заката» (Касториадис 2012: 247-248).

4. Рассматривая природу в перспективе ее непрерывной эксплуатации (как при капитализме, так и тем более при коммунизме) для поддержания постоянного роста материального производства, Маркс, с одной стороны, отвергает саму идею ограниченности природных ресурсов, а с другой – преуменьшает естественные пределы накопления капитала. В связи с этим делается вывод, что Маркс не учитывает экологические факторы (экологические издержки) в своем анализе стоимости/ценности (*Wert*).

5. Маркса обвиняют в двух противоположных подходах к дилемме «человек (культура)/природа». С одной стороны, Маркс – *радикальный антропоцентрист*, для которого только человек – «über alles», а природа – безликая внешняя среда. «Типичной чертой прометеанства Маркса является отсутствие у него интереса к естественным (в отличие от экономических) условиям человеческого существования, отсутствие в его видении *мира телесного человеческого существования*» (Kořakowski 1978: 413). Так, Джон Кларк заявил, что Маркс, рассматривая природу как «неорганическое тело человека», проявлял антиэкологичность и демонстрировал инструментализм и антропоцентризм своего анализа, который «представлял собой начало антиэкологической перспективы, которая пронизывала всю его работу» (Clark 1989: 251). Однако, с другой стороны, Маркс – *социоцентрист-фундаменталист*, для которого не важны ни телесный, природный человек, ни сама природа, ибо человек тотально детерминирован известной «совокупностью». «Игнорирование Марксом тела и физической смерти, секса и агрессии, географии и человеческой плодовитости [human fertility] – все это он превращает в чисто *социальные реальности* – является одной из наиболее характерных, но наиболее игнорируемых черт его Утопии» (Kořakowski 1978: 414).

6. В следствие того, что К. Маркс пренебрегает имманентной ценностью природы и отрицает ее целостность (Worster 1994) в связи со своим радикальным антропоцентризмом и социоцентризмом, он *очерняет сельский образ жизни*, рассматривая крестьян как второсортных, ограниченных людей, пребывающих в условиях «идиотизма деревенской жизни» (Маркс, Энгельс 1955а: 428). А это, в свою очередь, косвенно свидетельствует о презрительном и уничижительном отношении к природе.

7. В социологическом аспекте обвинения Маркса в прометеанстве исходят из двух аргументов. Во-первых, считается, что его концепция и критика «эксплуататорских человеческих социальных отношений, выраженных в классовых системах, не распространяется на эксплуатацию природы» (Giddens 1981: 59-60). Стало быть, собственно прометеанство Маркса, по Гидденсу, состоит в том, что он, игнорируя свою собственную классовую парадигму, выносит природу и ее эксплуатацию за скобки классового анализа. Во-вторых, с точки зрения марксистского экофеминизма Маркс не учитывает в рамках классового анализа роль «метаиндустриального класса» – женщин, собирателей, представителей коренных народов, благодаря *репродуктивной и восстановительной деятельности* которых формируется базис любого человеческого общества (Salleh 2017: 51-52).

8. Наконец, в последние годы появились «энергетические» аргументы против Маркса, согласно которым он 1) не связывал свою критику капитализма с энергетикой и вторым законом термодинамики (Martinez-Alier 2007; Kovel 2007; Kovel 2011); 2) Маркс и Энгельс не понимали разницы между возобновляемой и ископаемой энергией (Tanuro 2013).

Несмотря на то, что все приведенные пункты обвинения (даже относительно очернения сельского образа жизни) были опровергнуты, «прометеанская» интерпретация творчества Маркса существует до сих пор. В связи

с этим перед нами встает вопрос: был ли К. Маркс *убежденным прометеанцем* на протяжении всей своей научной деятельности? Для ответа на него мы обратимся к текстам основоположника марксизма¹.

2. Развитие Марксом экологических идей

Уже в своих самых ранних работах, к которым мы относим тексты конца 1830-х – первой половины 1840-х гг., К. Маркс довольно часто обращается к вопросам взаимоотношения человека и природы, то есть к анализу того, что сегодня принято называть экологической проблематикой в широком философском смысле. Если попытаться эксплицировать наиболее важные, ключевые аспекты этой проблематики у молодого Маркса, то их можно свести к следующим положениям.

Первый «экологический» момент – *сущностное единство человека и природы*, по крайней мере, в трех аспектах – онтическом, онтологическом и экзистенциальном. В **онтическом** плане человек определяется через то, *с-чем/кем и среди-чего/кого* он существует как некое специфическое *сущее*. Здесь у Маркса речь идет о *мире природы* (*Natur-Welt, natürliche Welt*), втянутой в сферу человеческого бытия. Именно этот мир выступает в его концепции как *необходимый и конститутивный* базис социального бытия. «Историю, – писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», – можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны, ибо до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (Маркс, Энгельс 1955b: 16). Как мы видим из этого положения, Маркс и Энгельс «расчленяют» единый *мир* на *мир природы* (*natürliche Welt*) и *человеческий мир* (*Menschenwelt*) (Маркс, Энгельс 1955b: 12; Marx, Engels 1978: 14, 44, 144), рассматривая которые, можно выделить следующие четыре конститутивных модуса их сущностной взаимосвязи (Foster 2000b; Holt 2009; Ottmann 1985; Schmidt 1993).

Будучи *телесным* существом, человек оказывается бытийно зависимым от природы как *своего иного* тела: «...природа есть неорганическое тело человека, а именно – природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело» (Маркс 1956: 565). В «Grundriße» (1858) Маркс пишет: «...первоначальные условия производства выступают как природные предпосылки, как природные условия существования производителя; точно так же как его живое тело, воспроизводимое и развиваемое им, первоначально создано не им самим, а является предпосылкой его самого; существование (телесное) его самого есть такая природная предпосылка, которая не им создана» (Маркс 1968: 478).

¹ Заметим, что наша хронология творчества К. Маркса является условной. Так, например, «Немецкая идеология» (1845–1846) во многих отношениях по своему экологическому содержанию ближе к работам 1850–1860-х гг., чем, скажем, к «Манифесту» (1848). Поэтому принятая здесь периодизация носит сугубо методический характер: нам хотелось специально выделить те тексты Маркса (в статье это второй период), которые дали повод объявить его прометеанским мыслителем.

Природа полагается К. Марксом и как *основа единства телесности и сознания*: «Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, – пишет он в «Рукописях 1844 года», – означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» (Маркс 1956: 565). Человек «существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных, неорганических условиях своего существования» (Маркс 1968: 480). Обратим внимание на то, что в структуре праксиса Маркс никогда не разрывал физические и психические моменты, ибо в человеческой деятельности они всегда оказываются диалектическими моментами тотальности: «...хотя мышление и бытие отличны друг от друга, но в то же время они находятся в единстве друг с другом» (Маркс 1956: 591).

В **онтологическом** плане, указывающем на то, как существует человек, способом взаимодействия человека и окружающей среды является *сознательная преобразующая деятельность*, которую Маркс в разных контекстах называет просто *человеческой деятельностью* (*Thätigkeit, Tätigkeit*), *трудом* (*Arbeit*), *практикой* (*Praktik*), *праксисом* (*Praxis*) (Маркс 1978: 5). Такая деятельность оказывается способом человеческого бытия-в-мире: «...под “деятельностью”, – пишет М.С. Каган, – следует понимать способ существования человека и соответственно его самого правомерно определять как *действующее существо*» (Каган 1974: 5).

Наконец, в **экзистенциальном** плане, являясь существом целеполагающим и разумным и *осознавая* свою зависимость от мира, в первую очередь от мира природы, человек начинает определенным образом эмоционально *относиться к миру*, переживать свое бытие-в-мире в форме неравнодушных, экзистенциальных отношений-к-миру. В этом плане человек, по Марксу, оказывается существом страдающим. «Быть чувственным, – пишет Маркс, – т.е. быть действительным, это значит быть предметом чувства, быть чувственным предметом, т.е. иметь вне себя чувственные предметы, предметы своей чувственности. Быть чувственным значит быть *страдающим* [Sinnlich sein ist leidend sein]. Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть *страдающее* существо [leidenschaftliches Wesen]» (Маркс 1956: 632).

Второй «экологический» момент – **анализ отчуждения человека от природы** в процессе развертывания имманентных механизмов капиталистического способа производства. Напомним, что эта форма отчуждения в «Рукописях 1844 года» стоит *первой*: «Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека *род*: он превращает для человека *родовую* жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни... 3) Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую сущность*... 4) Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей *родовой сущности*, является *отчуждение человека от человека*» (Маркс 1956: 565, 567).

Третий «экологический» момент ранних работ К. Маркса, непосредственно связанный с анализом отчуждения человека от природы, – **учение о человеческих потребностях**. В рамках этого учения Маркс выделяет, с одной стороны, *естественные, здоровые* (как в собственном природном, так и в социальном смысле) потребности, соответствующие родовой сущности человека и его сущностным силам (*menschlichen Wesenskräfte*), с другой – потребности *противоестественные, извращенные*, порождаемые капиталистическим способом производства (Маркс 1956: 631; Heller 1976). Этот аспект Марксовой концепции позже будет развит в анализе *истинных и ложных* потребностей, проделанном Г. Маркузе в «Одномерном человеке», а также в концепции *постоянных и относительных* влечений Э. Фромма.

Исходя из этих критических положений по отношению к капитализму, Маркс в своих ранних работах в определении коммунизма делает акцент на его гуманистической составляющей, соответствующей «завершенному натурализму» – обществу, в котором снимается противоположность между человеком и природой, а в высшей степени *богатые* потребности, вытекающие из *богатства ощущений* (*Reichtum der Empfindung*) (Маркс, Энгельс 1955с: 187), приобретают *естественные, здоровые человеческие формы у всех людей*. Более того, с точки зрения Маркса, в будущем коммунистическом обществе снимаются противоречия между человеком и природой, поскольку вместе с ликвидацией частной собственности из человеческого бытия-в-мире исчезает и отчуждение. «Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» (Маркс 1956: 588).

Таким образом, *экологическая и, соответственно, антипрометеевская* направленность ранних работ Маркса *очевидна*. Акцентуация мысли Маркса на *сущностной взаимосвязи человека и природы* была характерна для всего его творчества, но ранние работы немецкого мыслителя в этом отношении отличаются эксплицитным и даже экспрессивным *гуманистическим* характером.

С точки зрения многих исследователей (Foster 2000b; Pradella 2015; Saito 2015; Saito 2017), во второй половине 1840-х гг. Маркс довольно резко меняет общую оптику в своей концепции взаимоотношений человека и природы. Уже в «Немецкой идеологии» (ноябрь 1845 г. – август 1846 г.) он отходит от антропологическо-натуралистических идей и сугубо философского анализа отчуждения человека от природы, противопоставляя им идею *отчужденной реальности* и возможности ее преодоления. Теперь для Маркса важны не некие общие абстрактные механизмы взаимодействия человека и природы (однако их анализ всегда остается базовым фоном всех его дальнейших исследований), но в первую очередь – механизмы их взаимосвязи, в которой они составляют единую *реальную* диалектическую тотальность – *целостный организм* (*Gesamtkörper*) (Маркс 1962: 421).

Речь идет уже не просто о том, что «человек – часть природы», а «природа – неорганическое тело человека», как это имело место в «Рукописях 1844 года», а о том, что в процессе *действенного* преобразования *природы* посредством *производительных сил* (прежде всего *техники*), достигших определенного *уровня развития*, конституируются конкретные исторические формы общения, конкретно-исторические социальные структуры и институты, конкретные общественные и межличностные отношения, конкретные человеческие отношения-к-миру (в том числе и к природе). Так, «ручная мельница, – пишет Маркс в 1847 г. в сугубо редукционистском ключе, – дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» (Маркс 1955: 156). Итак, мы видим, что Маркс напрямую *связывает уровень развития производительных сил с общественным устройством целостного социального организма*.

Более того, именно в этот период у Маркса и Энгельса появляется множество высказываний, в которых обосновывается, с одной стороны, корреляция между техникой и социальной структурой, с другой – корреляция между научным и инструментальным покорением природы, ростом производства и ростом национального богатства. Эти высказывания при их поверхностном прочтении и вырывании из контекста не просто противоречат ранним философским и романтическим представлениям Маркса о взаимоотношениях (пусть и отчужденных при капитализме) между человеком и природой, но и открыто проповедуют радикальное прометеанство в его наиболее антиэкологических и чудовищных формах. Приведем некоторые из этих «прометеанских» фрагментов.

В «Манифесте Коммунистической партии» (1848) Маркс и Энгельс пишут: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!» (Маркс, Энгельс 1955а: 429).

В «Grundriß» (1858) Маркс не менее восторженно пишет: «Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда, – т.е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость, – то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе. Таким образом, только капитал создает буржуазное общество и универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи. Отсюда великое цивилизующее влияние капитала;

создание им такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как *локальное развитие* человечества и как *сueurное поклонение природе*» (Маркс 1968: 386-387).

И действительно, взаимосвязь между научно-техническим прогрессом и ростом производства в условиях капитализма просто поражает. Наряду с этим Маркс показывает, что в капиталистических условиях имеет место не просто тенденция применения «сил природы» в промышленном производстве, а то, что это применение основано на особой роли науки (см.: Lotz 2014; Pasquinelli 2019), когда она, как «всеобщее общественное знание», превращается «в *непосредственную производительную силу*»: «...природа, – пишет Маркс, – не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т.д. Все это – продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это – *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания [*vergegenständlichte Wissenskraft*]» (Маркс 1969: 215).

Таким образом, для Маркса очевидно, что пять факторов: 1) рост автоматизации промышленного производства, основанный на 2) развитии «общего интеллекта» (науки, коллективного разума, социальных знаний, логистики, управления, прогнозирования), 3) превращение его в непосредственную производительную силу, 4) подчинение ему всего реального жизненного процесса и 5) непрерывно возрастающая социализация как производственных, так и собственно коммуникативных процессов (*общения, Verkehr*) – это симптомы, тенденции *внутри капиталистического организма*, которые указывают на то, в каком направлении будет развиваться общество.

Основываясь, с одной стороны, на этих причинах успешности капитализма за счет применения науки («всеобщего интеллекта») в промышленности, сельском хозяйстве и управлении социальными процессами, а с другой – на том, что именно эта основа бурного развития капитализма порождает его имманентные противоречия, которые создают «материальные условия для того, чтобы взорвать эту основу» (Маркс 1969: 215), Маркс сформулировал свое знаменитое учение о двух основных *практических* предпосылках коммунистической революции, а именно: высоком развитии производительных сил и обусловленном им формировании революционного класса (Маркс, Энгельс 1955b: 33).

Но это – только одна сторона «прометеанства» Маркса. Другой его стороной является экстраполяция такой позиции на *основное содержание будущего*, коммунистического общества, которое мыслится в прометеанских перспективах радикального развития производительных сил, полного господства над природой, тотального управления и контроля, удовлетворения всех постоянно растущих индивидуальных и общественных материальных потребностей.

Прометеанство Маркса в этих, а также в ряде более ранних и особенно в поздних текстах вовсе не состоит (как полагают многие, например К. Ка-

сториадис) в утверждении, что якобы только прометеевская политика тотального, максимального технического, рационального и инструментального господства над обществом и окружающей средой способна привести к ликвидации капитализма и решению всех глобальных проблем, ибо, как говорит М. Букчин, «нет господства над природой без господства над людьми» (Букчин 2000).

В действительности же все прометеанские идеи Маркса можно свести к следующим положениям:

1. Каждая новая ступень исторического развития невозможна без соответствующего уровня развития производительных сил, то есть без известной степени покорения природы и оттеснения природных границ.

2. Коммунизм, как очередная ступень исторического развития, для своего возникновения требует радикального, невероятного развития всех производительных сил.

3. Именно эти фантастически развитые производительные силы и порождаемые ими новые общественные отношения рано или поздно взорвут капиталистический способ производства изнутри.

4. Удовлетворение всех постоянно растущих потребностей человека и общества может быть осуществлено только на пути бесконечного роста производства, который приведет к материальному изобилию в свободном и равном посткапиталистическом обществе.

Однако (при всем видимом прометеанстве этих положений Маркса) необходимо учитывать самое главное, а именно то, что, *признавая огромную роль капитализма в развитии материальных оснований цивилизации и науки*, свою основную цель Маркс видит в *радикальной критике того, к чему в конце концов приводит такой прогресс в рамках капиталистического способа производства*. «Силы природы и социальные силы, которые вызывает к жизни промышленность, находятся в том же самом отношении к ней, что и пролетариат. Сегодня они еще являются рабами буржуа, в которых он видит только орудия (носителей) своей эгоистической (грязной) жажды прибыли; завтра они разобьют свои цепи и проявят себя носителями человеческого развития, которое взорвет буржуа на воздух вместе с его промышленностью, принявшей лишь грязную оболочку, которую он считает ее сущностью, проявят себя настолько, что ее человеческое ядро приобретет достаточную силу, чтобы взорвать эту оболочку и явиться в своем собственном образе. Завтра силы природы и социальные силы, вызванные к жизни промышленностью, разорвут цепи, которыми буржуа отделяет их от человека, превращая их, таким образом, из действительной общественной связи в уродливые оковы общества» (Маркс 1974: 246).

Итак, как видим, даже в якобы прометеанский и «фаустовский» период своего творчества К. Маркс, безусловно признавая великое значение промышленных успехов буржуазии, тем не менее постоянно критикует технологический оптимизм по поводу покорения природы за его реальные последствия как в социальной сфере, так и в области экологии.

Уже в «Немецкой идеологии» (1845–1846) «в результате дистанцирования от философской схемы Людвиг Фейербаха Маркс начинает исследовать *отношения между людьми и природой*, используя физиологическую концепцию “метаболизма”, чтобы критиковать деградацию природной среды как проявление противоречий капитализма» (Saito 2017: 14-15). Однако в данной работе эта концепция еще не получила достаточного развития.

Более детально, как показывает в своем анализе японский экономист К. Сайто, Маркс начал говорить о *социальном метаболизме* (обмене между человеком и природой в процессе продуктивной деятельности) «в своих заброшенных “Лондонских тетрадах” и еще более подробно остановился на нем в *Grundrisse* и “*Капитале*”. Концепция метаболизма позволила ему не только осмыслить трансисторические универсальные природные условия человеческого производства, но и исследовать их радикальные исторические преобразования в процессе развития современной системы производства и роста производительных сил» (Saito 2017: 15).

«Другими словами, – продолжает К. Сайто, – Маркс исследовал, как исторически специфическая динамика капиталистического производства, опосредованная овеществленными экономическими категориями, составляет особые пути человеческого социального отношения к природе, а именно использование природы для нужд максимального накопления капитала, и как различные дисгармонии и несоответствия природы должны возникнуть из этой капиталистической деформации универсального природного метаболизма. Важнейший вклад Маркса в области экологии заключается в его подробном исследовании взаимоотношений между человеком и природой при капитализме» (Saito 2017: 15).

В «Лондонских тетрадах» (1850–1852)¹ К. Маркс расширяет свой изначально «замкнутый» анализ, ориентированный только на исследование Англии², обращаясь к изучению экспансии английского капитализма в колониях, проводимой не только в целях расширения внешних рынков сбыта и потребления рабочей силы, но и в целях эксплуатации природных ресурсов этих колоний.

Однако наиболее радикальный, кардинальный поворот к *экологическим перспективам* анализа и критики капиталистического способа производства в творчестве К. Маркса произошел в 1868 г., о чем свидетельствуют его «Экологические тетради», впервые опубликованные в декабре 2019 г. во втором международном издании полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала «Marx-Engels-Gesamtausgabe» (MEGA-2). «Экологические тетради» (1864–1872) позволили в совершенно новом свете

¹ Так были названы двадцать четыре записные книжки, пронумерованные самим Марксом, которые он вел в Лондоне в период с сентября 1850-го по август 1853 г. Эти рукописи до сих пор полностью не опубликованы.

² С. Амин и Д. Харви, например, весьма односторонне считают, что даже в «Капитале» Маркс исследует только замкнутые национальные экономики, что делает его неспособным анализировать неравномерное развитие капитализма и склонным к евроцентризму (см.: Pradella 2015: 2-3).

взглянуть на теоретическое наследие немецкого мыслителя, увидеть, как выразился Марчелло Мусто, «*другого Маркса*» (Musto 2018; Royle 2021).

Из предпринятого разыскания видно, что представления К. Маркса о взаимодействии человека и природы от одного периода его творчества к другому *развивались и углублялись*, но не в смысле альтюссеровского «эпистемологического разрыва», а в смысле действительного восхождения от абстрактного к конкретному:

– от самого *общего*, «бедного» в своем содержании философского представления о фундаментальном единстве человека и природы, об их взаимодействии и отчуждении (тексты конца 1830-х – первой половины 1840-х гг.);

– *через* философско-методологическую экспликацию *конститутивной* роли социального метаболизма в процессах формирования социальности и историчности человеческого бытия-в-мире (работы второй половины 1840–1850-х гг.);

– к анализу *конкретно-исторических форм* социального метаболизма в первую очередь в капиталистическом обществе, но также и в добуржуазных, неевропейских и возможных альтернативных посткапиталистических обществах (работы 1850–1880-х гг.).

3. Историчность социального метаболизма

Остановимся более подробно на *философских* основаниях Марксовой концепции *социального метаболизма*, которая является *центральной в экологических воззрениях Маркса*. Детальное исследование «Экологических тетрадей» (Saito, Graßmann 2019; Сайто 2021) и в целом экологических идей Маркса (Foster 2000b; Saito 2017) в их взаимосвязи с другими его идеями показывает, что для него был важен не только анализ взаимодействия в рамках системы «человек – природа» или системы «человек – техника», а прежде всего *системный анализ взаимоотношений между человеком и всей тотальностью окружающего его мира*. В этом контексте возникает сугубо философский вопрос: *а что же Маркс понимает под этим миром?*

В своем анализе мы исходим из того, что *природа, человек, общество и история* – это четыре основополагающие стороны *философии Маркса*, позволяющие немецкому мыслителю охарактеризовать *человеческую целостность* в ее прошлом, настоящем и будущем. Как пишет М. Табак, «философская система Маркса рассматривает эту *тотальность как исторический процесс*, в котором из различных предшествующих социальных целостностей формируются целостности последующие. Каждое социальное целое – это специфический “способ производства”. Все способы производства имеют одни и те же общие черты, **вытекающие из специфического взаимодействия человека с природой**» (Табак 2012: 169). И в этом смысле надо согласиться с утверждением Дж.Б. Фостера о том, что Маркс «положил экологическую перспективу в основу главного вопроса – *вопроса о социальной трансформации*» (Foster 2015).

В самом общем виде эта тотальность представляет собой целокупный, внутренне взаимосвязанный природно-социальный универсум – *человеческий дом, о́ikos*, ансамбль «миров», в которых человек осуществляет свое бытие-в-мире. При ближайшем рассмотрении (на основании текстов Маркса) можно выделить пять таких «миров»: мир-в-целом; мир природы, втянутой в сферу человеческой деятельности; социальный мир; мир «второй природы», материальной и духовной культуры; внутренний мир человека.

Основой человеческого, социально-исторического бытия, по Марксу, является праксис – сознательная предметная преобразующая материально-идеальная деятельность, посредством которой человек особым образом вступает в *отношения с природой*. Эти отношения, именуемые Марксом *социальным метаболизмом*, являются специфической формой универсального метаболизма природы.

В трудах К. Маркса мы находим ряд базовых определений метаболической взаимосвязи человека и природы. В первом томе «Капитала» (1867) социальный метаболизм характеризуется при анализе механизмов осуществления труда (см.: Saito 2020). «Труд, – пишет Маркс, – есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ [Stoffwechsel] между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как *сила природы*» (Маркс 1960: 188).

Природа у Маркса выступает как *основа и неустранимое условие человеческого индивидуального и общественного существования*. «Процесс труда... в простых и абстрактных его моментах есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ [Stoffwechsel] между человеком и природой, *вечное естественное условие человеческой жизни*, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее формам» (Маркс 1960: 195).

Наконец, *природа* полагается К. Марксом и как *основа единства телесности и сознания*: «Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, – пишет он в «Рукописях 1844 года», – означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» (Маркс 1956: 565)¹. Человек «существует двояко: и субъективно в качестве самого себя, и объективно – в этих природных, неорганических условиях своего существования» (Маркс 1968: 480).

Преобразуя природу в целях удовлетворения своих потребностей, адаптируя ее к себе в процессе *совместной деятельности (Zusammenwirkung)*, *праксиса* (который у К. Маркса выступает как родовая сущность человека и способ его существования), «действительно деятельные [wirklich tätigen]»

¹ Важно отметить, что до сих пор даже в экологических и околоэкологических кругах этот очевиднейший факт не находит должного понимания. Так, Джейсон Мур в 2017 г. писал, что одной из фундаментальных проблем в области экологических социальных наук «является широко признанное, но *недостаточно усвоенное понимание того, что люди являются частью природы*» (Moore 2017: 285).

и «подлинные/телесные люди [leibhaftigen Menschen]» (Маркс, Энгельс 1955b: 25) постепенно созидают мир своего *совместного существования, мир со-бытия*. Здесь речь идет, с одной стороны, о *социальном метаболизме*, «сознательном обмене веществ [Stoffwechsel] между человеком и природой», а с другой – о формирующихся *общественных и социальных (Verkehr, gesellschaftliche und soziale Verhältnisse)* субъект-объектных (общественно-предметных) и субъект-субъектных (межличностных) *отношениях*. Стало быть, природа выступает у Маркса и как *основа общественного бытия людей*, ибо только в совместной практической, продуктивной деятельности, обусловленной природно-телесной организацией, конституируется *социальность, общество*, которое представляет собой *тотальность (Totalität), целостный организм (Gesamtkörper)*. Размышляя об истоках и материале древнегреческого искусства, Маркс пишет: «Но предпосылкой тут является не любая мифология, т.е. не любая бессознательно-художественная переработка природы (здесь под природой понимается все предметное, следовательно, включая и общество)» (Маркс 1968: 48).

Одновременно с этим в процессе осуществления праксиса социально-деятельные индивиды *втягивают* окружающую их природу в сферу своей жизнедеятельности, *преобразуют* ее и тем самым на ее основе *созидают* свой собственный, *человеческий, искусственный мир*, который включает в себя (в силу изначального имманентного единства самого человека как телесно-целеполагающего существа) *цельную материальную, социальную и духовную культуру, «вторую природу» (Umwelt)* – культурную среду обитания. Таким образом, в *социальном метаболизме*, «встроенном» в универсальный метаболизм природы, конституируются структуры собственно *человеческого мира*: из процесса социального метаболизма, из «*действительного жизненного процесса [wirklichen Lebensprozess]*» (Маркс, Энгельс 1955b: 25), из «*действительной жизни [wirkliche Leben]*» (Маркс, Энгельс 1955b: 24), направленной на удовлетворение потребностей, вырастают социальные институты и структуры.

Отношения, складывающиеся и в непосредственных телесных взаимоотношениях с миром природы (*Natur-Welt*), и в самой совместной деятельности (*Zusammenwirkung*), и в мире со-бытия (*Mitwelt*), и в мире культуры (*Umwelt*), с необходимостью *репрезентируются* в человеческой психике

– с одной стороны, в виде различных форм и содержаний индивидуального сознания («мыслей» о мире и о том, как мы в этом мире обретаемся);

– с другой – в виде человеческих отношений-к этому миру. А поскольку человек мыслится Марксом динамически, как существо *страдающее, неравнодушное*, обладающее *страстью*, то в случае с *отношениями-человека-к-миру* речь идет об отношениях *эмоциональных, неравнодушных, эмпатических, экзистенциальных*, которые образуют его *собственный внутренний мир* (Кондрашов 2021: 16).

Ансамбль всех этих миров (природы, общества, культуры, экзистенции) и составляет, по сути, *целокупную окружающую среду человека*, в которую он погружен, встроен и в которой протекает его бытие-в-мире.

Поэтому у Маркса *окружающая среда* никак не редуцируется к некоей «природе», а понимается как дом-*οίκος* – ансамбль всех человеческих «миров»: втянутой в человеческую деятельность части *природы* (*natürliche Welt*), материальной и духовной *культуры* («второй природы»), *Umwelt*, совместного мира с *другими* (*Mitwelt*). И в этом плане человек *радикально неотделим от своего мира*, отношения с-которым и отношения-к которому эмоционально переживаются им в его внутреннем интимном мире – *экзистенции* (*Eigenwelt*).

Поскольку праксис выступает прежде всего как *преобразующая активность*, то в ходе его темпорального развертывания каждое условно-новое поколение застаёт *целостный окружающий мир* (*οίκος*), созданный всеми предшествующими поколениями; затем изменяет этот мир в процессе своей собственной деятельности и, наконец, передает его в этом трансформированном виде следующему поколению. То есть *человеческий мир* оказывается *историчным* (Маркс, Энгельс 1955b: 44-45).

А коль скоро в основании всех этих бытийных преобразований, по Марксу, лежит *социальный метаболизм* (*Stoffwechsel*), то есть *социально-деятельный обмен веществ между человеком и природой*, то и экологические взаимоотношения между человеком и описанными выше «мирами» также оказываются *историчными* в *разных природных условиях*, в *разные эпохи* и при *разных способах производства*. «Предположительно, – пишет Маркс, – в каждом обществе *окружающая среда* изменяется целенаправленно и сознательно в результате трудовой деятельности человека, при этом особенность капиталистического отношения к природе состоит в том, что в первую очередь капитал... создаёт *универсальное присвоение природы* [*universelle Aneignung der Natur*]» (Marx 2019: 855-856). Однако способы использования труда сильно различаются в зависимости от условий производства, уровня производительных сил и продуктов в соответствующих общественных формациях.

Исходя из того, что, с точки зрения Маркса, «исторические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, **как** производится», попробуем описать *экологическую специфику* каждой из трех общественно-исторических формаций, выделенных Марксом в «Grundriße» (Маркс 1968: 100-101) и в известных набросках письма к В.И. Засулич (Маркс 1961: 404, 413, 419), однако для более *рельефного* подчеркивания *специфики* капиталистического способа производства в рамках вторичной («экономической») формации мы выделим только капитализм.

В *докапиталистическую* эпоху слабое развитие средств труда обуславливало традиционные *нетоварные* формы производства: на ранних стадиях до неолитической революции это были собирательство, охота и рыболовство; на более поздних – земледелие и скотоводство; ремесленное производство всегда носило подчиненный характер. Таким образом, основой хозяйства в эту эпоху выступает либо сама природа, либо природа, частично окультуренная (в земледелии и животноводстве).

Присваивающее хозяйство и аграрное производство как основа общественного бытия и господствующий сельский образ жизни обуславливали

экологический баланс, базировавшийся на устойчивом соотношении производства и потребления в рамках закона возмещения (сколько у природы взял, столько же ей вернул обратно). Воздействие, давление на природную среду оставалось в пределах хозяйственной емкости биосферы, и поэтому не происходило необратимых разрушений природной основы функционирования человечества. За исключением признаваемых Марксом особых случаев, главным образом касавшихся ирригационных цивилизаций, в эту эпоху имело место «единство людей и естественных, неорганических условий, и их метаболизма с природой». По крайней мере, с его точки зрения (которая сегодня подвергается критике), «до аграрной революции в Англии истощение почвы и чрезмерное обезлесение не были социальными проблемами» (Marx 2019: 857).

Отсюда вытекает и *отсутствие* стремления к расширенному воспроизводству, то есть имеет место производство ради удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей (в терминологии Аристотеля *οἰκονομική* – экономика), а не ради наживы (по Аристотелю, *χρηματιστική* – хрематистика). Ориентация на штучное производство *потребительных ценностей* и на их *качество* – это специфика докапиталистических способов производства. Самое важное состоит в том, что у людей в эту длительную эпоху не было *мотивации к увеличению давления на природу, ее завоевания и покорения*. Отсюда и особое эмоциональное отношение-к-природе.

На следующей – *капиталистической* – стадии *базисный* социальный метаболизм осуществляется в *промышленном производстве*. Доминирующей стороной праксиса теперь становится уже не сама *непосредственная природа*, а такие факторы, как «профильтрованный трудом сырой материал», организация производственной деятельности, техника и технологии, то есть имеет место увеличение искусственных, машинных и научных факторов в общей структуре общественного праксиса.

На основе *капиталистического* применения этих новых средств производства происходит не просто расширение мира «второй природы», но и радикальное отчуждение природы от человека в процессе его деятельности. Вспомним, что в «Рукописях 1844 года» именно эту форму отчуждения Маркс ставит на первое место. Согласно Марксу, капиталистический способ производства и «отношение наемного труда и капитала» характеризуются «отделением [*Trennung*]» людей от «естественных, неорганических условий их метаболизма с природой» (Marx 1981: 393).

Но если в ранних рукописях и примыкающих к ним текстах Маркса речь идет еще о более или менее абстрактном отчуждении от природы, де-дуцируемом, как выражается сам немецкий мыслитель, из «современного политико-экономического факта», то в «Экологических тетрадах» Маркс анализирует уже *конкретные* формы этого отчуждения, которые он называет *разрывами* (*Risse*) в процессах протекания социального метаболизма (Marx 2019). Эти разрывы (или разломы) обнаруживают себя в следующих явлениях.

Рост промышленного производства, вызванный стремлением ненасытной буржуазии постоянно увеличивать свои прибыли, влечет за собой

необходимость роста объемов производства в постоянно расширяющихся масштабах, а значит, и непрерывного увеличения ресурсного и технологического «давления на природу», когда, например, *жизненные циклы растений и животных уже зависят не от биологических параметров, а от технологических циклов и рынка*. Отсюда и стремление капиталистов безгранично применять, эксплуатировать и рабочую, и природную силу в целях обеспечения условий для «самовозрастания капитала» (см.: Saito, Graßmann 2019: 855-856).

При этом сама природа в общественном (господствующем, то есть буржуазном) сознании *a priori* рассматривается как *неисчерпаемая кладовая*. Отсюда и базовая мотивация капитализма – стремление к постоянному росту *товарного* производства для увеличения прибылей (по Аристотелю, доминирование *хрематистики* над *экономикой*), которая ведет к *прометейзму*, то есть к агрессивному технологическому увеличению материального производства для удовлетворения человеческих потребностей при полном игнорировании последствий этого для окружающей среды.

Промышленное производство детерминирует возникновение и *рост городов современного типа*, в которых основная масса населения не занимается аграрным трудом. Происходит фундаментальный, с точки зрения Маркса, *метаболический разрыв между городом и деревней*, который приводит к нарушению так называемого *закона возмещения*, то есть к нарушению экологического, метаболического баланса в самом простом смысле: поскольку изъятые из почвы растения перемещаются в густонаселенные города и после потребления не возвращаются в виде фекалий в места своего происхождения, а становятся отходами, которые увеличивают загрязнение городской среды и не возмещают почве взятые у нее минеральные питательные вещества.

Эта ситуация, по мнению Маркса, порождает *грабительскую систему (Raubbau)* в сельском хозяйстве (см.: Saito, Graßmann 2019: 857-862), Маркс даже пишет, что «грубое ограбление перерастает в искусство грабежа», в «закономерный ход хищнического хозяйствования» (Marx 2019: 137, 426)¹.

Основным становится господство массового производительного труда (то есть труда, *приносящего прибавочную стоимость*) при подавлении репродуктивных и восстановительных форм деятельности. Более того, при этом имеет место нормализация эксплуататорского подхода ко всем без исключения формам труда.

Отсюда и специфическое отношение-к-природе, характерное только для капитализма. Как пишет Маркс, «только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание

¹ Речь идет о невозвращении питательных веществ в места произрастания растений и разведения животных, приводящем к ухудшению почв и увеличению применения азотных удобрений, вырубке лесов, загрязнению водоемов, контролю всего жизненного цикла животных в попытке сократить время между рождением и убоем и т.п.

ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства» (Маркс 1968: 387). Более того, «капитал разрушителен по отношению ко всему этому», ибо разрушает все преграды на пути имманентного стремления к безмерной «эксплуатации природных и духовных сил» (Маркс 1968: 387).

Итак, *метаболические разрывы* представляют собой не результат некоего абстрактного внеисторического «антропологического» воздействия на природу, а *результат развертывания имманентных условий капиталистического способа производства*. Такое развертывание, собственно говоря, и обнаружило себя в *прометеанском отношении к миру*. Метаболические разрывы и экологические кризисы – это структурные следствия капиталистического способа производства, которые могут быть элиминированы только вместе с самим капитализмом. Поэтому, как верно заметил Д. Тануро, «“зеленый капитализм” – это противоречие в терминах» (Тануро 2013: 43).

Исходя из своего анализа экологических противоречий капитализма, обнаруживающих себя в метаболических разрывах в структуре всех «миров», составляющих человеческий *οἶκος*, Маркс делает вывод, что все эти негативные метаболические разрывы и разломы, наряду с другими имманентными противоречиями, подрывают капиталистический способ производства изнутри, создавая условия для перехода к новому, *гармоничному типу социального метаболизма*, основанному:

- на новой системе потребностей¹;
- сберегающем производстве потребительных ценностей, а не прибылей;
- преодолении разрыва между городом и деревней (что для Маркса было основополагающим);
- росте непродуцируемых, репродуктивных форм деятельности;
- изменении экзистенциальных отношений к миру (в некотором смысле Маркс предвосхищает то, что уже в XX в. академик Д.С. Лихачёв назовет «экологией культуры»);
- устойчивом развитии. В третьем томе «Капитала» Маркс пишет: «С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники [*Eigentümer*] земли. Они лишь ее владельцы [*Besitzer*], пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейств, они должны оставить ее улучшенной *последующим поколениям*» (Маркс 1962: 337).

¹ «Говоря о коммунистическом будущем, Маркс думал, что, как и в древние времена, создание максимального богатства перестанет быть целью общества. Само богатство больше не будет определяться, как в буржуазном обществе, как накопление все большего и большего количества материальных благ, а будет рассматриваться как совместное развитие потребностей, способностей, удовольствий и производительных сил свободно связанных индивидов» (Löwy 2020).

«Маркс в “Капитале” признает важную функцию природы для производства любого материального богатства, и этот аспект, без сомнения, останется важным для посткапиталистического общества. Конкретный труд, как регулятор этого постоянного метаболического взаимодействия между человеком и природой, не только отнимает у природы, но и возвращает продукты труда, включая отходы, в чувственный мир. Таким образом, круговой процесс протекает как непреодолимое материальное условие человеческой жизни» (Saito 2017: 101).

Заключение

Итак, подведем некоторые итоги нашего исследования.

1. Опираясь на тексты К. Маркса, мы показали, что многие исследователи ошибочно считают его антиэкологическим мыслителем. Такое представление, сформировавшее *миф о Марксе как о прометеанце*, возникло на основе вырванных из общего контекста его философии отдельных фрагментов; однако на самом деле в них Маркс не только *воспроизводит* характерный для всего модерна (кроме романтизма и консерватизма) либерально-социалистический дискурс о *прогрессивном* развертывании истории через изменения природы, общества и человека, но и *вырывается* из этой прогрессистской парадигмы посредством критики социальных и экологических последствий капиталистического способа производства и научного анализа *экологических* перспектив, которые возможны только при уничтожении базовых основ капитализма. Следует отметить, что, с точки зрения Маркса, техника, технологии, наука сами по себе являются в большей степени *нейтральными*, ибо их позитивное/негативное, экологическое/прометеанское применение зависит от базисных социально-экономических условий и отношений, в рамках которых эти «продолжения человеческой руки» используются, а также (не в меньшей степени) и от целей экономических и политических субъектов и т.д.

2. Надо четко понимать, что даже когда «Карл Маркс аплодировал техническому прогрессу, экономическому росту и покорению природы» (Dryzek 2013: 53), его позиция кардинально отличалась от радикального прометеанства как в его прежних (либерализм, утопический социализм), так и в современных (неолиберализм, акселерационизм, фашизм, техногуманизм) формах. Более того, большинство идей Маркса вполне соответствует современному уровню понимания экологических проблем¹, хотя некоторые из них сегодня, конечно, воспринимаются как само собой разумеющиеся.

3. Несмотря на то, К. Маркс считает, что существование любого человеческого общества (независимо от его конкретной формы) фундировано в социальном метаболизме, то есть в практическом обмене веществ между человеком и природой, более тщательный анализ текстов немецкого мыслителя показывает, что он рассматривает этот метаболизм не только в системе

¹ Да и не только их: «Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают» (Поппер 1992: 98).

«человек – природа», в которой природа понимается узко, как окружающая среда (биогеоценоз), но и в более широком онтологическом контексте – как метаболизм с целокупным универсумом «миров» (собственно природы, общества, материально-духовной культуры, экзистенции), в которых, как в *oikos* (в своем доме), обретается человек.

4. С точки зрения Маркса, социальное бытие является *историчным*, а следовательно, каждой общественно-исторической ступени развития присущ собственный специфический вид метаболизма, то есть своя особая форма *экологического взаимодействия между всеми «мирами»*. Поэтому экологические проблемы (обезлесение, эрозия почв, нарушение баланса между городом и деревней, антиэкологическая ситуация в городах, проблемы с питьевой водой, грабительская система в сельском хозяйстве, нарушение жизненных циклов в животноводстве) рассматривались К. Марксом как имманентные разрывы в социальном метаболизме в условиях капиталистического способа производства, то есть исследовались им, с одной стороны, в нерасторжимой связи со всеми другими сторонами общественного бытия, с другой – все «экологические» моменты он включал в целокупный социально-исторический анализ, что позволило ему:

– рассмотреть *генезис* метаболических разрывов, связь их возникновения как со становлением капиталистического общества, так и с основными импульсами и мотивами капитализма (господство хрематистики – погони за прибылью, товарное производство, ориентация на бесконечный рост производства, количественный подход ко всему сущему, тотальная коммодификация, рост и диверсификация отчуждения, эксплуатация природы и человека);

– объяснить *функционирование* этих разрывов как необходимых сторон и следствий самого капиталистического способа производства, его имманентных механизмов, институтов и структур;

– проанализировать *расширение, диверсификацию* этих разрывов, начиная с отчуждения человека от природы и овещнения вплоть до формирования представления о неисчерпаемости природы у буржуазных политэкономов и сугубо инструментального, эксплуататорского отношения-к-природе;

– сделать вывод, что *преодоление* порожденных капитализмом метаболических разрывов во всех сферах человеческого бытия *невозможно* без уничтожения самого капитализма с его имманентным стремлением к неограниченному росту ради роста (*grow-or-die*), начиная с роста экономического и заканчивая бесконечным «личностным ростом»;

– сделать прогнозы относительно будущего общества вне капиталистических форм социального метаболизма и, соответственно, без порождаемых ими метаболических разрывов.

Грядущая форма социального метаболизма, по Марксу, будет связана с ориентацией на *качественное* потребительное производство, направленное на удовлетворение всего богатства здоровых потребностей (в смысле *их глубины, а не количества*), с преодолением экологического разрыва между городом и деревней, с совершенно новыми по содержанию формами

экзистенциальных отношений человека к природе, обществу, культуре, другим людям как личностям, к самому себе.

5. Человек, по К. Марксу, как некоторое Я, как уникальная личность и индивидуальность определяется активными и пассивными отношениями со всеми мирами (природа, культура, общество), то есть со всей окружающей средой, и без любого элемента этой целостной среды вида Homo sapiens как человек онтологически невозможен. Поэтому тут необходимо сделать довольно радикальный, но вполне естественный (если следовать тотализирующей логике Маркса) вывод: комплексному экологическому изучению (ecology) и основанной на таком изучении охране (environment) подлежат все без исключения элементы («миры») οἶκος (окружающей среды): и мир природы, и мир «второй природы» – культуры, и социальный мир, и внутренний мир человека. Таким образом, то, что мы называем экологией Маркса, представляет собой уже не узкие дисциплины ecology и environment, а философское учение об οἶκος, доме-мире, в котором, являясь его частью, живет человек, с которым он находится в постоянном взаимодействии (метаболизме), от которого он онтологически, витально зависит, но и который он преобразует «по своему образу и подобию», и к которому так или иначе он экзистенциально относится.

6. Думается, что исходя из марксовских экологических идей необходимо будет радикально переосмыслить всего Маркса, начиная с его философии, социологии, политической экономии и заканчивая его эстетикой и представлениями о будущем обществе. Напомним, что подобное революционно новое прочтение Маркса произошло после публикаций «Рукописей 1844 года» (1929–1932), «Немецкой идеологии» (1932) и «Grundriße» (1939–1941). «Невозможно понять всю полноту Марксовской критики политической экономии, – пишет К. Сайто, – если игнорировать ее экологическое измерение... В этом смысле экология Маркса не только представляет собой имманентный элемент его экономической системы и его освободительного видения социализма, но также предоставляет нам одну из самых полезных методологических опор для исследования экологических кризисов как центрального противоречия нынешней исторической системы общественного производства и воспроизводства. “Драгоценное наследие” теории Маркса можно полностью оценить только в связи с его экологией» (Saito 2017: 13-14). Таким образом, перед марксоведами открываются новые широчайшие перспективы и задачи освоения и усвоения экологического наследия Маркса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Букчин М. 2000. Экология и революционное сознание / пер. В. Дамье. URL: <http://tw2000.chat.ru/45-1.htm> (дата обращения: 07.11.2021).
- Варшавский В.С. 2016. Незамеченное поколение. Москва ; Берлин : Директ-Медиа. 383 с.
- Каган М.С. 1974. Человеческая деятельность : (Опыт системного анализа). Москва : Политиздат. 328 с.

Касториадис К. 2012. Революционная сила экологии // К. Касториадис. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974–1997). Москва : Гнозис : Логос. С. 243-254.

Кондрашов П.Н. 2021. Попытка целостного определения понятия «окружающая среда» в перспективе философской антропологии Карла Маркса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 5. С. 10-19. DOI 10.25198/2077-7175-2021-5-10.

Коряковцев А., Вискунов С. 2017. Марксизм и полифония разумов. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 684 с.

Лосев А.Ф. 1978. Эстетика Возрождения. Москва : Мысль. 623 с.

Лосев А.Ф. 1995. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва : Искусство. 320 с.

Маркс К. 1955. Нищета философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 4. С. 65-185.

Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Москва : Политиздат. С. 517-642.

Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 23. С. 5-784.

Маркс К. 1961. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 19. С. 400-421.

Маркс К. 1962. Капитал. Т. 3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 25, ч. 2. С. 3-488.

Маркс К. 1968. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 46, ч. 1. 560 с.

Маркс К. 1969. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 46, ч. 2. 618 с.

Маркс К. 1974. О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 42. С. 228-258.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955а. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 4. С. 419-459.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955б. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 3. С. 9-544.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955с. Святое семейство // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 2. С. 3-230.

Мартьянов В.С. 2010. Стратегические возможности России: экологические приоритеты экономики будущего // Инновационная Россия : сб. работ лауреатов и дипломантов Всерос. конкурса интеллектуальных проектов «Держава-2009». Москва : Форум. С. 122-136.

Поппер К.Р. 1992. Открытое общество и его враги. Москва : Феникс : Культурн. инициатива. 528 с.

Сайто К. 2021. Экологические тетради Карла Маркса // Научный журнал «Дискурс-Пи». Т. 18, № 3. С. 10-30. DOI 10.17506/18179568_2021_18_3_10.

Anderson K.B. 2002. Marx's late writings on non-Western and precapitalist societies and gender // Rethinking Marxism. Vol. 14, iss. 4. P. 84-96. DOI 10.1080/008935690212331340971

Burkett P. 1999a. Marx and Nature. A Red and Green Perspective. New York : St. Martin's Press. 312 p.

Burkett P. 1999b. Was Marx a Promethean? // Nature, Society, and Thought. Vol. 12, № 1. P. 7-42.

- Clark B. et al. 2019. *Metabolic Rifts and the Ecological Crisis* / B. Clark, J.B. Foster, S. Longo // *The Oxford Handbook of Karl Marx*. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 651-658.
- Clark J.P. 1989. *Marx's Inorganic Body* // *Environmental Ethics*. Vol. 11, iss. 3. P. 243-258. DOI [enviroethics198911315](https://doi.org/10.1080/10455752.2010.547667).
- Dryzek J. 2013. *The Politics of the Earth: Environmental Discourses*. Oxford : Oxford Univ. Press. 289 p.
- Eckersley R. 2007. *Green Theory* // *International Relations Theories: Discipline and Diversity* / Ed. by T. Dunne, M. Kurki, St. Smith. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 247-265.
- Foster J.B. 1995. *Marx and the Environment* // *Monthly Review*. Vol. 47, № 3. P. 108-123. DOI [10.14452/MR-047-03-1995-07_8](https://doi.org/10.14452/MR-047-03-1995-07_8).
- Foster J.B. 2000a. *Marx's Ecological Value Analysis* // *Monthly Review*. Vol. 52, № 4. P. 39-47. DOI [10.14452/MR-052-04-2000-08_4](https://doi.org/10.14452/MR-052-04-2000-08_4).
- Foster J.B. 2000b. *Marx's Ecology: Materialism and Nature*. New York : Monthly Review Press. X, 310 pp.
- Foster J.B. 2013. *Marx and the Rift in the Universal Metabolism of Nature* // *Monthly Review*. Vol. 65, № 7. P. 1-19. DOI [10.14452/MR-065-07-2013-11_1](https://doi.org/10.14452/MR-065-07-2013-11_1).
- Foster J.B. 2015. *Marxism and Ecology: Common Fonts of a Great Transition* // *Monthly Review*. Vol. 67, № 7. P. 1-13. DOI [10.14452/MR-067-07-2015-11_1](https://doi.org/10.14452/MR-067-07-2015-11_1)
- Foster J.B., Burkett P. 2016. *Marx and the Earth: An Anti-Critique*. Leiden ; Boston : Brill. 326 p.
- Giddens A. 1981. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Vol. 1. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press. 294 p.
- Heller A. 1976. *A Theory of Need in Marx*. London : Allison and Busby. 135 p.
- Holt J.P. 2009. *Karl Marx's Philosophy of Nature, Action and Society: A New Analysis*. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing. 190 p.
- Kołakowski L. 1978. *Main Currents of Marxism*. Vol. 1. The Founders. Oxford : Clarendon Press. 428 p.
- Kovel J. 2007. *The Enemy of Nature. The End of Capitalism or the End of the World?*, London ; New York : Zed Books ; Halifax : Fernwood Pub. ; New York, NY : Distributed in the USA exclusively by Palgrave Macmillan. 347 p.
- Kovel J. 2011. *On Marx and Ecology* // *Capitalism. Nature. Socialism*. Vol. 22, № 1. P. 4-17. DOI [10.1080/10455752.2010.547667](https://doi.org/10.1080/10455752.2010.547667).
- Lotz C. 2014. *Karl Marx: Das Maschinenfragment*. Hamburg : Laika Verlag. 144 S.
- Löwy M. 2020. *Karl Marx: Promethean Visionary?* August 18, 2020. URL: <https://newpol.org/karl-marx-promethean-visionary/> (дата обращения: 07.11.2021).
- Martinez-Alier J. 2007. *Marxism, Social Metabolism, and International Trade* // *Rethinking Environmental History* / Ed. by A. Hornborg, J.R. McNeill, J. Martinez-Alier. New York : Altamira. P. 221-237.
- Marx K. 1974. *The Ethnological Notebooks*. Assen : Van Gorcum. 454 p.
- Marx K. 1978. *Thesen über Feuerbach* // K. Marx, F. Engels. *Werke*. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 3. S. 5-7.
- Marx K. 1981. *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie* // K. Marx, F. Engels. *Gesamtausgabe (MEGA)*. 2 Abt. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 1. 750 S.
- Marx K. 2019. *Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872* // K. Marx, F. Engels. *Gesamtausgabe (MEGA)*. 4 Abt. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung. Bd. 18. 1296 S.
- Marx K., Engels F. 1978. *Die deutsche Ideologie* // K. Marx, F. Engels. *Werke*. Berlin : Dietz Verlag. Bd. 3. S. 9-530.

Moore J.W. 2017. Metabolic rift or metabolic shift? Dialectics, Nature, and the world-historical Method // *Theory and Society*. Vol. 46, № 4. P. 285–318. DOI 10.1007/s11186-017-9290-6.

Musto M. 2018. Another Marx. Early Manuscripts to the International. London : Bloomsbury Publishing Plc. IX, 289 p.

Ottmann H. 1985. Der Begriff der Natur bei Marx. Überlegungen im Licht ökologischer Fragestellungen // *Zeitschrift für Philosophische Forschung*. Bd. 39, H. 2. S. 215–228.

Pasquinelli M. 2019. On the Origins of Marx's General Intellect // *Radical Philosophy*. Vol. 2, № 6. P. 43–56.

Patnaik U. 1999. The Promethean Vision: The Communist Manifesto and the Development of Capitalism after 150 Years // *Social Scientist*. Vol. 27, № 1/4. P. 112–126. DOI 10.2307/3518219.

Pope-Weidemann M. 2014. [Review] Green Capitalism: Why It Can't Work, October 8, 2014. URL: <https://www.counterfire.org/articles/book-reviews/17465-green-capitalism-why-it-can-t-work> (дата обращения: 07.11.2021).

Pradella L. 2015. Globalization and the Critique of Political Economy: New Insights from Marx's Writings. New York : Routledge. XX, 219 p.

Prasad A. 2018. Ethnological Notebooks: Some Methodological Reflections // *Marxist. Theoretical Quarterly the Communist Party of India (Marxist)*. Vol. 34, № 3. P. 53–67.

Rahim E. 2020. A Promethean Vision: The Formation of Karl Marx's Worldview. Glasgow : Praxis Press. 122 p.

Royle C. 2021. Ecological Marxism // *Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism*. New York : Routledge. P. 443–450.

Saito K. 2015. Reconstructing Marx's Critique of Political Economy from His London Notebooks // *Monthly Review*. Vol. 67, № 7. P. 56–61. DOI 10.14452/MR-067-07-2015-11_6.

Saito K. 2017. Karl Marx's Ecosocialism. Capitalism, Nature, and the Unfinished Critique of Political Economy. New York : Monthly Review Press. 308 p.

Saito K. 2020. Marx's Theory of Metabolism in the Age of Global Ecological Crisis // *Historical Materialism*. Vol. 28, № 2. P. 1–22. DOI 10.1163/1569206X-20202802.

Saito K., Graßmann T. 2019. [Einleitung zu Auszügen und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872] // K. Marx, F. Engels. Gesamtausgabe (MEGA). 4 Abt. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung. Bd. 18. S. 839–883.

Salleh A. 2017. Ecofeminism // *Routledge Handbook of Ecological Economics. Nature and Society* / Ed. By C.L. Spash. Oxford ; New York : Routledge. P. 48–56.

Schmidt A. 1993. Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx. Hamburg : Europäische Verlagsanstalt. 211 S.

Sheasby W. 1999. Anti-Prometheus, Post-Marx // *Organization & Environment*. Vol. 12, № 1. P. 5–44. DOI 10.1177/1086026699121001.

Tabak M. 2012. Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy. New York : Palgrave Macmillan. 241 p. DOI 10.1057/9781137043146.

Tanuro D. 2013. Green Capitalism. Why It Can't Work. London : Merlin Press. 224 p.

Worster D. 1994. Nature's Economy: A History of Ecological Ideas. 2nd ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 423 p.

References

Anderson K.B. Marx's late writings on non-Western and precapitalist societies and gender, *Rethinking Marxism*, 2002, vol. 14, iss. 4, pp. 84–96. DOI 10.1080/008935690212331340971.

Bookchin M. *Ecology and Revolutionary Consciousness*, 2000, available at: <http://tw2000.chat.ru/45-1.htm> (accessed November 07, 2021). (in Russ.).

Burkett P. *Marx and Nature. A Red and Green Perspective*, New York, St. Martin's Press, 1999, 312 p.

Burkett P. Was Marx a Promethean?, *Nature, Society, and Thought*, 1999, vol. 12, no. 1, pp. 7-42.

Castoriadis C. The revolutionary power of ecology, K. Castoriadis, *Dreifujushhee obshhestvo. Besedy i diskussii (1974–1997)*, Moscow, Gnozis, Logos, 2012, pp. 243-254. (in Russ.).

Clark B., Foster J.B., Longo S. Metabolic Rifts and the Ecological Crisis, *The Oxford Handbook of Karl Marx*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2019, pp. 651-658.

Clark J.P. Marx's Inorganic Body, *Environmental Ethics*, 1989, vol. 11, iss. 3, pp. 243-258. DOI [enviroethics198911315](https://doi.org/10.1080/0161757891315).

Dryzek J. *The Politics of the Earth: Environmental Discourses*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2013, 289 p.

Eckersley R. Green Theory, T. Dunne, M. Kurki, St. Smith. (eds.) *International Relations Theories: Discipline and Diversity*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2007, pp. 247-265.

Foster J.B. Marx and the Environment, *Monthly Review*, 1995, vol. 47, no. 3, pp. 108-123. DOI [10.14452/MR-047-03-1995-07_8](https://doi.org/10.14452/MR-047-03-1995-07_8).

Foster J.B. Marx and the Rift in the Universal Metabolism of Nature, *Monthly Review*, 2013, vol. 65, no. 7, pp. 1-19. DOI [10.14452/MR-065-07-2013-11_1](https://doi.org/10.14452/MR-065-07-2013-11_1).

Foster J.B. Marx's Ecological Value Analysis, *Monthly Review*, 2000, vol. 52, no. 4, pp. 39-47. DOI [10.14452/MR-052-04-2000-08_4](https://doi.org/10.14452/MR-052-04-2000-08_4).

Foster J.B. *Marx's Ecology: Materialism and Nature*, New York, Monthly Review Press, 2000, x, 310 p.

Foster J.B. Marxism and Ecology: Common Fonts of a Great Transition, *Monthly Review*, 2015, vol. 67, no. 7, pp. 1-13. DOI [10.14452/MR-067-07-2015-11_1](https://doi.org/10.14452/MR-067-07-2015-11_1)

Foster J.B., Burkett P. *Marx and the Earth: An Anti-Critique*, Leiden, Boston, Brill, 2016, 326 p.

Giddens A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism, vol. 1*, Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press, 1981, 294 p.

Heller A. *A Theory of Need in Marx*, London, Allison and Busby, 1976, 135 p.

Holt J.P. *Karl Marx's Philosophy of Nature, Action and Society: A New Analysis*, Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2009, 190 p.

Kagan M.S. *Human activity. (Experience in systems analysis)*, Moscow, Politizdat, 1974, 328 p. (in Russ.).

Kořakowski L. *Main Currents of Marxism. Vol. 1. The Founders*. Oxford : Clarendon Press, 1978. 428 p.

Kondrashov P.N. An attempt at a holistic definition of the concept of "environment" in the context of Karl Marx's philosophical anthropology, *Intellekt. Innovatsii. Investitsii [Intellect. Innovations. Investments]*, 2021, no. 5, pp. 10-19. DOI [10.25198/2077-7175-2021-5-10](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-5-10). (in Russ.).

Koryakovtsev A., Viskunov S. *Marxism and the Polyphony of Rationalities*, Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy, 2017, 684 p. (in Russ.).

Kovel J. On Marx and Ecology, *Capitalism. Nature. Socialism*, 2011, vol. 22, no. 1, pp. 4-17. DOI [10.1080/10455752.2010.547667](https://doi.org/10.1080/10455752.2010.547667).

Kovel J. *The Enemy of Nature. The End of Capitalism or the End of the World?*, London, New York, Zed Books, Halifax, Fernwood Pub., New York, NY, Distributed in the USA exclusively by Palgrave Macmillan, 2007, 347 p.

Losev A.F. *Aesthetics of Renaissance*, Moscow, Mysl', 1978, 623 p. (in Russ.).

Losev A.F. *The Problem of the Symbol and realistic Art*, Moscow, Iskusstvo, 1995, 320 p. (in Russ.).

Lotz C. *Karl Marx: The Machine Fragment*, Hamburg, Laika Verlag, 2014, 144 p. (in German).

Löwy M. *Karl Marx: Promethean Visionary?*, August 18, 2020, available at: <https://newpol.org/karl-marx-promethean-visionary/> (accessed November 07, 2021).

Martinez-Alier J. Marxism, Social Metabolism, and International Trade, A. Hornborg, J.R. McNeill, J. Martinez-Alier (eds.) *Rethinking Environmental History*, New York, Altamira, 2007, pp. 221-237.

Martyanov V.S. Russia's Strategic Opportunities: Environmental Priorities for the Economy of the Future, *Innovatsionnaya Rossiya : sb. rabot laureatov i diplomantov Vseros. konkursa intellektual'nykh proektov «Derzhava-2009»*, Moscow, Forum, 2010, pp. 122-136. (in Russ.).

Marx K. Capital. Vol. 1, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1960, vol. 23, pp. 5-784. (in Russ.).

Marx K. Capital. Vol. 3, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1962, vol. 25, pt. 2, pp. 3-488. (in Russ.).

Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844, *K. Marks, F. Engel's, Iz rannikh proizvedeniy*, Moscow, Politizdat, 1956, pp. 517-642. (in Russ.).

Marx K. Economic manuscripts 1857–1859 (Grundriße), *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1968, vol. 46, pt. 1, 560 p. (in Russ.).

Marx K. Economic manuscripts 1857–1859 (Grundriße), *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1969, vol. 46, pt. 2, 618 p. (in Russ.).

Marx K. Excerpts and notes: February 1864 to October 1868, November 1869, March, April, June 1870, December 1872, *K. Marx, F. Engels. Gesamtausgabe (MEGA), 4 Dep.*, Berlin, De Gruyter Akademie Forschung, 2019, vol. 18, 1296 p. (in German).

Marx K. On the book of Friedrich Liszt “The National System of Political Economy”, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1974, vol. 42, pp. 228-258. (in Russ.).

Marx K. Outline of a reply to a letter to Vera Zasulich, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1961, vol. 19, pp. 400-421. (in Russ.).

Marx K. Outlines of the critique of political economy, *K. Marx, F. Engels. Gesamtausgabe (MEGA), 2 Dep.*, Berlin, Dietz Verlag, 1981, vol. 1, 750 p. (in German).

Marx K. *The Ethnological Notebooks*, Assen, Van Gorcum, 1974, 454 p.

Marx K. The Poverty of Philosophy, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 65-185. (in Russ.).

Marx K. Theses about Feuerbach, *K. Marx, F. Engels, Werke*, Berlin, Dietz Verlag, 1978, vol. 3, pp. 5–7. (in German).

Marx K., Engels F. Communist Manifesto, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 419-459. (in Russ.).

Marx K., Engels F. The German Ideology, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 3, pp. 9-544. (in Russ.).

Marx K., Engels F. The German Ideology, *K. Marx, F. Engels, Werke*, Berlin, Dietz Verlag, vol. 3, 1978, pp. 9-530. (in German).

Marx K., Engels F. The Holy family, *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1955, vol. 2, pp. 3-230. (in Russ.).

Moore J.W. Metabolic rift or metabolic shift? Dialectics, Nature, and the world-historical Method, *Theory and Society*, 2017, vol. 46, no. 4, pp. 285-318. DOI 10.1007/s11186-017-9290-6.

Musto M. *Another Marx. Early Manuscripts to the International*, London, Bloomsbury Publishing Plc., 2018, ix, 289 p.

Ottmann H. The concept of nature in Marx. Reflections in the light of ecological issues, *Zeitschrift für Philosophische Forschung*, 1985, Vol. 39, no. 2, pp. 215-228. (in German).

Pasquinelli M. On the Origins of Marx's General Intellect, *Radical Philosophy*, 2019, vol. 2, no. 6, pp. 43-56.

Patnaik U. The Promethean Vision: The Communist Manifesto and the Development of Capitalism after 150 Years, *Social Scientist*, 1999, vol. 27, no. 1/4, pp. 112-126. DOI 10.2307/3518219.

Pope-Weidemann M. [Review] *Green Capitalism: Why It Can't Work*, October 8, 2014, available at: <https://www.counterfire.org/articles/book-reviews/17465-green-capitalism-why-it-can-t-work> (accessed November 11, 2021).

Popper K.R. *Open Society and Its Enemies*, Moscow, Feniks, Kul'turnaya initsiativa, 1992, vol. 2, 528 p. (in Russ.).

Pradella L. *Globalization and the Critique of Political Economy: New Insights from Marx's Writings*, New York, Routledge, 2015, xx, 219 p.

Prasad A. Ethnological Notebooks: Some Methodological Reflections, *Marxist. Theoretical Quarterly the Communist Party of India (Marxist)*, 2018, vol. 34, no. 3, pp. 53-67.

Rahim E. *A Promethean Vision: The Formation of Karl Marx's Worldview*, Glasgow, Praxis Press, 2020, 122 p.

Royle C. *Ecological Marxism*, *Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism*, New York, Routledge, 2021, pp. 443-450.

Saito K. *Karl Marx's Ecosocialism. Capitalism, Nature, and the Unfinished Critique of Political Economy*, New York, Monthly Review Press, 2017, 308 p.

Saito K. Marx's Theory of Metabolism in the Age of Global Ecological Crisis, *Historical Materialism*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 1-22. DOI 10.1163/1569206X-20202802.

Saito K. Reconstructing Marx's Critique of Political Economy from His London Notebooks, *Monthly Review*, 2015, vol. 67, no. 7, pp. 56-61. DOI 10.14452/MR-067-07-2015-11_6.

Saito K., Graßmann T. [Introduction to extracts and notes: February 1864 to October 1868, November 1869, March, April, June 1870, December 1872], *K. Marx, F. Engels, Gesamtausgabe (MEGA)*, 4 Dep., Berlin, De Gruyter Akademie Forschung, 2019, vol. 18, pp. 839-883. (in German).

Saito K. Marx's Ecological Notebooks, *Scientific journal "Discourse-P"*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 10-30. DOI 10.17506/18179568_2021_18_3_10. (in Russ.).

Salleh A. Ecofeminism, *C.L. Spash (ed.) Routledge Handbook of Ecological Economics. Nature and Society*, Oxford, New York, Routledge, 2017, pp. 48-56.

Schmidt A. *The concept of nature in the teaching of Marx*, Hamburg, Europäische Verlagsanstalt, 1993, 211 p. (in German).

Sheasby W. Anti-Prometheus, Post-Marx, *Organization & Environment*, 1999, vol. 12, no. 1, pp. 5-44. DOI 10.1177/1086026699121001.

Tabak M. *Dialectics of Human Nature in Marx's Philosophy*, New York, Palgrave Macmillan, 2012, 241 p. DOI 10.1057/9781137043146.

Tanuro D. *Green Capitalism. Why It Can't Work*, London, Merlin Press, 2013, 224 p.

Varshavsky V.S. *An overlooked generation*, Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2016, 383 p. (in Russ.).

Worster D. *Nature's Economy: A History of Ecological Ideas*, 2nd ed., Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1994, 423 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пётр Николаевич Кондрашов

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0975-4418>;

SPIN-код: 9945-3898;

E-mail: pnk060776@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyotr N. Kondrashov

Doctor of Philosophy, Leader researcher by Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0975-4418>;

SPIN-код: 9945-3898;

E-mail: pnk060776@gmail.com

Климова С.М. «Трудная проблема» ленинской теории отражения: дискуссии 1930–1950-х годов. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_44 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 44–64.

УДК 1(091):14

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_44

«Трудная проблема» ленинской теории отражения: дискуссии 1930–1950-х годов

Светлана Мушаиловна Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

г. Москва, Россия.

E-mail: sklimova@hse.ru

*Поступила в редакцию 09.08.2021, поступила после рецензирования 26.10.2021,
принята к публикации 15.11.2021*

Статья посвящена вариациям ленинской теории отражения в отечественной философии первой половины XX в. Сам характер дискуссий превратил проблему понимания особенностей теории познания в «трудную», чему способствовали идеолого-политические примеси, характерные для философского поиска того времени. Предметом исследования является теория отражения в диамате, которая рассматривается в сравнении с онтогносеологией М.А. Лифшица. В статье показан процесс догматизации ленинской теории отражения в дискуссиях 1930–1940-х гг., а также трансформация данной теории в онтогносеологии Лифшица в 1940–1950-е гг. Идеологическим катализатором процесса разработки ленинской теории отражения стал принцип партийности, вследствие чего вульгарный социологизм и диамат были закреплены в гуманитарных науках, и лишь в 1950-х гг. стало происходить их постепенное преодоление. В начале сталинского этапа истории советской философии знаковыми стали дебаты вокруг книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Тон в них задавали выпускники Института красной профессуры, которым руководил А.М. Деборин. На примере ряда работ, написанных ими в середине 1930-х гг., показаны особенности трактовки понятия «отражение», а также идеологическая конъюнктура, во многом определявшая содержание и ход философской дискуссии. Принцип партийности требовал ставить во главу угла классовые интересы (как их понимали вожди пролетарской партии). В области теории познания и сознания это вылилось в требование отстаивать диалектико-материалистическую позицию в борьбе с многочисленными разновидностями идеализма. Под этим знаком и проходила дискуссия о ленинской теории отражения. В статье описана современная полемика, в которой даны противоположные оценки роли А.М. Деборина в формировании советского диамата и решении «трудной проблемы» ленинской теории

© Климова С.М., 2022

отражения. Послевоенные годы советской философии представлены онтогносеологией М.А. Лифшица. Соратник и друг Д. Лукача, Лифшиц внес наибольший вклад в преодоление вульгарного социологизма и возобновление традиций творческого марксизма. Он вышел на иную трактовку диалектики бытия и сознания, субъективного и объективного, предложив глубокое и оригинальное понимание теории отражения. В онтогносеологии Лифшица отражение бытия в сознании обусловлено свойством отражаемости, присущим самому бытию.

Ключевые слова: «Материализм и эмпириокритицизм», отражение, бытие, сознание, партийность, онтогносеология, М.А. Лифшиц

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00646.

A “Hard Problem” of Lenin’s Theory of Reflection: Discussions of the 1930s and 1950s

Svetlana M. Klimova

Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: sklimova@hse.ru

Received 09.08.2021, revised 26.10.2021, accepted 15.11.2021

Abstract. This article discusses the versions of Leninist reflection theory in the Russian philosophy of the first half of the twentieth century. The very nature of the discussions made the problem of understanding the features of the theory of cognition a “hard” problem. This was facilitated by the ideological and political impurities characteristic of philosophical inquiry at the time. The “diamat” (short for “dialectical materialism”) reflection theory is compared with M.A. Lifshits’s “ontognoseology”. The task is to show the process of dogmatization of Lenin’s reflection theory in the discussions of the 30s–40s, as well as the transformation of this theory in Lifshits’s ontognoseology in the 1940–50s. The article highlights the variations of reflection theory in the Soviet philosophy of 1930–70s. This theory in Diamat is considered in comparison with the “ontognoseology” of Mikhail Lifshits. The ideological catalyst for the development of the “Leninist reflection theory” was the principle of partisanship. As its consequence, vulgar sociology and Diamat were fixed in the humanities, and only in the early 1950s they began to be gradually overcome. At the beginning of the Stalinist phase in the history of Soviet philosophy, the debates around Lenin’s book *Materialism and Empiriocriticism* became a landmark phenomenon. The tone was set by the students of the Institute of Red Professors, headed by Abram Deborin. The example of several works written by them in the mid-thirties shows the peculiarities of interpreting the concept of reflection, as well as the ideological conjuncture that largely determined the content and course of the philosophical discussion. The principle of partisanship demanded that class interests (as understood by the leaders of the proletarian party, of course) should come first, and in the theory of knowledge and consciousness, it meant that the dialectical-materialist position should be defended in the struggle against all varieties of idealism. It was under this sign that the discussion of Lenin’s theory of reflection took place. The article also analyses contemporary polemics, in the course of which opposite assessments of Deborin’s role

in the formation of Soviet diamat and in solving the “hard problem” of Lenin’s theory of reflection are given. The postwar years of Soviet philosophy are represented in the article by Mikhail Lifshits’s “ontgnoseology”. An associate and friend of Georg Lukács, Lifshits made the greatest contribution to overcoming vulgar sociology and renewing the tradition of creative Marxism. He described the dialectics of being and consciousness, of the subjective and the objective, proposing a profound and original interpretation of the theory of reflection. In Lifshits’s ontgnoseology, the reflection of being in consciousness is conditioned by the property of reflectivity inherent in being itself.

Keywords: “Materialism and empiriocriticism”; reflection; being; consciousness; partisanship; ontgnoseology; M.A. Lifshits

Acknowledgements: The study was funded by RFBR, project number 20-011-00646.

For citation: Klimova S.M. A “Hard Problem” of Lenin’s Theory of Reflection: Discussions of the 1930s and 1950s, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 44-64. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_44.

Проблема отражения мира в сознании человека уходит своими корнями в античную философию. В философии Нового времени уже Ф. Бэкон проводит сравнение познающего человеческого разума с «неровным зеркалом», отражающим вещи с известным коэффициентом преломления. В советском диалектическом материализме 1930–1950-х гг. теория отражения достигает пика своего развития. Сегодня мы имеем возможность взглянуть на ход тех дискуссий с исторической дистанции, без идеологических предубеждений. Такая ретроспекция позволит избежать старых ошибок и может помочь обнаружить нечто полезное для дальнейшего исследования природы сознания и познания, особенно если воспользоваться категорией отражения. В этом подходе и состоит актуальность и новизна предпринимаемого нами исследования.

Советскую философию зачастую считают догматичной, полной штампов и банальностей. Меж тем за многими, казалось бы, примитивными формулировками скрыта большая работа философской мысли, пытавшейся выжить в яростных идеологических баталиях. В марксистско-ленинском учении о природе сознания нет, кажется, ни одного тезиса, который не прошел бы через горнило жарких дискуссий, где, по словам М.А. Лифшица, речи участников нередко напоминали «потусторонний звук летящей мины, привет с того света». Признание этого, конечно, не отменяет, догматизма и схоластики, которыми был наполнен советский период, и в частности странстве философских споров.

Наиболее интенсивно в советской философии развивалась теория сознания и познания как отражения природного и общественного бытия. Сегодня не прекращаются споры о диалектике, характере отражения бытия сознанием, о том, кто является подлинным наследником творческого марксизма, а кто эпигоном, и т.д. Дискуссии по этому поводу велись на протяжении всего советского периода, в них были вовлечены такие выдающиеся философы, как Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, П.В. Копнин, З.М. Оруджев, М.М. Розенталь, А.П. Шептулин и многие другие. В рамках настоящей ста-

ты мы рассмотрим взгляды только нескольких философов и ряд научных и идеологических аспектов ленинской теории отражения.

Становление советской философии. О том, как шла борьба за власть в процессе институализации советской философии, подробно повествуется в работах С.Н. Корсакова (Корсаков 2009). Поворотный момент произошел в конце 1920-х гг. в ходе знаменитой дискуссии между деборинцами и механистами, которая в итоге привела к дискредитации и тех, и других, расчистив место для молодых апологетов и теоретиков сталинизма. «1930 год стал последним годом первого периода существования Института философии. Против деборинского философского руководства начали наступление “молодые силы” выпускников философского отделения Института красной профессуры во главе с М.Б. Митиным... Деборинская линия на разработку фундаментальных теоретических и историко-философских проблем, которая проводилась в Институте философии, не могла не пасть жертвой новой идеологической кампании по “борьбе на два фронта” в философии: не только против “механистов”, но и против “диалектиков”» (Корсаков 2009: 33). Справедливости ради надо заметить, что «молодую профессуру» политизировать философию как раз и учили те, против кого она в итоге и направила полученные навыки идеологической борьбы. А.М. Деборин прямо называет М.Б. Митина, П.Ф. Юдина и В.Н. Ральцевича своими учениками, которых он обучал азбуке марксизма и которые на его плечах стали важными сановниками (Деборин 2014). В своих воспоминаниях он пишет, что его молодые оппоненты использовали против него аргументы, которым он сам когда-то их научил, обвиняя его в незнании истин, которые они впервые от него же услышали (Деборин 2014). Этот прием на долгие годы станет весьма распространенным в советской обвинительной риторике.

Принцип партийности обязывал учитывать классовый интерес при обсуждении любых научных тем, и в первую очередь философских. «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих “новейших” направлениях» (Ленин 1968: 360). Правда, Ленин не отождествлял напрямую партийность в философии с партийностью в политике. Так, меньшевик Г.В. Плеханов оказался союзником Ленина в борьбе с махистской философией большевиков А.А. Богданова, А.В. Луначарского и др. Партийность в философии состоит в защите материализма или идеализма. Если материализм имманентно связывался с наукой, то идеализм традиционно ассоциировался с религией.

Принцип партийности главенствовал во всех областях знания, подобно тому как в искусстве и литературе всем управлял метод соцреализма. Смена политики партии влекла за собой соответствующую коррекцию философских взглядов. «Партийность требовала адогматизма. Он, в свою очередь, – диалектики в качестве обоснования и размывания границ философии – выведения ее за пределы научной дисциплины в область мировоззрения и идеологии» (Добренко 2014: 30).

Философия превращалась в область идеологии, становясь, как писал Маркс, «извращенным сознанием». Удобным оказалось соединение идеализма не только с фидеизмом, но и с политической позицией меньшевиков, пусть и бывших, но все же врагов революции. Материализм же стал достоянием большевистской позиции. Таким образом, философия постепенно превращается в оружие классово-борьбы (идеологической эта борьба станет в 1940-х гг. при тотальном господстве сталинского режима).

Стоит напомнить, что митинская критика дебординцев была связана и с дискуссией о ленинском этапе в философии¹. Деборина обвиняли в недооценке Ленина-теоретика и, напротив, в переоценке роли Плеханова в учении о диалектике. В современной литературе продолжают дебатов по данному вопросу. С.Н. Мареев формулирует оппозиционную схему: Ленин vs Плеханов. При этом Деборин изображается как представитель антиленинского подхода в философии и крестный отец диамата, процветавшего в сталинский период. Деборин действительно считал творцом русского марксизма Плеханова, а Ленина лишь его учеником и последователем (что исторически правомерно). Также очевидно, что ближайшие ученики Деборина превратились в сталинскую идеологическую службу, и вина за это косвенно лежит и на нем. Но достаточное ли это основание для обвинения Деборина в создании вульгарного диамата – вопрос открытый, и ответ на него скорее отрицательный. Например, Корсаков считает Деборина подлинным диалектиком в отличие от ярого сталиниста Митина, являющегося подлинным вдохновителем вульгарного диамата.

Мареев видит главный недостаток дебординской диалектики не просто в увлечении Плехановым, но в том, что вслед за ним Деборин понимал диалектику «не как логику, не как теорию познания, а, скорее, как онтологию» (Мареев 2008: 23). Диалектика понималась весьма абстрактно, «как наука о законах, действующих одинаково в природе, обществе и человеческом мышлении» (Мареев 2008: 24). Именно так определяли диалектику на протяжении всех лет существования советской философии прежде всего те, кто клеймил Деборина как меньшевистствующего идеалиста, – Митины, Юдины, Константиновы и иже с ними. Формулировка философии «как науки о законах развития человеческого мышления, отражающего законы развития природы и человеческого общества» (Митин 1934b), кочевала из учебника в учебник вплоть до перестройки. Схема восприятия Аксельрод как философа научно-позитивистского толка, а Деборина как идеалиста, «гальванизирующего гегелевскую диалектику», оказалась и в учебниках постперестроечного периода, в том числе во «Введении в философию» под общей редакции И.Т. Фролова (1989).

Деборин, рассуждая о природе диалектического материализма, обнаруживает фундаментальное знание западной философии. Пытаясь пред-

¹ Игошуа Яхот справедливо называл дискуссию о ленинском этапе камуфляжем и дымовой завесой, под прикрытием которой формировался культ личности Сталина (см.: Яхот 1991).

ставить диалектический материализм как закономерный итог развития философского мышления, он поднимается по лестнице рассуждений от психологических теорий Юма, Беркли к немецкой классике: Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю, – и указывая, что «абстрактно-рассудочный способ мышления... есть низшая форма познания... Материалистическая диалектика – наука об общих законах объективного мира и познания. Диалектика исключает возможность конечного бытия. Диалектика рассматривает общие формы или определения мышления одновременно как общие формы и определения вещей, общие законы вещей суть и общие законы мышления. Только в этом случае и возможно объективное познание реального мира» (Деборин 1929: 86, 88). Такая диалектика отдаленно напоминает Спинозовский монизм, но в ней мало общего с митинским диалектизмом.

В своих воспоминаниях Деборин противопоставлял Ленину не Плеханова, но Сталина, который, с его точки зрения, «возымел желание стать выше Ленина и как теоретик, как философ, для чего у него не было никаких данных» (Деборин 2014). Нанося удар по меньшевистствующим диалектикам-идеалистам, Сталин, по мнению Деборина, на самом деле целился в Ленина, исподволь заменяя его имя своим, добавляя к ленинизму еще и сталинизм.

«Худосочный очерк» Сталина «Об историческом и диалектическом материализме» был написан при участии Митина. Сам Деборин, напротив, демонстрирует свою внутреннюю близость к Ленину через их общую симпатию к Гегелю и гегелевской диалектике. В 1938 г. он вошел в «Краткий курс истории ВКП(б)», который тем же Митиным был назван энциклопедией марксизма. В сталинском очерке, как известно, даже не оказалось закона отрицания отрицания, который, по остроумному выражению Е. Добренко, «отмер» за ненадобностью (видимо, вместо обещанной «смерти» государства. – С. К.)» (Добренко 2014: 28). Этот очерк принес много зла советской философии и лучшим ее представителям.

С появлением на политической арене фашизма стало еще затруднительнее отстаивать диалектику Гегеля, как теперь утверждалось, «весьма привлекательную для фашизма» (Митин 1931: 28).

Ленинское учение о диалектике и его отношение к Гегелю четче всего было сформулировано в «Философских тетрадах» (по сути, философских конспектах многих классиков философии), и именно их ряд исследователей считает ступенькой подлинной ленинской философии. Так или иначе, в 1930-е гг. строительство марксистско-ленинской философии потребовало идейного обоснования присутствия в ней ленинского этапа.

Дебаты 1930-х гг. вокруг ленинской теории отражения. Описанные выше перипетии становления советской философии связаны с обсуждением ее общих проблем, а точнее – с определением сути материалистической диалектики и пониманием специфики сознания в контексте ленинской теории отражения. Дискуссия вокруг этой теории возникла в начале 1930-х; к этому времени тезис о первичности бытия и его отражении сознанием стал устойчивым стереотипом, однако требовались бесконечные усилия

чтобы уточнить его суть. Важную роль здесь сыграли споры вокруг книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Двадцатипятилетию первой публикации книги в 1934 г. была посвящена специальная сессия Академии наук СССР, а также целая серия научных статей и сборников. В этих работах представлены самые разные подходы к пониманию материи, сознания и отражения. Юбилей ленинской книги стал идеологическим предлогом для расстановки «правильных акцентов» в советской философии. В представленной дискуссии явно ощущается и начало формирования культа личности Сталина.

Рассмотрим ряд статей из вышедшего в 1935 г. сборника «“Материализм и эмпириокритицизм” Ленина». Обосновывая выдающуюся роль и значение ленинского этапа в философии, многие авторы попутно рьяно критикуют Деборина и его школу. Так, один из редакторов сборника Р. Янковский не только отстаивает идущий от Ленина и раздуваемый Сталиным тезис о партийном характере философии, но именно на этом основании подвергает ярому осуждению философию «меньшевистствующего диалектика» Деборина за явную склонность к кантианству, в котором «смазывается борьба партий в философии» и центром становится синтез эмпиризма и рационализма (см.: Янковский 1935: 7). Склонность к кантианству Ленин обнаружил еще у Плеханова, а так как Деборин считался последователем Плеханова, то на нем лежит груз тех же ошибок и той же вины, что и на его учителя. Критический удар также наносится и по всему направлению «неподлинной» диалектической мысли, и по идеалистической диалектике Гегеля. Янковский утверждает, что Деборин неправильно ее использовал, забыв, что диалектика не только метод исследования, но и мировоззрение, то есть идеология. Однако на деле, отказавшись видеть в философии идеологию, Деборин как раз продемонстрировал приверженность марксизму, объявившему философию ложной идеологией.

Янковский ополчается и на Л.И. Аксельрод, которая в 1909 г. серьезно критиковала Ленина, называя его позицию наивным реализмом, а не материализмом. Ленин действительно сочувственно писал о наивном реализме, под которым, по сути, понимал здравый смысл, лежащий в основе любого стихийного материализма. Аксельрод же разделяет материализм и наивный реализм, свойственный, по ее мнению, эмпириокритикам и Вл. Ильину (псевдоним Ульянова-Ленина): «...основа наивного реализма, которая сводится к полному отождествлению психического и физического, остается для обоих (эмпириокритики и Ленин. – С. К.) одной и той же. Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материи, не похожи на объективные процессы, порождающие их» (Аксельрод 1909).

Янковский вроде бы и соглашается с присутствием у Ленина идеи наивного реализма, но далее утверждает, что Ленин, с его точки зрения, вовсе не отождествляет физическое и психическое, как считает Аксельрод. Напротив, в психическом Ленин видит *отражение* физического и тем самым снимает удвоение, оставаясь на почве и материализма, и объективной реальности.

Янковский полагает, что используемые Лениным слова *образ*¹ и *отражение* уже говорят об отсутствии удвоения или психофизического тождества: «Весь смысл теории отражения в гносеологии заключается в утверждении реального взаимодействия, реальной связи между объектом и субъектом, отсутствия необходимой принципиальной пропасти между вещью в себе и ее познавательным образом, явлением» (Янковский 1935: 38). Для Ленина проблема связи между вещью в себе и явлением – это не кантианский вопрос о поиске априорных оснований для возможности апостериорного познания, а словесная ерунда и вздор: «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится “по ту сторону” явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), – все это пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка» (Ленин 1968: 102). Но именно такие пассажи и подвергались Аксельрод острой критике, именно в них она и обнаружила «удвоение» или крайнюю примитивизацию процесса познания в процессе отражения. Она оценила книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в целом как философски слабую, эклектичную, полемически задорную, но не научную. Свободная критика Вл. Ильина в 1909 г. обернулась для Аксельрод ярлыком ревизионистки и партийной травлей в 1930-е гг.

Янковский между тем и сам описывает отражение наподобие некоей кальки предмета в сознании или ощущении по принципу «сходства снимка с моделью», не выходя за пределы вульгарного удвоения. Безусловно, такая позиция Янковского, как и приводимые им многочисленные примеры из мира восприятия физических объектов человеческим глазом или ухом, отдает наивным реализмом и сенсуализмом, от которых он ранее отмежевался. Янковский обвиняет идеалистов в том, что они активность – отражение – приписывают только духу или субъекту, тогда как, по Ленину, это лишь низший вид отражения – «мертвый зеркальный акт»; высшим же типом отражения в интерпретации Янковского является практика – практическая деятельность сознания, при которой материя в познании дана не только через ощущения, но и через понятия. Из его деклараций неясно, как понятия формируются на практике и как связана с этим созерцательная форма мышления (восприятие глазом и ухом). Апеллируя к науке, Янковский одновременно борется и с ней, с ее неспособностью самостоятельно обобщать результаты опытов.

При этом Янковский не упоминает, что мысль о связи теории и практики в более четкой формулировке намного раньше выразил Деборин:

¹ В этой связи показательны рассуждения об образе А.М. Деборина: «Греческое слово “идея”, которое вы так часто употребляете, означало первоначально *чувственный зрительный образ*. Слово это образовалось от греческого глагола “εἶδος” – видеть. В смысле чувственного зрительного образа этот термин [образ. – С. К.] употребляется еще Демокритом, и только у Платона это понятие приобретает специфическое значение некоей *умопостигаемой формы*» (Деборин 1934: 117).

«Объективная действительность, осознание этой действительности и практическое наше воздействие на нее, то есть активное изменение человеком изменяющейся действительности на почве понимания в процессе ее изменений, – вот те звенья, которые диалектически объединяются в синтетическое целое. Практика в этом нашем понимании составляет диалектический синтез объективной действительности и субъективного познания ее. Марксизм самую практику поднял на теоретическую высоту, сделав вместе с тем теорию необходимым элементом практики» (Деборин 1929: 60). Критика Янковского и других авторов сборника построена на извращенной (и в то же время универсальной) логике: уничтожать врага, черпая свои аргументы из его же теорий (по сути, беззастенчиво воруя его мысли). К этому стоит прибавить и известный манипулятивный прием домысливания за оппонента того, что он не говорит, но что ему смело можно приписать.

Партийную линию в философии продолжает статья Д. Рудника «Материализм и эмпириокритицизм» как документ партийной борьбы». Рудник также обрушивается на Деборина и Аксельрод: обнаружив у них высказывания против большевиков и самого Ленина, он автоматически увязывает критику с непониманием ими обоими сути партийности в философии. Неважно, что ссылки даются на статьи дореволюционного периода, не имеет значения и факт диалектического развития/изменения и идей, и человека, и его убеждений, да и самой эпохи. Однако Руднику приходится не только критиковать меньшевиков от философии, но и одновременно связывать их деятельность с Плехановым, с которым в 1908 г., работая над книгой, Ленин вступил в союз против махистов, ликвидаторов и прочих идеологических оппонентов. Поэтому надо было корректно координировать дозволенные и недозволенные позиции. Статья Д. Рудника, являясь образчиком пропагандистско-идеологического дискурса эпохи, наглядно демонстрирует механизм формирования мифоязыковых основ вульгарного диамата. Попутно заметим, что практически все языковые идеологемы того времени рядятся в одежды научного дискурса.

В статье «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» Ленина» В. Ральцевича, который, как и Р. Янковский, был редактором сборника и бывшим учеником Деборина, развивается линия сближения деборинцев и механистов с целью продемонстрировать их общее непонимание ленинского наследия и указать на отрицательную роль этих направлений в становлении марксистской философии. Суть критики проста. Деборин считает философски значимыми лишь «Философские тетради» Ленина и недооценивает «Материализм и эмпириокритицизм». Механисты, напротив, не признают «Философские тетради» и манипулируют данными из «Материализма и эмпириокритицизма», подменяя философию псевдонаучными понятиями и теориями. Достается от Ральцевича и деборинцу И.К. Лупполу, который посмел противопоставить указанные работы Ленина друг другу и откровенно восхищаться ленинской оценкой гегелевского идеализма. Статья «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» Ленина» написана в лучших традициях догматической схоластики и учебников по марксизму-ленинизму. Оказывается, единственной це-

лью Луппола было «подверстать» ленинский анализ к идеологии меньшевистствующего идеализма¹. Луппол, согласно Ральцевичу, не понял того, что Ленин мог похвалить Гегеля, но он никогда не мог встать на точку зрения идеализма. Это и отличает Ленина от искаженно понимавших диалектику деборинцев, с легкостью сдавших свои позиции в угоду идеализму. По мнению Ральцевича, Луппол пытается разделить ленинский материализм и диалектику, чтобы «протащить» диалектику как метод и отказаться от материализма как мировоззрения. Ральцевич обвиняет механистов и деборинцев в близорукости, из-за которой они не увидели в «Материализме и эмпириокритицизме» сути материалистической диалектики. Фактически высказывания В. Ральцевича представляют собой пересказ позиции М.Б. Митина, четко выраженной в вышедшем в 1933 г. под его редакцией учебнике «Диалектический и исторический материализм»: «Представители идеалистической ревизии марксизма видели все существо диалектического материализма в том, что он является “методом”. Ставя таким образом вопрос, они *отрывали метод от общефилософского мировоззрения*, отрывали диалектику от материализма. Не верна и механическая точка зрения, которая видит в философии марксизма *только общефилософское мировоззрение*, притом тождественное с выводами механического естествознания, не понимая при этом, что наша философия не есть просто материализм, а *диалектический материализм*» (Митин 1934b).

В 1934 г. вышел четвертый номер журнала «Под знаменем марксизма», который уникален тем, что стал общей площадкой, позволившей высказаться не только главному сталинисту того времени (будущему проводнику сталинских идей, во многом способствовавшему формированию культа личности Сталина) М.Б. Митину, но и бывшему диалектику, а теперь меньшевистствующему идеалисту А.М. Деборину и бывшему лидеру механистов Л.И. Аксельрод. Несмотря на то, что номер был посвящен 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», акцент включенных в него статей переместился с юбилейной тематики на обсуждение одной из фундаментальных проблем книги – ленинской теории отражения.

Номер открывает статья Н.К. Крупской. Перечисляя решаемые Лениным в книге задачи, Крупская прежде всего выделяет мысль своего великого супруга о том, что любой идеализм не просто буржуазен, он еще и религиозен по своей сути; лишь диалектический материализм, будучи идеологией рабочего класса, ставит во главу угла идею партийной природы всякого философского знания. Крупская отстаивает идею необходимости классовой борьбы с любым инакомыслием, ибо и махисты, и любого рода идеалисты своими рассуждениями зовут в религиозные дебри и «мешают развитию самосознания масс. С ними нужна борьба» (Крупская 1934: 7). Показательно, что в качестве примера Крупская приводит немецкий фашизм, который не только сжигает труды Маркса, Энгельса, Ленина

¹ Показательно, что, в отличие от Р. Янковского, В. Ральцевич называет своих оппонентов не меньшевистствующими диалектиками, а только меньшевистствующими идеалистами.

и Сталина, но также сохраняет все черты идеализма, всячески укрепляя религию и отвлекая рабочий класс от революционной борьбы. Коммунизм, напротив, развивает диамат, двигая рабочий класс к практической борьбе за светлое будущее. Так Крупская описала связь между теоретической борьбой за правильное мировоззрение и практической борьбой фашизма и коммунизма.

В статье Митина «Актуальные вопросы теории отражения и “Материализм и эмпириокритицизм” Ленина», изобилующей каскадом парадной риторики: *бессмертная книга, гений Ленина, высококачественная большевистская сталь* и т.д. – выстроена оппозиция Плеханов – Ленин. Плеханову Митин отводит лишь роль просветителя и популяризатора марксизма, а Ленину – роль основоположника творческого марксизма. Примечательна и нарисованная в статье историко-философская картина: в период 1904–1910 гг. Ленин, по словам Митина, показал, что главная борьба за умы людей шла между религиозно-философским идеализмом и марксизмом. Поэтому он и бросил все свои силы на борьбу с религией во всех ее проявлениях. В этой борьбе досталось и В.С. Соловьёву, и веховцам, и кантианцам, и махистам, то есть всем ренегатам и отщепенцам. Возникает ощущение, что Ленин один, как богатырь земли Русской, противостоял не только религии, но и всей религиозной философии первого десятилетия XX в.

Митин ополчается на Деборина и Аксельрод, которые, по его мнению, клеветают на ленинское наследие, утверждая о связи махистов и большевиков. Разговор о неомахизме с неизбежностью приводит Митина к обоснованию научно-материалистического характера ленинской теории отражения и ее отличия от махистского мира, данного в ощущениях. В доказательство стихийно-материалистического мировоззрения естествоиспытателей в статье дается длинное описание достижений современной физики (Планка, Эйнштейна и др.). Ученый всегда материалист в науке, несмотря на то, что в философии он может оказаться махровым мракобесом. Подлинная философия может быть только научной, а значит, она должна быть диалектическим материализмом. Разрыв между разумом и верой ученого может приводить к научным ошибкам. Эти сентенции, как мы сейчас понимаем, таили угрозу не только свободной мысли в философии, но и непосредственно ученым-естествоиспытателям.

Далее Митин кратко формулирует суть ленинской теории отражения, которая к тому моменту уже вошла в советские учебники: 1) любой материализм так или иначе основан на отражении; 2) теория отражения – высшая ступень марксистской гносеологии. «С точки зрения материалистической диалектики, отражение, равно [как и] познание, рассматривается как исторический процесс, процесс познания общественного человека на основе его общественной практики, начинающейся с ощущения и кончающейся конкретным понятием диалектического материализма, воспроизводящим в мышлении действительность во всей ее конкретности» (Митин 1934а: 34). Согласно Митину, самое главное в отражении – признать внешний мир и факт его отражения «в голове». Митин сетует на западных философов, которые не усвоили уроки Ленина и поэтому впадают в две крайности: либо

отождествляют ощущения и предмет, либо полностью их разделяют. В этой связи Митин упоминает Бергсона, неокантианцев, автора теории символизма Кассирера, физика Пуанкаре и др. Он приводит разнообразные аргументы против их философских построений и их научных теорий, заключая, что «теория познания диалектического материализма утверждает, что данный сознанию предмет есть копия существующего вне сознания предмета» (Митин 1934а: 36). Далее Митин вновь обращается к дискуссии Ленина с махистами, указав на два ее основных вопроса: мыслит ли человек при помощи мозга и была ли Земля до человека? Не проводя разбор данной дискуссии, он ограничивается тезисом о том, что Ленин уже одной постановкой вопроса о природе сознания, опираясь на теорию отражения, разгромил всю «махистскую группировку». Для Митина связь сознания и работы мозга однозначна. Он восторженно ссылается на авторитет Сеченова и Павлова. «Учение об условных рефлексах, учение о роли коры полушарий головного мозга, о локализации раздражений в коре головного мозга дают богатый фактический, экспериментально неоднократно проверенный материал, показывающий всю правоту ленинской материалистической постановки вопроса» (Митин 1934а: 40). Митин устанавливает четкие границы науки: по его мнению, наука может лишь подтверждать философские идеи марксизма, но никак не заниматься самостоятельными выводами, основанными на своих же собственных данных. Ведь Павлов и другие естествоиспытатели – стихийные материалисты и никудышные философы, не понимающие, как объяснить собственные опыты. Таким образом, Митин расчищает место науке всех наук – диалектическому материализму с его правом первого и последнего арбитра в теории научного, да и всякого другого познания. Диамат был призван объяснить физике, что она открывает, а машиностроению и сельскому хозяйству – по каким принципам они работают.

Крайне любопытно спустя 25 лет после первой критической рецензии Л.И. Аксельрод на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» рассмотреть ее новую интерпретацию этой ленинской работы. Свою статью «О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения» Аксельрод строит на историко-философском анализе. Рассказывая о борьбе за философию в конце XIX в., она напоминает, что одним из проявлений этой борьбы была попытка неокантианцев соединить Маркса и Канта. Обращаясь к имени Плеханова, Аксельрод практически ставит его в один ряд с Лениным, она упоминает Ленина и Плеханова в основном вместе, как равных друг другу мыслителей. Надо отметить, что такой подход в 1934 г. был удивительно смелым. Аксельрод не только пишет о своем личном знакомстве с Лениным, но и отстаивает свое право критиковать его как товарища по революционной борьбе. В духе времени она, подобно Крупской, выстраивает новую мировоззренческую оппозицию – марксизм и фашизм.

Переходя к анализу своей рецензии 1909 г., Аксельрод откровенно и иронично пишет о многих вещах, в том числе и о своем меньшевистствующем прошлом, что вызывает большое уважение, особенно на фоне покаянных речей многих ее бывших соратников.

Характеризуя книгу «Материализм и эмпириокритицизм», Аксельрод концентрирует основное внимание на ленинской теории отражения. Солидаризуясь с Лениным по существу, она пишет: «Энгельс употребляет этот термин, но термин отражения имеет двоякий смысл. Первый смысл – тот, что материализм противопоставляется идеализму. Идеализм во всех своих формах и разновидностях утверждает, что материя, материальный мир, материальная действительность есть отражение идеальной субстанции. Материализм утверждает противоположное: что идея есть отражение в нашем мозгу материального мира. Это один смысл отражения...» (Аксельрод 1934: 141). Но гораздо важнее гносеологический аспект отражения: как работает наше сознание, копируем ли мы мир в отражении? Аксельрод в первой рецензии резко разошлась с Лениным именно в этом вопросе. Она критиковала его за непонимание природы знака, символа, сути копирования и т.д. Теперь она пересмотрела свою позицию и признала, что понимала Ленина буквально, тогда как под отражением он разумел активность познающего субъекта, по сути, реализацию главного тезиса Маркса о том, что идеальное – это материальное, пересаженное в голову и переработанное в ней. Отрекаясь и от кантианства, и от символизма, и от логического позитивизма, Аксельрод делает вывод: «...познание есть активное взаимодействие двух вещей, как Маркс выражается в “Капитале”, субъекта и объекта, и наши представления являются результатом взаимодействия двух объектов, причем один объект, объект-субъект сознает это взаимодействие. Так именно, по моему мнению, понимал и Ленин “отражение”. <...> Познание есть движущийся процесс» (Аксельрод 1934: 142).

Обратимся к статье «Проблема познания в историко-материалистическом освещении бывшего диалектика», а ныне заклеянного меньшевистствующего идеалиста А.М. Деборина. Анализируя книгу «Материализм и эмпириокритицизм», свою основную задачу Деборин усматривает в характеристике Задача его статьи сводилась к выяснению «ленинской гносеологии, теории отражения, учения об относительном, об историческом характере всего нашего знания, всех понятий, вопроса о соотношении относительной и абсолютной истины и, наконец, вопроса о неизбежности новых революций вследствие преодоления каждого данного познавательного предела» (Деборин 1934: 111).

Деборин связывает вопрос об отражении с учением об абсолютной и относительной истине, утверждая, что отражение никогда не тождественно самому отражаемому, так как вся человеческая жизнь протекает в непрерывном развитии, исторической изменчивости. Таким образом, очевидно, что знание носит исторический характер и напрямую зависит от практических потребностей и деятельности людей. Описывая развитие знания, Деборин подчеркивает, что, каждый раз достигая своего предела, знание оказывается в ситуации, близкой к революционной, и эта ситуация разрушает пределы знания¹. «В результате такого разрушения мы открываем

¹Примечательно, что взгляд А.М. Деборина на развитие знания созвучен с теорией научных революций Т. Куна (см.: Кун 2003).

новые формы материи, новые формы движения, энергии, новые формы связи, закономерности, а вместе с тем новый подход к единству мира, к единству всего многообразия вещей, явлений и процессов» (Деборин 1934: 112). Заметим, что при такой постановке вопроса принцип деятельности оказывается за пределами рассуждений Деборина.

Деборин развивает и тему наивного реализма Ленина, о котором писали и Янковский, и Аксельрод. Подтверждая приверженность Ленина здравому смыслу, точке зрения «толпы» или даже всего человечества, он подчеркивает, что наивное убеждение в существовании мира вне меня или нас в научном материализме (читай: в его ленинской интерпретации) лежит в основании ленинской теории познания. Таким образом, источник познания обнаруживается в практической деятельности людей, а не в замкнутой работе сознания, которую Деборин вслед за Лениным называет точкой зрения «сумасшедшего фортепиано». По Деборину, главный недостаток как идеализма, так и домарковского материализма – в созерцательном, абстрактном характере понимания чувств, сознания, да и самого человека.

Человек же существо не созерцающее, а активное, практическое, и его органы нельзя рассматривать автономно, вне связи со всем организмом. Для Деборина организм – не просто физиологическая система, как для механистов, а синоним целостности. Деборин приводит развернутую этимологическую справку о понятиях «знание», «истина», «видение» и ряде других близких им понятий, обнаружив недюжинную эрудицию и хорошее знание иностранных языков. Он показывает, что слово «знание» этимологически связано с чувственным (зрительным) образом, а «понятие» по своему происхождению – «с рукой как органом деятельности» (Деборин 1934: 118). В этой связи Деборин обращается к теории Н. Марра, который рассматривал руку и как орган речи, и как первое орудие производства. Деборин делает вывод, что «основные познавательные категории, понятия, так и органы познания не только не являются *априорным достоянием* неизменного сознания или абстрактного “я”... а представляют собой результаты тяжелого труда, постепенного, длительного процесса... уходят своими корнями в земную почву материального производства и производственных отношений, в *первичные формы деятельности...*» (Деборин 1934: 120). Деборин добавляет, что понятия формируются не только как многократное обобщение практики в логике, но и благодаря фантазии, открывающей клапан для идеализма и мифологии. В тоже время «история мышления дает нам богатейший материал для установления того положения, что *понятия*, как общее правило, *рождаются двояшками*¹, от одной матери... Здесь противоположность дана в единстве» (Деборин 1934: 124). Деборин доказывает, что мышление есть не что иное, как развитие более высокой формы отражения внешнего мира и его закономерностей.

¹ Возникает интересная параллель со словом «двоешки» в повести А. Платонова «Котлован».

Онтогносеология М.А. Лифшица: новый поворот в теории познания. Занимаясь ретроспекцией дискуссии 1930-х гг. вокруг ленинской теории отражения, задаешься вопросом: как вообще могла существовать хоть какая-то независимая мысль в России в тот период? В этом отношении показателен ответ М.А. Лифшица: те, кто ценили свое имя и действительно хотели заниматься «мышлением», избегали философии в ее диаматовском изводе. Многие уходили в литературу, искусство, эстетику. Как заметил Э.В. Ильенков, в то время выживали люди, «наделенные чувством юмора» (см.: Лифшиц 2003: 20).

В 1950-е гг., казалось бы, вечный и незыблемый принцип партийности в философии и других гуманитарных науках неожиданно попал под мощный удар самой партийной идеологии. Жесткий подход к оценке того или иного направления был объявлен вульгарным социологизмом. С этого момента началась новая эпоха развития творческой мысли, разгорелась борьба за освобождение литературы и искусства от принципа партийности и вульгарного социологизма, активным участником которой был М.А. Лифшиц.

Ранее в советской философии нишей для более-менее свободного мышления была главным образом история философии. Сопоставляя 1930-е и 1960-е, М.А. Лифшиц указал на новые обертоны философского мышления, связанные с развитием онтологической и гносеологической проблематики. «С конца сороковых годов Михаил Александрович работал над своей главной философской книгой об онтологии и теории познания (“онтогносеология”), включавшей в себя логическую систему, которую Лифшиц называл “теорией тождеств”. Однако вплоть до его смерти в 1983 г. в печати время от времени появлялась только философско-литературная публицистика учебного» (Арсланов 2003: 293).

Опубликованную в 2010 г. книгу «Varia», вобравшую в себя фрагменты из архива М.А. Лифшица (Лифшиц 2010), можно считать своеобразным развитием ленинской теории отражения и новым подходом к решению проблемы сознания. Вошедшие в книгу тексты, с одной стороны, возникли как реакция на указанные выше дискуссии 1930–1950-х гг. о ленинской теории отражения, с другой стороны, в теории познания М.А. Лифшица проявились совершенно новые черты понимания сознания и отражения. Лифшиц не только критикует теории, согласно которым сознательная деятельность человека есть чистый произвол, но и выступает против идеи о том, что сознание есть лишь пассивное отражение действительности. Лифшиц не приемлет догматических схем, которые еще недавно казались каноническими: он резко отвергает тезис о том, что сознание является продуктом деятельности мозга, резкому неприятию; отказывается признавать сознание лишь эпифеноменом, пассивно отражающим материю.

Особенно опасным в вульгарного социологизме, с точки зрения Лифшица, был принцип классовой идеологии, с помощью которого под маской защиты интересов пролетариата шло идейное уничтожение разного рода неудобных. Классовое сознание адептов вульгарного социологизма в 1930-х гг. обладало нюхом медведя-молотобойца из платоновского «Котло-

вана»: в статьях того времени выискивалось и подвергалось остракизму как идейно-враждебное все, что хоть как-то могло нарушить принцип партийности или идти вразрез с классовыми интересами и идеологией рабочего класса. Даже если советский философ не попадал в туман догматических штампов, ему все равно был необходим арсенал идеологических лозунгов, прячась за которые, он мог хоть как-то озвучить свою мысль.

Классово-партийный подход 1930-х гг. Лифшиц назвал нашествием социологических представлений, ведущих к идеологизации философии и к ее превращению в утилитарную концепцию. В конце 1950–1960-х гг. вульгарный социологизм уже смело можно было называть карикатурой на марксизм. Лифшиц высмеивает известный догмат «бытие определяет сознание», который сводил на нет любой разговор о природе идеального. Вульгарность этой схемы была неуничтожима: каждый писатель или мыслитель, даже живший в далекие времена, подгонялся под социологическую схему и оценивался на основу классовых принципов. Сознание внутри этой схемы «стало слепо, неменяемо, лишено отношения к истине, субъективно (в смысле общественной, коллективной субъективности) и даже иррационально – поскольку его активность возбуждалась только классовым “нутром”, а не отражением внешнего мира» (Лифшиц 2003: 24).

Сознание рассматривается Лифшицем не как функциональное, слепо зависящее от бытия, а как понимающее/объясняющее условия, при которых появляется иное восприятие, определяющее разницу между иллюзией и реальностью. Он предлагает характеризовать сознание не через соотношение с физическим телом, а через соотношение с неорганическим телом человека, или формирующей его культурой. Размышляя о том, как возможна «сознательность сознания», Лифшиц обращается к философии Э.В. Ильенкова. Решение этой проблемы лежит в области идеального – того, что заставляет ориентироваться на высшие ценности, которых нас лишает ориентация на техническое понимание разума.

Решая вопрос об отношении бытия и сознания, Лифшиц вводит термин «онтогносеология». Он пишет: «Бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логосе, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны и грань между ними есть» (Лифшиц 2010: 20). Грань между бытием и сознанием как раз и преодолевается через отражение. Под онтогносеологией Лифшиц понимает как механическую репродукцию, воспроизводство, так и творческое воспроизводство, творение мира при условии отражения действительности. «Мимезис по отношению к внешнему миру приобретает род автономии, сознание воспроизводит свой собственный закон, который есть закон повторенной действительности» (Лифшиц 2010: 26). Через единство разумной и деятельной жизни человека природа сама приходит к тождеству с собой. (Логика Лифшица схожа с гегелевской, однако, в отличие от Гегеля, Лифшиц материалист.)

В каком-то смысле его логика схожа с гегелевской, но на материалистический манер. Через единство разумной и деятельной жизни человека природа сама приходит к тождеству с собой. Принцип отражения соединяет воедино все учение Лифшица. «Согласно онтогносеологии ситуация

оборачивается, и подлинным субъектом оказывается само материальное бытие, а человек – орудием его самоотражения»¹ (Mareeva 2016: 298).

Лифшиц, как и практически все исследователи теории отражения, не может избежать слова «зеркало» как метафоры сознания. Он пишет, что себя нельзя увидеть без зеркала, однако отражение-зеркальность – это всегда для другого, «отражение есть именно видение». Лифшиц различает сознание как продукт и как отражение, и следовательно, бытие может быть причиной, а может быть зеркалом самого себя, «бытием бытия». Понятие «зеркало» оказалось необходимым и для обоснования активной роли практики в процессе познания: «Практика должна сделать объект субъектом, должна раскрывать в нас его субъективные свойства, иначе говоря, *сделать* его зеркалом. <...> А то, что понятие *зеркала раздвигается*, совершенно естественно. Ведь при всех соприкосновениях *дифференциал* между субъективным и объективным миром не *устраним*» (Лифшиц 2010: 42-43).

Лифшиц в онтогносеологии преодолевает догмат о первичности бытия и об отражении, как грубом оттиске или копии бытия в сознании субъекта, резко выступая против физиологического его прочтения, видя здесь лишь очередной виток психофизической проблемы, в разновидность которой в 1930-е годы превратилась, по его мнению, вся теория отражения. «Отражение в нас внешнего мира состоит не в том, что где-то в голове помещается образ внешнего предмета (пусть какая-то тонкая нейронная модель его), а в том, что определенным образом сложившиеся материальные структуры обладают свойством отражаемости. Отражается то, что выражено, отражаемо само по себе. Это его объективное свойство, которому наше сознание является прямым продолжением, сублимацией, дальнейшей субъективизацией и идеализацией» (Арсланов 2003: 344). Лифшиц видит сознание как эпифеномен не мозга, но самого бытия.

Опираясь на единство бытия и сознания, онтологии и гносеологии, Лифшиц показывает схожесть черт природы и духа, утверждает, что «дух в истинном смысле этого слова есть материя, есть ее собственное живое и животворящее начало» (Лифшиц 2003: 164). В.Г. Арсланов замечает, то выйти из этого замкнутого понятийного круга Лифшиц смог, лишь обратившись к идее «третьего». Речь идет о человеке как «истинной середине», орудии самоотражения и самопостижения в природе. Е.В. Мареева пишет: «Лифшиц согласен с тем, что без человека природное бытие было бы незавершенным. И своеобразии принципа отражения, как он представлен в теории реализма Лифшица, состоит в том, что малое бытие (произведение искусства) может обрести значимость, будучи «спровоцированным» Бытием с большой буквы (действительностью), а еще вернее – зрелостью самих объективных отношений. Свойство «отражаемости» и «мыслимости», продолжает он мысль Дидро и Ленина, заключено в недрах самого природного бытия» (Mareeva 2016: 300).

В такой интерпретации не столько философ, сколько художник становится главным камертоном бытия, преодолевающим в творческом акте

¹Здесь и далее перевод Е.В. Мареевой. – С. К.

собственную природную и классовую ограниченность. Если в социологии 1930-х гг. все сводилось к классовой природе творца, то Лифшиц пишет о воссоздании в творчестве всеобщего бытия. «Например, одно дело сказать, что Толстой – продукт дворянского усадебного быта, и совсем другое – сказать, что его мышление и творчество есть зеркало русской крестьянской революции» (Mareeva 2016: 301).

Итоги. Наши размышления о ленинской теории отражения, о том, какие дискуссии развернулись вокруг нее в советской философии в 1930–1950-е гг., какие изменения произошли в ее понимании благодаря онтогносеологии М.А. Лифшица, конечно, не дают всеобъемлющей картины рассмотрения этой темы. Теория отражения перманентно обсуждалась в разных учебниках и отдельных работах на протяжении не одного десятка лет и обогащалась разнообразными гносеологическими интерпретациями. Вне нашего внимания осталось множество теорий и выдающихся имен советских философов, работавших в 1930–1950-е гг. и в более поздний, застойный период. Дискуссия о природе сознания и связанной с ней специфике деятельностного подхода, интериоризации и экстернализации велась и советскими психологами (П.К. Анохин, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и др.), которые при всех различиях их позиций исходили из ленинской интерпретации сознания и отражения.

Вне нашего рассмотрения оказался и анализ знаменитой теории отражения в учении болгарского философа Тодора Павлова. Между тем эволюция его взглядов на проблему требует особого исследования и уже была частично затронута в статье Е.В. Мареевой. Не рассмотрен нами и монументальный коллективный труд «Ленинская теория отражения и современность», вышедший к 100-летию В.И. Ленина под редакцией Т. Павлова (София, 1969).

Мы попытались лишь оттолкнуться от истоков – дискуссий 1930-х гг. вокруг книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и показать, где в тот период проходила демаркационная линия между наукой и идеологией, диалектикой и схоластикой. Рамки, заданные догматом «бытие определяет сознание», тяжело поддавались ломке и модификации в советской философии. Ситуация начала меняться в 1950–1960-е гг., когда принцип партийности неожиданно оказался, как унтер-офицерская вдова, под плетью партийной элиты. Началась широкая критика вульгарного социологизма в гуманитарных областях, заговорили о свободе творчества, творческом марксизме, диалектике объективного и субъективного. Дискуссии вокруг ленинской теории отражения 1930–1940-х гг. стали предтечей споров онтологистов и гносеологистов в 1950-е. На волне новых веяний особенно заметным вкладом в развитие данной темы стал онтогносеологизм М.А. Лифшица, развитие которого пришлось на конец 1960-х – начало 1970-х гг.

Принципиально изменилась парадигма исследования сознания. Если 1930–1940-е гг. диамат ограничивал сознание лишь индивидуальным и философы главным образом исследовали проблему соотношения сознания и мозга и то, как в мозговой деятельности отражается материальный мир, то в 1950–1960-е гг. оптика анализа советских философов существенно

меняется. Так, Э.В. Ильенкова отличает резкое неприятие не только характеристики сознания как эпифеномена мозга, но и превращения человека в придаток «мира машинерии», которое он назвал отчуждением.

С 1960-х гг. начинает активно развиваться новый, деятельностный, подход к интерпретации данной проблематики. Другой не менее значимой проблемой стало изучение активности субъекта в теории познания. Эти философские искания наметили выход к следующему этапу развития советской философии и новым подходам в решении «трудной проблемы» сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксельрод Л.И. 1909. Рецензия на книгу: Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Москва : Звено. URL: <http://leninism.su/works/87-tom-48/374-ukazateli-48.html> (дата обращения: 20.07.2021).

Аксельрод Л.И. 1934. О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения // Под знаменем марксизма. № 4. С. 136-143.

Арсланов В.Г. 2003. Non finite Мих. Лифшица : [Послесловие] // М.А. Лифшиц. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). Москва : Прогресс-Традиция. С. 293-361.

Деборин А.М. 1929. Ленин как мыслитель. Москва ; Ленинград : Госиздат. 168 с.

Деборин А.М. 1934. Проблема познания в историко-материалистическом освещении // Под знаменем марксизма. № 4. С. 110-128.

Деборин А.М. 2014. Предисловие к «Философии и политике». Воспоминания / подгот. к изд. С.Н. Корсаковым. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/deborin-abram-moiseevich/predislovie-k-filosofii-i-politike-vozpominaniya> (дата обращения: 01.06.2021).

Добренко Е.А. 2014. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3(27). С. 26-64.

Корсаков С.Н. 2009. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом : к 80-летию Института философии РАН / отв. ред. М.Н. Громов. Москва : Прогресс-Традиция. 524 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/sov_ph/stanovlenie-ifan.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

Крупская Н.К. 1934. К 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Под знаменем марксизма. № 4. С. 1-10.

Кун Т. 2003. Структура научных революций : пер. с англ. / сост. В.Ю. Кузнецов. Москва : АСТ. 605 с. (Philosophy).

Ленин В.И. 1968. Материализм и эмпириокритицизм // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Москва : Политиздат. Т. 18. С. 7-384.

Лифшиц М.А. 2003. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального) / подгот. текста к печати и послесл. В.Г. Арсланова. Москва : Прогресс-Традиция. 368 с.

Лифшиц М.А. 2010. Varia. Москва : Грюндриссе. 172 с.

Мареев С.Н. 2008. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. Москва : Культур. революция. 448 с.

Митин М.Б. 1931. Гегель и теория марксистской диалектики // Под знаменем марксизма. № 11-12. С. 23-34.

Митин М.Б. 1934а. Актуальные вопросы теории отражения и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина // Под знаменем марксизма. № 4. С. 21-51.

Митин М.Б. (ред.) 1934б. Диалектический и исторический материализм. В 2 ч. Ч. 1. Москва : Огиз, Соцэкгиз. URL: <https://spirit-of-exile.blogspot.com/2015/07/1934.html> (дата обращения: 10.06.2021).

Янковский Р.А. 1935. Важнейший документ ленинского этапа в философии // «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина / под ред. В. Ральцевича и Р. Янковского. Ленинград ; Москва : Соцэкгиз. С. 3-47.

Яхот И.И. 1991. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. № 11. С. 72-83.

Mareeva E.V. 2016. Lifshits' ontognoseology as a version of Lenin's theory of reflection // *Studies East European Thought*. Vol. 68, № 4. P. 295-305. DOI 10.1007/s11212-016-9265-6.

References

Akselrod L.I. On Lenin's struggle against philosophical revisionism and issues of reflection theory, *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 136-143. (in Russ.).

Akselrod L.I. *Review of the book: V. Ilyin. Materialism and Empiriocriticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy*, Moscow, Zveno, 1909, available at: <http://leninism.su/works/87-tom-48/374-ukazateli-48.html> (accessed July 20, 2021). (in Russ.).

Arslanov V.G. Non finito by Mikhail Lifshits : [Afterword], *M.A. Lifshits, Dialog s Eval'dom Il'enkovym. (Problema ideal'nogo)*, Moscow, Progress-Traditsiya, pp. 293-361. (in Russ.).

Deborin A.M. "Philosophy and Politics", *Preface. A Recollection*, 2014, available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/deborin-abram-moiseevich/predislovie-k-filosofii-politike-vospominaniya> (accessed June 01, 2021). (in Russ.).

Deborin A.M. *Lenin as a Thinker*, Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1929, 168 p. (in Russ.).

Deborin A.M. The Problem of Knowledge in Historical and Materialistic Perspective, *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 110-128. (in Russ.).

Dobrenko E.A. Metastalinizm: Dialectics of Partisanship and Party Dialectics, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014, no. 3(27), pp. 26-64. (in Russ.).

Korsakov S.N. The Rise of the Institute of Philosophy and the fate of philosophers under Stalin's regime, *M.N. Gromov (resp. ed.) Nash filosofskiy dom : k 80-letiyu Instituta filosofii RAN*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2009, 524 p., available at: https://iphras.ru/upfile/sov_ph/stanovlenie-ifan.pdf (accessed May 01, 2021). (in Russ.).

Krupskaya N.K. On the 25th Anniversary of the Publication of Lenin's "Materialism and Empiriocriticism", *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 1-10. (in Russ.).

Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, AST, 2003, 605 p. (in Russ.).

Lenin V.I. Materialism and Empiriocriticism, *V.I. Lenin, Polnoe sobranie sochineniy*, Moscow, Politizdat, 1968, vol. 18, pp. 7-384. (in Russ.).

Lifshitz M.A. *Dialogue with Evald Ilyenkov. (The problem of the ideal)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 368 p. (in Russ.).

Lifshitz M.A. *Varia*, Moscow, Gryundrisse, 2010, 172 p. (in Russ.).

Mareev S.N. *From the History of Soviet Philosophy: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2008, 448 p. (in Russ.).

Mareeva E.V. Lifshits' ontognoseology as a version of Lenin's theory of reflection, *Studies East European Thought*, 2016, vol. 68, no. 4, pp. 295-305. DOI 10.1007/s11212-016-9265-6.

Mitin M.B. (ed.) *Dialectical and Historical Materialism, in 2 pt. Pt. 1*, Moscow, Ogiz, Sotsekgiz, 1934, available at: <https://spirit-of-exile.blogspot.com/2015/07/1934.html> (accessed June 10, 2021). (in Russ.).

Mitin M.B. Actual Issues of the Theory of Reflection and Lenin's "Materialism and Empiriocriticism", *Pod znamenem marksizma*, 1934, no. 4, pp. 21-51. (in Russ.).

Mitin M.B. Hegel and the Theory of Marxist Dialectics, *Pod znamenem marksizma*, 1931, no. 11-12, pp. 23-34. (in Russ.).

Yahot I.I. The Suppression of Philosophy in the USSR (1920–30s), *Voprosy filosofii*, 1991, no. 11, pp. 72-83. (in Russ.).

Yankovsky R.A. The Most Important Document of the Leninist Stage in Philosophy, *V. Raltsevich i R. Yankovsky (ed.) «Materializm i empiriokrititsizm» Lenina*, Leningrad, Moscow, Sotsekgiz, 1937, pp. 3-47. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Мушаиловна Климова

доктор философских наук, заведующая
НУЛ трансцендентальной философии Шко-
лы философии и культурологии Научного
исследовательского университета «Высшая
школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0974-552X>;
SPIN-код: 2673-8312;
E-mail: sklimova@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Klimova

Doctor of Philosophy, Professor, The Head
of the Research and Training Laboratory
for Transcendental Philosophy, Faculty
of Humanities, School of Philosophy
and Cultural Studies, National Research
University "Higher School of Economics",
Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0974-552X>;
SPIN-код: 2673-8312;
sklimova@hse.ru

Lobovikov V.O. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_65 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 65–90.

УДК 123:17:34.01:51-7:512:21

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_65

Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence)

Vladimir O. Lobovikov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Received 26.08.2021, revised 29.10.2021, accepted 15.11.2021

Abstract. The article is aimed at extracting and investigating proper algebraic aspect of the natural legal law system. The metaphorical meaning of the sentence “Law is mathematics of freedom” is transformed into literal one of exact language of rational philosophy of natural legal law. The word “freedom” is recognized as a homonym having exactly four formal-axiological meanings which are nothing but moral-legal-value-functions determined by one moral-legal-value-argument (in the proper mathematical meaning of the words “function” and “argument”). The four functions called “freedom” and the corresponding four functions called “slavery” are precisely defined by tables. Lists of formal-axiological equations of two-valued algebra of natural law-and-morals are generated. The lists make up a discrete mathematical model of the system of natural morals-and-law concerning “freedom” and “slavery”. Within the framework of submitted two-valued algebra of natural law-and-morals, interconnections between natural legal law and natural theology are addressed in general and the nontrivial question “Is God’s slave a slave?” is explicated and answered especially.

Keywords: two-valued-algebra-of-formal-axiology; moral-legal-value-function; formal-axiological-equivalence; formal-axiological-contradiction; ethics; freedom; slavery; natural-law; natural-theology; formal-axiological-law

© Lobovikov V.O., 2022

For citation: Lobovikov V.O. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence), *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 65-90. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_65.

Естественное право как математика свободы (четыре математически различные морально-правовые ценностные функции «свобода», и четыре – «рабство», точно определенные в двузначной алгебре формальной аксиологии этики и теории права)

Владимир Олегович Лобовиков

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vlobovikov@mail.ru

*Поступила в редакцию 26.08.2021, поступила после рецензирования 29.10.2021,
принята к публикации 15.11.2021*

Цель статьи – выделение и изучение собственно алгебраического аспекта системы естественного права. Метафорическое значение утверждения: «Право – математика свободы» трансформируется в точном языке рациональной философии естественного права в буквальное. Слово «свобода» осознается как слово, имеющее точно четыре формально-аксиологические значения, которые суть не что иное, как морально-правовые ценностные функции, зависящие от одного морально-правового ценностного аргумента (в собственно математическом значении слов «функция» и «аргумент»). Упомянутые четыре функции «свобода» и соответствующие им четыре функции «рабство» точно определяются таблицами. Генерируются списки формально-аксиологических уравнений двузначной алгебры естественного права и морали. Эти списки образуют некую дискретную математическую модель системы естественной морали и права, относящейся к «свободе» и «рабству». В рамках предложенной двузначной алгебры естественного права и морали рассматриваются взаимосвязи между естественным правом и естественной теологией. Это рассмотрение осуществляется как в самом общем виде, так и для уточнения и решения вопроса, является ли раб Божий рабом.

Ключевые слова: двузначная алгебра формальной аксиологии, морально-правовая ценностная функция, формально-аксиологическая эквивалентность, формально-аксиологическое противоречие, этика, свобода, рабство, естественное право, естественная теология, формально-аксиологический закон

“Classical law is a law of bodies. In the general stock composing the world it distinguishes bodily Persons and bodily Things and, like a sort of Euclidean mathematic of public life, establishes ratios between them. The affinity between mathematical and legal thought is very close”. (Spengler 1928: 67)

* * *

“It must be emphasized then – and with all rigor – that Classical law was a law of bodies while ours is a law of functions. The Romans created a juristic static; our task is juristic dynamics. For us persons are not bodies, but units of force and will; and things are not bodies, but aims, means and creations of these units. The Classical relation between bodies was positional, but the relation between forces is called action”. (Spengler 1928: 82)

* * *

“The future will be called upon to transpose our entire legal thought into alignment with our higher physics and mathematics. Our whole social, economic, and technical life is waiting to be understood, at long last, in this wise. We shall need a century and more of keenest and deepest thought to arrive at the goal. And the prerequisite is a wholly new kind of preparatory training in the jurist”. (Spengler 1928: 83)

* * *

“...There are two sorts of nobility and freedom, the one absolute, the other relative.” (Aristotle 1994b: 449)

1. Historical Background of Natural Law Philosophy, and Transformation of the Naturalism in Law-and-Morals into an Algebraic System of Formal Axiology

To begin with, let us clarify and define precisely meanings of the words and word-combinations used in the title of present paper. Such beginning is indispensable, as during a long time in philosophy of law, the natural-language expression “mathematics of freedom” has been used in a *metaphorical* sense; it has been recognized that the expression does not have a literal meaning in the professional languages of mathematicians and jurists. Nevertheless, at the same time it has been recognized that “mathematics of freedom” is really a beautiful metaphor in natural language of ethics and jurisprudence; the metaphor is highlighting the *similarity*: mathematics is exact (precise) discipline requiring rigorous demonstrations and legal law (limiting freedom) is exact (precise) discipline requiring rigorous demonstrations, *analogously*¹.

In addition to the remark concerning the metaphoric expression “mathematics of freedom”, here it is relevant to take into an account that also in vague natural language of the humanities, the word “freedom” and the expression

¹ Certainly, the beautiful metaphor is a *complement* for legal law system; according to aesthetics and theory of fine arts, such metaphor is a *hyperbola*.

“natural law” are significantly ambiguous; they have many qualitatively different meanings. In some quite respectable sense, any law of physics (for example, the law of inertia) is a natural law. But, in the given paper, “natural law” has another meaning, namely, exactly that one which has been defined originally in natural language by Ulpian and Paul – celebrated jurists of ancient Roman Empire (Watson 1998), and then defined on a qualitatively new abstract-theoretic level by means of unambiguous *artificial language of two-valued algebra of formal axiology* of moral-legal actions by (Lobovikov 1980; 1984a; 1984b; 1988; 1998). Such custom-breaking exact definition of “natural (legal) law” using special language of discrete mathematics had been given for the first time in world literature on philosophy of law at the very beginning of 70th of XX century. Traditionally, the old-fashioned doctrine of natural law has been accused of being inexact, not concrete, too indefinite; imprecision and lack of definiteness have been considered as main and lethal (incurable) defects of the “natural (legal) law” (Rousseau 1994: 330-331; Alexeyev 2001: 421). But, in contrast to the old-fashioned jus-naturalism, its updated version armed with discrete mathematics (especially algebra) demonstrate just *precision and definiteness*. In spite of Rousseau and Alexeyev (Rousseau 1994; Alexeyev 2001), today the notion “natural (legal) law” has been *defined precisely* as a *law of algebra of formal axiology* (Lobovikov 1984; 1998; 2007). Now let us turn to clarifying and giving an exact definition to the extremely controversial and ambiguous concept of freedom.

The word “freedom” (in fuzzy natural language of the humanities and in the seemingly simple language of the everyday life of ordinary people) is a homonym possessing not one and the only but several qualitatively different meanings, the significant difference (and sometimes even opposition) of which is not recognized in overwhelming majority of cases. If actually so, then in which concrete meaning the word “freedom” is to be used in the present article? My answer to this question is the following: in the present article, the word “freedom” has not one and not two, but exactly *four* significantly different *formal-axiological meanings* which are nothing but *moral-legal-value-functions* (in the proper mathematical meaning of the word “function”) defined precisely below in this article by corresponding moral-legal-value-tables. In response to my answer to the above question, the following new question arise naturally among positivists and normativism adherents: why just *axiology* (a general theory of values and valuations) is mentioned here? Positivism and normativism reduces subject-matter of jurisprudence to *norms* and *deontic* logic, exclusively, hence, according to adherents of positivism and normativism, there is no room for *axiology* in rational jurisprudence. Obviously, in fact, such one-sided attitude is very popular and even dominating in today philosophy of law all over the world. Today almost all lawyers are used to such positivistic and normative attitude, which is a culture prejudice (even social institution) of our time. However, notwithstanding the contemporary prejudice (positivism-and-normativism institution), in previous epochs the situation in law theory had been significantly different and sometimes even opposite. In this relation, it is quite relevant to address to such celebrated representatives of Ancient Roman

Law as Ulpian and Paul, who have manifestly defined “natural law” in the following way.

“A law student at the outset of his studies ought first to know the derivation of the word *jus*. Its derivation is from *justitia*. For, in terms of Celsus' elegant definition, the law is the art of goodness and fairness. Of that art we [jurists] are deservedly called the priests. For we cultivate the virtue of justice and claim awareness of what is good and fair, discriminating between fair and unfair, distinguishing lawful from unlawful, aiming to make men good not only through fear of penalties but also indeed under allurements of rewards, and affecting a philosophy which, if I am not deceived, is genuine, not a sham” (Watson 1998: 1).

Another celebrated representative of the Ancient Roman Law – proper jurist Paul has affirmed: “The term ‘law’ is used in several senses: in one sense, when law (*jus*) is used as meaning what is always fair and good, it is natural law (*jus naturale*); in the other, as meaning what is in the interest of everyone, or a majority in each *civitas*, it is civil law (*jus civile*). Nor is it the less correct that in our *civitas* the *jus honorarium* is called law. The praetor is also said to render legal right (*jus*) even when he makes a wrongful decree, the reference, of course, being in this case not to what the praetor has done, but to what it is right for a praetor to do” (Watson 1998: 2-3).

According to the above-cited statements by Ulpian and Paul, in the ancient Roman jurisprudence, “good” (and also “bad”) were proper legal concepts. In spite of the ancient Roman Law theory, today, “good” is considered as not an exact (clear) proper legal concept but an inexact (unclear) moral *evaluation* studied by *axiology* in general and by ethics especially. Thus, nowadays, due to normativism, as a rule, axiology and state-and-law theory are separated on principle. The principle of their strict separation has been invented and imposed by the legal positivists who have reduced universal theory of law to the *empirical* theory of human-made *positive-law-and-positive-state*, exclusively. The human-made positive laws were considered not as common *values* (universal goods) but as state-commanded *norms*. By systematical using the compound word “moral-legal” above and below in the present paper I mean and emphasize that, according to my point of view, the natural law-and-morals make up one subject-matter of one general theory, on principle. With respect to such manifest negation of the separation principle, one can think that I suggest to move back to the “naïve” views by Ulpian and Paul, but it is an illusion of regress to the past, because the original innovation which I have made and elaborated is a result of progressive development (transformation) of the naïve natural jurisprudence (represented by ambiguous natural language exclusively) into a *systematically mathematized* abstract universal theory *formulated precisely in an unambiguous artificial language*. In the present article, the theory of natural law is modeled by a two-valued algebraic system of moral-legal-value-functions and their compositions. Just the proper mathematical form of existence and the proper mathematical method of application of the universal formal-axiological theory of natural law-and-morals make up the nontrivial scientific novelty of ideas presented in this article.

Neither Ulpian nor Paul had an idea of systematical using mathematics not as a theory of numbers, magnitudes, quantity relations, and spatial forms (known since Pythagoras) but as a custom-breaking theory of *abstract structures* (Boole 1854; Whitehead 1941; 1994; Bourbaki 1962; 1965; 1998; Sawyer 1964) for developing the theory of natural law (which is unhabitual and unclear for majority of contemporary lawyers but quite habitual end seemingly clear for celebrated jurists of Ancient Roma). Certainly, clarity of Ulpian's, Celsus', and Paul's views of natural legal law (as knowledge of what had been always good) had been an illusion. Vagueness of their natural law doctrine as a kind of universal axiology had been exposed later by positivists, relativists, and adherents of normativism. There were two opposite ways out from the deadlock in which naturalist-minded lawyers had arrived, namely, (1) rejection of the natural law as nothing but a metaphysical chimera, (2) salvation (new rise) and further development of the natural law doctrine by clarifying and explicating it due to systematical using mathematics (especially universal algebra) for its development and convincing explanation. In times of ancient Roman Empire, during the Middle Ages, and even in the Early Modern times, mathematics was not sufficiently mature for this role. It became mature enough (for adequate representing abstract formal axiology of universally good) only when proper mathematics as such was recognized as a theory of *abstract mathematical structures* (Boole 1854; Whitehead 1941; 1994; Bourbaki 1962; 1965; 1998; Sawyer 1964), which could be applied, in principle, to any contents, consequently, even to "the art of *goodness* and *fairness*" by Ulpian and Celsus (Watson 1998: 1) or to "*what is always fair and good*" by Paul (Watson 1998: 2-3). Only such contemporary philosophers of law which are friendly to (and possessing sufficient knowledge of) contemporary mathematics together with mathematicians interested in developing the proper theory of legal law could improve the theoretical deadlock situation significantly.

With respect to necessity of mathematization of the natural law theory for its revival, here it is relevant to note that at the level of too vague and controversial content analysis confined in ambiguous natural language exclusively (as well as at the level of *metaphorical* thinking, talking, and writing), discussions of possibilities of fruitful applying mathematics to universal philosophy of absolute good (in morals and law) have existed during long time and underwent historical changes worthy of mentioning. For example, in times of J. Locke, G.W. Leibniz, and B. Spinoza, almost all well-educated jurists proper and almost all intellectually respectable philosophers of law and morals were used to the wonderful (extraordinary) idea of proper mathematical essence, axiomatic character, and very high precision of reasoning in natural morals and law. With respect to natural morals, Locke wrote: "...I am bold to think, that *morality is capable of demonstration*, as well as mathematics: since the precise real essence of the things moral words stand for may be perfectly known, and so the congruity, or incongruity of the things themselves be certainly discovered; in which consists perfect knowledge" (Locke 1994b: 303). Concerning such Locke's standpoint, see the interesting article (Sheridan 2020). Such standpoint has not completely disappeared in contemporary world. For instance, in XX century,

analogous conception has been formulated and elaborated in challenging work titled “Mathematics and the Good” (Whitehead 1941).

With respect to precise definition of subject-matter of “the natural legal law”, it is worth taking into an account a significant difference among the answers to the question “What is the natural law about?” (or “Which set of elements is the natural law a *universal for*?”) already given during the long history of philosophy of law. By scrutinizing relevant writings (Plato 1994; Aristotle 1994a; 1994b; Cicero 1966; Augustine 1994; 2010; Aquinas 1994a; 1994b; Locke 1994a; Montesquieu 1994; Hobbes 1994; Leibniz 1903; 1952; 1969; 1971; Spinoza 1994; Grotius 1956; Rousseau 1994a; 1994b; Pufendorf 1991; 2005; Vattel 1960; Kant 1994; Hegel 1994; Stammler 1907; 1908; Solovyev 2001; 2012; Gessen 1902; Novgorodtsev 1902; 1904a; 1904b; 2010; 2011; Chicherin 2005; Alexeyev 2001 et al.), one could discover that during the long history of jurisprudence, the expression ‘natural (legal) law’ has been used in qualitatively different meanings. From the proper theoretical point of view, all the deviations from the original meanings used in Roman Law by Ulpian, Celsus, and Paul are interesting, important, and worth discussing here. In (Augustin 1994; 2010) and (Aquinas 1994a; 1994b), the relationship of the natural law to God had been added and elaborated.

Up to the Early Modern Epoch, unconscious animals were not excluded from the realm of natural legal law doctrine. According to (Kantorovich 2011), in the Middle Ages, trials of beasts had been taken seriously, but then the realm of relevant applicability of natural legal law doctrine was severely reduced to the set of *rational* beings *exclusively*; all unconscious animals were excluded from this realm as irrelevant because they were labeled as *not-rational* creatures. Thus, *only rational* beings (God and all possible human creatures) remained in the realm which had been severely reduced to the “realm of *reason*” (Rousseau 1994a; Pufendorf 1991; 2005; Kant 1994; Hegel 1994; Novgorodtsev 1902; 1904a; 1904b; 2010; 2011; Chicherin 2005; Alexeyev 2001 et al.)¹. The original meaning of “natural (legal) law” used by the celebrated jurists of Roman Empire had been either unknown (missed), or forgotten, or ignored on principle (this is one of noteworthy aspects of the notorious “reception” of Roman Law by contemporary legal cultures). Incidentally, J.-J. Rousseau had been quite right when, concerning the natural law, he had written the following.

“Not to speak of the ancient philosophers, who seem to have done their best purposely to contradict one another on the most fundamental principles, the Roman jurists subjected man and the other animals indiscriminately to the same natural law, because they considered, under that name, rather the law, which nature imposes on herself than which she prescribes to others; or rather because of the particular acceptation of the term law among those jurists; who seem on this occasion to have understood nothing more by it than the general

¹ Atheist-minded thinkers had moved further: they had reduced the realm of natural jurisprudence to all possible human beings, exclusively. Thus, not only all possible unconscious animals but also all possible gods (of all possible religious confessions) were excluded from the domain of natural legal law.

relations established by nature between all animated beings, for their common preservation. The moderns, understanding by the term law, merely a rule prescribed to a moral being, that is to say intelligent, free and considered in his relations to other beings, consequently confine the jurisdiction of natural law to man, as the only animal endowed with reason” (Rousseau 1994: 330).

In my opinion, J.-J. Rousseau had been quite right when, he had recognized and highlighted the very important qualitative difference between definitions of the natural law by the celebrated Roman jurists and by the moderns. More detailed critique of the knotty situation concerning the hard problem of exact defining the notion “natural legal law” can be found in (Rousseau 1994: 330-331). However, belonging not to Romans but to *the moderns completely reducing the natural law to reason*, J.-J. Rousseau had attempted to make a conceptual compromise well-represented by the following.

“By this method also we put an end to the time-honored disputes concerning the participation of animals in natural law: for it is clear that, being destitute of intelligence and liberty, they cannot recognize that law; as they partake, however, in some measure of our nature, in consequence of sensibility with which they are endowed, they ought to partake of natural right; so that mankind is subjected to a kind of obligation even toward the brutes. It appears, in fact, that if I am bound to do no injury to my fellow-creatures, this is less because they are rational than because they are sentient beings: and this quality, being common both to men and beasts, ought to entitle the latter at least to the privilege of not being wantonly ill-treated by the former” (Rousseau 1994: 331).

In XX century, in America and Western Europe, the discussion of options of solving the hard theoretic problem of exact definition of subject-matter of natural legal law had been continued, for example, in (Entreves 1951; Fuller 1969; Radbruch 2006; Finnis 1991; 2011; Dworkin 1986; 1977; Alexi 2011 et al.). The mentioned authors had investigated possibilities of creating a handy compromise between the positive law generated by positive State and the universally valid immutable natural moral-legal law independent from positive State. The results of compromise-inventing and synthesis-making are theoretically interesting and worth-discussing. A noteworthy analysis of analytical conceptions of natural law in the modern legal naturalism has been presented in (Didikin 2014). However, in my opinion, the efforts of proper jurists undertaken in XX century with respect to the theoretic problem in question were not sufficient to vindicate jus-naturalism completely and to close the problem forever. Yet some dark aspects of the problem are not illuminated; some puzzles remain; still the natural law discourse is confined within ambiguous natural language exclusively. As limits of jurist language are limits of jurist thought, unfortunately, real possibilities of intellectual progress in today natural jurisprudence are severely limited. I think that, within the realm of metaphorical speaking, it is relevant to transform the famous statement by Galileo Galilei about the linguistic role of mathematics in physics into the following sentence: “the Nature Book of strictly universal and immutable moral-legal laws regulating activity of all leaving beings is written by Nature in a special

symbolic language of mathematics proper”. For typical jurists thinking at the level of mediocre policemen possessing rich experience of fighting with crime the Nature Law book is closed forever as they more or less hate mathematics as such (since their secondary school times) and sincerely believe that *proper mathematics as universal theory of abstract structures* is utterly irrelevant to the essence of their job.

The above-mentioned nontrivial problem of precise definition of “freedom” is an important aspect of the problem of precise definition of the realm of natural legal law because freedom is neither a bodily thing nor a bodily person. In perfect accordance with the profound critical analysis of history and philosophical methodology of classical Roman Law presented in (Spengler 1928), the problem of precise definition of “freedom” is a very hard puzzle (unsolvable riddle) for the old-fashioned theory of positive law and positive State. Freedom is not a body and not a concrete state of affairs but an abstract moral-legal-value *function* (determined by some number of moral-legal-value arguments). However, positive-law-givers (individual or collective – it does not matter) are talking and writing not about *abstract functions determined by arguments*, but about concrete relations among persons, things, processes, and states of affairs. As a rule, creators and executors of human-made positive laws are not interested, not competent, and not involved in operating with abstract functions determined by arguments (this is an affair of proper mathematicians as such). Consequently, if a meaningful discourse of legal law as mathematics of freedom is not merely metaphorical but quite rational one, then it is meant (although, probably, not-well-recognized) that proper mathematics as such is related to *not positive but natural legal law*¹. In my opinion, *exactly natural* jurisprudence actually admits and even requires fruitful applications of appropriate mathematical methods and structures to its subject-matter.

The saying “Law is Mathematics of Freedom” is very popular in creative literature on philosophy of law. The noteworthy monograph “Law – Mathematics of Freedom” (Nersesyants 1996) and the handbook for university students “Philosophy of Law” (Nersesyants 1997: 17) are representative examples of such literature. However, in philosophical discussions of law in general, and in the works by V.S. Nersesyants in particular, “Mathematics of Freedom” stands either for a *potency* (in Aristotelean meaning of “potency”) or for a more or less beautiful *metaphor*. As literal understanding metaphors is not adequate, the saying under consideration is not a proper scientific solution of the problem. Notwithstanding the theoretical deadlock in discussion of the themes “Mathematics and the Good” and “Law as Mathematics of Freedom” which themes are directly related to mathematizing the natural law theory, the present article submits a paradigm-breaking attempt of *actualizing the potency*. According to the present paper, “Mathematics of Freedom” and “Natural Law” stand for *not*

¹This explains the evident fact that positivist-minded jurists have either sceptic or negative attitude to applying mathematics to law; their attitude is in accordance with their legal positivism ignoring existence of natural legal law admitting and requiring mathematization.

potential but actual things, which do exist and are equivalent to each other in some nontrivial sense. Thus, in the given paper, the prejudice-breaking statement “Natural Law is Mathematics of Freedom” is understood literally; it is treated not only as a beautiful metaphor, but also as a true proposition of proper theory of natural legal law.

In the above discourse of “law as mathematics of freedom”, attention has been focused on “mathematics”. Now let us concentrate attention on “freedom (liberty)” and continue the above-started clarifying this somewhat ambiguous concept. In first approximation, many people believe that in natural language the word “liberty (freedom)” has one and the only meaning which is quite clear, hence, there is no need to clarify it. However, in second approximation, it is possible to recognize that clarity of the notion “freedom (liberty)” is a psychological (logic-linguistic) illusion. Usually (as a statistical rule), both revolution-makers and their enemies believe sincerely that they are fighting for freedom (liberty). If this is really so, then there are at least two significantly different and even opposite meanings of the word “freedom”; the word “liberty” is a *homonym*, hence, every struggle for liberty has such an important logic-linguistic aspect, ignoring or misunderstanding which heads to tragic confusions. Taking into an account plenty of empirical (in particular, historical) facts and exploiting sophisticated methods of content-analysis, intellectually respectable investigators of freedom recognize that there is a significant difference between “*negative* liberty (freedom *from*)” and “*positive* liberty (freedom *of/for*)”. However, from my point of view, even the two-sided conception of freedom is a significant oversimplification of the real situation which is more complex.

Normally, people believe that liberty is a vitally important moral-legal *value*. Which value (positive or negative) has freedom? This is a nontrivial question to be explicated by reformulating it. If the *two-valued* moral-legal system (implying necessarily “either good or bad”, and “*tentium non datur*”) is meant, then, if “freedom” is related to *one* moral-legal-value-variable, then *there are not two but four different meanings of “freedom” in natural language*, and each of the four meanings is nothing but a *moral-legal-value function* determined by one *moral-legal-value argument*, in the proper mathematical meanings of the words: “function” and “argument”. Thus, our attempting to clarify and explicate meanings of the word “liberty (freedom)” has resulted quite naturally but unexpectedly (for statistically normal lawyers of our days) in recognizing necessity of systematical using mathematical concepts and methods for teaching and developing proper theory of law. For today statistically normal jurists, this statement contains psychologically surprising, strange, and unpleasant information, but in times of J. Locke and G.W. Leibniz, such information would not be so odd, surprising, and unpleasant. Perhaps, proper jurist Leibniz (who has been active in progressive developing mathematics as such) would enjoy it. In contrast to proper lawyer G.W. Leibniz, the soviet specialist in theory of state-and-law S.S. Alexeyev (well-known in the USSR in the second half of XX century and at the very beginning of XXI century) sincerely believed (and instructed future jurists) that proper mathematics as such is irrelevant to the proper theory of State-and-law (Alexeyev 2001). In this concrete relation, I do

not agree with jurist S.S. Alexeyev alien (even rival) to mathematics¹; I side with proper jurist G.W. Leibniz friendly to mathematics and with philosopher and historian O. Spengler who has been well-educated in mathematics and in history of law (Spengler 1928).

Quite naturally, the above-executed introduction to the present paper is not quite clear (especially in relation to “the *four* mathematically different freedoms”), as, metaphorically speaking, the introduction is “teaching how to swim, before coming into a water of swimming pool”. Now, the reader has to “jump into the cool water of swimming pool”, namely, to make acquaintance (at first touch, probably, not quite pleasant but irritating) with the machinery of discrete mathematics utilized in the given paper for mathematical modeling the natural law system. The acquaintance with “cool water” (boring definitions of not-well-known abstract notions) is to be made owing to the following paragraph. (It is expected that due to the acquaintance, the odd talk of “four freedoms” is to become quite clear.)

2. Algebra of the Natural Law-and-Morals

Contents of this (second) paragraph of the given article, namely, definitions of not-well-known basic notions of the two-valued algebraic system of formal axiology of moral-legal actions and actors are not completely new; they have been published by me, for instance, in (Lobovikov 2007; 2009; 2010; 2013; 2014; 2015). Including the already published definitions of not-well-known basic notions into the present paper is vindicated by giving the reader a possibility of *immediate autonomous checking* all the *actually new* formal-axiological equations (hitherto never published elsewhere) by *autonomous* computing compositions of relevant moral-legal-value-functions in strict accordance to here-repeated basic definitions. For giving the reader a real possibility systematically *to check autonomously and immediately* all the outcomes of my computations having psychologically surprising nontrivial interpretations in the domain of application (which domain is natural jurisprudence), I have either to repeat here the set of definitions of not-well-known notions or to make a set of self-references to the works in which the definitions are published. If I include into the given article neither the repetitions of exact definitions of not-well-known basic notions nor the big quantity of self-references (which make checking not quick and too difficult), then I make the reader not able

¹ Incidentally, in one of our private oral talks on vistas of applying mathematics to natural jurisprudence, Sergey Sergeyeovich Alexeyev confessed to me that he was gravely disappointed by the views of mine, as while being young and thinking of a future profession, he had chosen jurist profession as he had believed at that time that in any lawyer work, there was no professional necessity in proper mathematics which he did not like as such; after the secondary school he planned to have no relation to mathematics proper. I replied that, *strategically* speaking, in a *long* run, the desire, hope, and plan (of keeping jurisprudence free from mathematics as such) were not adequate, but he did not agree with me.

perfectly to understand and systematically to check autonomously and quickly the significantly new jurisprudence discourses and prejudice-breaking statements presented in this article. Choosing between the two alternatives, I have decided to execute the article in a reader-friendly manner: I have better repeat the set of already published precise definitions (of not-well-known notions) in the paragraph 2 as this makes the hitherto never published new theoretical results exposed in this paper easily checkable by the reader. Now let us begin presenting the set of exact definitions of the not-well-known concepts psychologically unhabitual for majority of readers.

According to (Lobovikov 2007; 2009; 2010; 2013; 2014; 2015), by definition, the two-valued algebraic system of natural-law-and-morals as formal axiology is based on the set M of all such and only such *either-realized-or-not-realized actions* (elementary or complex ones – it does not matter), *or either-existing-or-not-existing agents* (individual or collective ones – it does not matter), which are *either good or bad* ones from the viewpoint of a *moral-legal evaluator* E (individual or collective one – it does not matter).

Algebraic operations defined on the set M are *moral-legal-value-functions*. *Moral-legal-value-variables* of these functions take their *moral-legal-values* from the set $\{g, b\}$. Here the symbols “ g ” and “ b ” stand for the *moral-legal-values* “good” and “bad”, respectively. The functions take their values from the same set. Thus, in contrast to the ancient Roman Law focused on concrete moral-legal relations among various elements of the set of *bodily persons and bodily things*, the here-presented *qualitatively new* (substantially modernized and mathematized) natural law theory is focused on *formal-axiological relations* among various *moral-legal-value-functions*. In perfect accordance with (Spengler 1928), *not bodies* (i.e. sensual things and persons reduced to bodies) but *moral-legal actions and functions* make up the proper subject-matter of successfully reanimated and progressively developed natural jurisprudence of our time. The set of actions and agents (persons), on which the algebraic system of actions is defined, is quite homogeneous, as persons are effectively reduced to totalities of actions realized by these persons.

Speaking of *moral-legal-value-functions* I mean the following mappings (in the proper mathematical meaning of the word “mapping”):

$\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the *moral-legal-value-functions* determined by *one moral-legal-value-argument*;

$\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where “ \times ” stands for the Cartesian product of sets, if one speaks of the *moral-legal-value-functions* determined by *two moral-legal-value-arguments*;

$\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the *moral-legal-value-functions* determined by *N moral-legal-value-arguments*, where N is a finite positive integer.

The symbols: “ x ” and “ y ” stand for *moral-legal-evaluation-forms* of elements of M . Moral-legal-evaluation-forms of actions and persons can be either elementary or compound ones. Elementary moral-legal-evaluation-forms deprived of their concrete contents represent independent *moral-legal-value-arguments*. Compound moral-legal-evaluation-forms deprived of their concrete contents represent *moral-legal-value-functions* determined by these arguments.

According to O. Spengler, who was a specialist in both history of mathematics and history of law-and-State, in contrast to the ancient Roman Law doctrine which had been a jurisprudence of *persons and things (bodies)*, our contemporary theory of law-and-state should be a jurisprudence of *functions* in proper mathematical meaning of the term “function” (Spengler 1928: 82). When I had been inventing and elaborating a two-valued algebraic system of formal axiology dealing with moral-legal-value-*functions* in the USSR at the very beginning of 70th of XX century (Lobovikov 1980; 1984a; 1984b), unfortunately, I had no knowledge of O. Spengler’s works concerning history of mathematics and history of jurisprudence. Later, when I became acquainted with (Spengler 1928), I recognized that my creative work had been developing exactly in that direction which had been indicated by O. Spengler, namely, in direction to constructing and investigating such an algebraic system of equations of *functions* (in proper mathematical meaning of the term “function”), which (system) had been based upon a set of elements having proper moral-legal nature. Now let us instantiate the abstract discourse of moral-legal-value-*functions* by introducing and defining some functions directly related to contents of the given paper. To begin with, let us consider the functions determined by *one* argument.

The *glossary* for the below-submitted moral-legal-evaluation **table 1**: Let the symbol F_1x stand for “freedom (liberty) of/for (what, whom) x ”, or “ x ’s liberty (freedom)”, or “free (what, who) x ”. The symbol F_2x stands for “freedom from (what, whom) x ”. F_3x – “absolute freedom from (what, whom) x ”, or “arbitrary rule over (what, whom) x ”. F_4x – “absolute freedom of/for (what, whom) x , i.e. nonbeing of arbitrary rule over x ”. Ox – “opposite of/for (what, whom) x ”. Tx – “termination, elimination, annihilation, corruption, destruction, abolition of (what, whom) x ”. P_1x – “protection, preservation (defense) from (what, whom) x ”. P_2x – “protection, preservation, defense, conservation of/for (what, whom) x ”. Yx – “deprivation of (what, whom) x ”, or “depriving (what, whom) x ”. Nx – “nonbeing, non-existence, nonrealization, death of (what, whom) x ”. Bx – “being, existence, realization, life of (what, whom) x ”. B_1x – “absolute being of (what, whom) x ”. N_1x – “absolute nonbeing of (what, whom) x ”. Lx – “limitation, restriction, definition of/for (what, whom) x ”. Ux – “interest, profit of/for (what, whom) x ”. Ex – “execution, realization of (what, whom) x ”. The mentioned one-placed moral-legal-value-functions are defined precisely by the following moral-legal-value **table 1**.

Table 1. The one-placed moral-legal-value-functions

x	F_1x	F_2x	F_3x	F_4x	Ox	Tx	P_1x	P_2x	Yx	Nx	Bx	B_1x	N_1x	Lx	Ux	Ex
g	g	b	b	g	b	b	b	g	b	b	g	g	b	b	g	g
b	b	g	b	g	g	g	g	b	g	g	b	g	b	g	b	b

The *glossary* for the below-submitted moral-legal-evaluation **table 2**: Ix – “an idol or a god (goddess) of/for (what, whom) x in a pagan, barbaric, polytheistic, local religion. Wx – “a witch, wizard, incubus, daemon, sorcerer, necromancer, enchanter, evil genius, afrit of/for (what, whom) x , in a barbaric (pagan), polytheistic, local religion. Gx – “God of/for (what, whom) x (or x ’s God) in a universal

monotheistic religion”. Dx – “devil (principal enemy of/for God) in a universal monotheistic religion”. T_1x – “self-termination, self-destruction, suicide by (what, whom) x ”. P_3x – “self-protection, self-preservation, self-conservation, self-defense by (what, whom) x ”. δx – “infiniteness, eternity, indefiniteness of (what, whom) x ”. F_5x – “finiteness, temporality, definiteness of (what, whom) x ”. S_1x – “service, help to (what, whom) x ”, or “serviceman, helper, servant, relative slave, of/for (what, whom) x ” or “ x ’s serviceman, servant, relative slave”. S_2x – “serviceman, servant, relative slave (what, who) x ” or “ x ’s being a serviceman, servant, relative slave,”. S_3x – “absolute slave, only-a-means (what, who) x ” or “ x ’s being an absolute slave, only-a-means of/for everyone”. S_4x – “serviceman, servant, slave of/for God of (what, whom) x ” or “ x ’s God’s slave”. M_1x – “master, ruler (who) x ”. M_2x – “master, ruler of/for (what, whom) x ”. Vx – “virtue, positive value (good) of/for (what, whom) x ”. Jx – “judgement (assessment), discussion and decision about (what, whom) x ”. The mentioned one-placed moral-legal-value-functions are defined precisely by the following moral-legal-value **table 2**.

Table 2. The unary moral-legal-value-functions

x	Ix	Wx	Gx	Dx	T_1x	P_3x	δx	F_5x	S_1x	S_2x	S_3x	S_4x	M_1x	M_2x	Vx	Jx
g	g	b	g	b	b	g	g	b	g	b	b	g	g	b	g	b
b	b	g	g	b	b	g	b	g	b	g	b	g	b	g	b	g

In two-valued algebra of natural law-and-morals as formal axiology, not only one-placed moral-legal-value-functions but also two-placed ones are considered. Let us introduce some binary moral-legal-value-functions by the following glossary for the **table 3**.

The *glossary* for the below moral-legal-value **table 3**: (In this paper the upper number-index 2 standing immediately after a capital letter informs that the indexed letter stands for a function determined by *two* arguments.) Let the symbol E^2xy stand for the binary moral-legal operation (two-placed-moral-legal-value-function) “moral-legal equalizing (what, whom) x and y , i.e. *identifying moral-legal values of x and y* ”. K^2xy stands for the binary moral-legal operation (moral-legal-value-function) “ x ’s being with y ” or “ x ’s and y ’s being together”, or “joint being of x and y ”, or “oneness (unity) of x and y ”. D^2xy – moral-legal operation “divorce (division), separation of x and y ”. Z^2xy – binary moral-legal operation “choosing and realizing such and only such an element of the set $\{x, y\}$, which element is: (1) the best one, if both x and y are good; (2) the least bad one, if both x and y are bad; (3) the good one, if x and y have opposite values. (Thus, Z^2xy means an excluding moral-legal choice and realization of only the optimal between x and y .) A^2xy – binary moral-legal operation (moral-legal-value-function) “realizing a non-excluding-moral-legal-choice result, i.e. (1) realizing K^2xy if both x and y are good, and (2) realizing Z^2xy otherwise”. N^2xy – “deliberate realizing neither x nor y ”. R^2xy – “realizing (what, whom) y in response to realizing (what, whom) x ”. O^2xy – “ y ’s being an opposite of/for x ”, or “ y ’s contradiction with (opposition to) x ”. F^2xy – “freedom (liberty) of/for (what, whom) y from

(what, whom) x ". S^2xy – “ x 's being a serviceman, officer, attendant, retainer, vassal, servant, valet (subject, serf, slave) of/for (what, whom) y ". These moral-legal-value-functions determined by two moral-legal-value-arguments are precisely defined by the following **table 3**.

Table 3. The evaluation-functions determined by two arguments

x	y	E^2xy	K^2xy	D^2xy	Z^2xy	A^2xy	N^2xy	R^2xy	O^2xy	F^2xy	S^2xy
g	g	g	g	b	b	g	b	g	b	b	b
g	b	b	b	g	g	g	b	b	b	b	b
b	g	b	b	g	g	g	b	g	g	g	g
b	b	g	b	g	b	b	g	g	b	b	b

The **table 3** defines precisely the moral-legal-value-functional sense of the binary operations of two-valued algebra of natural-law-and-morals. Now, for precise defining the *proper ontological* status of these moral-legal operations, let us make an agreement that below in the present article “[...]” means “... exists”, or “... takes place”, or “... is realized”. Thus, in the given paper, the *proper ontological values* “exists (is realized)” and “does not exist (is not realized)” of moral-legal actions and actors are taken into an account systematically. For example, the following statements define the proper ontological aspect of moral-legal actions and actors.

DF1: $[Nx] \leftrightarrow \neg[x]$.

DF2: $[K^2xy] \leftrightarrow ([x] \& [y])$.

DF3: $([N^2xy] \leftrightarrow [K^2NxNy])$. Consequently, $([N^2xy] \leftrightarrow (\neg[x] \& \neg[y]))$: by the definitions DF2 and DF1.

DF4: (I) If moral values of x and y are different, then $[Z^2xy]$, if and only if the good action is realized and the bad action is not realized. (II) If both actions (x and y) have moral value good, then $[Z^2xy]$, if and only if the best action is realized and the good-but-not-the-best action is not realized. (III) If both actions (x and y) have value bad, then $[Z^2xy]$, if and only if the worst action is not realized but the least bad action is realized.

DF5: A) if both actions (x and y) have moral value good, then $([A^2xy] \leftrightarrow [K^2xy])$; B) if at least one of actions (x and y) has moral value bad, then $([A^2xy] \leftrightarrow [Z^2xy])$.

The definitions DF4 and DF5 are formulated, for instance, in (Lobovikov 1986; 1987; 1988). These definitions are necessary entanglements (intertwinements) of proper moral-legal axiology with proper philosophical ontology, epistemology and logic.

Comparing the truth-value-tables of two-valued algebra of formal logic of propositions with the moral-legal-value-tables of two-valued algebra of formal moral-legal philosophy of actions, one can notice that here is a heuristically important *analogy* between formal axiology of actions and formal logic of propositions. But the *analogy* is not an *identity* relation. Identity is an equivalence relation, which is transitive one. But, generally speaking, *analogy* is not a tran-

sitive relation. Using the *analogy*, one can create a *hypothesis* that $([A^2xy] \leftrightarrow ([x] \vee [y]))$ and $([Z^2xy] \leftrightarrow ([x] \nabla [y]))$, where the symbol ∇ stands for the binary logic operation called “*excluding disjunction*”. However, generally speaking, the hypothesis is false; it is very easy to construct a counter-example for it.

Nevertheless, the wonderful *analogy* between the truth-value-tables of two-valued algebra of formal logic of propositions and the moral-legal-value-tables of two-valued algebra of formal axiology of actions is *heuristically* fruitful. For instance, according to the above-given **table 3**, *the moral-legal-response-action R^2xy is a moral-legal-value-functional analog of the classical (Philonian) implication* (Lobovikov 2020). Being aware of the long and stormy controversy among logicians about the classical truth-functional definition of implication, by the *analogy* in question, one can predict and expect that there has been also a long and stormy controversy in natural jurisprudence, natural philosophy of morals, and natural theology about the moral-legal-value-functional sense of R^2xy . By content-analysis of history of philosophy of law, morals and theology, one can see that the prediction is true. The above moral-legal-value **table 3** adequately represents St. Augustine’s definition of perfect moral-legal *response-action* by God (Augustine 2010: 183-184). According to the wonderful analogy, (1) *Philonian implication and Augustinian response-action are models (analogs) of each other* (Lobovikov 2020); (2) there are some other worth-mentioning, namely, nonclassical (sometimes called “heretic”) options of defining moral-legal-value-functional sense of the response-action R^2xy , which “heretic” options deviate significantly from each other and also from the above-given **table 3**.

To finish formulating the two-valued algebraic system of natural law-and-morals, it is indispensable to give precise definitions of the notions: “*formal-axiological equivalence*”; “*formal-axiological contradiction*”; “*formal-axiological consequence*”; “*formal-axiological law*” (or, which is the same, “*law of natural jurisprudences and natural ethics*”) in the two-valued algebraic system of formal axiology. The mentioned notions are precisely defined as follows.

Definition DF6 of the two-placed relation called “*formal-axiological-equivalence*”: in the algebraic system of formal axiology, any moral-legal-value-functions Ξ and Θ are *formally-axiologically equivalent* (this is represented by the expression “ $\Xi=+=\Theta$ ”), if and only if they acquire identical moral-legal-values (from the set $\{g$ (*good*), b (*bad*)}) under any possible combination of the moral-legal-values of their moral-legal-evaluation-variables.

Definition DF7 of the notion “*formal-axiological law*”: in algebra of *formal axiology of law and morals*, any evaluation-function Θ is called *formally-axiologically (or necessarily, or universally, or absolutely) good one*, or a *law of algebra of formal axiology* (or a “*law of natural jurisprudences and natural ethics*”), if and only if Θ acquires the value g (*good*) under any possible combination of the values of its moral-legal-evaluation-variables. In other words, the function Θ is *formally-axiologically (or constantly, or absolutely) good one*, “iff $\Theta=+=g$ ” (*good*).

Definition DF8 of the notion “*formal-axiological contradiction*”: in algebra of *formal axiology of law and morals*, any moral-legal-value-function Θ is called *formally-axiologically (or invariantly, or absolutely) bad one*, or a “*formal-axiological contradiction*”, if and only if Θ acquires the value b (*bad*) under any

possible combination of the values of its moral-legal-evaluation-variables. In other words, the function Θ is *formally-axiologically* (or *necessarily*, or *universally*, or *absolutely*) *bad* one, iff $\Theta=+=b$ (*bad*).

Definition DF9 of the two-placed relation called “*formal-axiological-entailment*”: in the algebraic system of *formal axiology*, for any moral-legal-value-functions Ξ and Θ , it is true that “ Θ formally-axiologically follows from Ξ ”, if and only if, “ $R^2\Xi\Theta=+=g$ ”.

With respect to the above-given definition DF6, here it is worth mentioning and emphasizing that in the ambiguous natural language, very often the relation “ $\Xi=+=\Theta$ ” is represented by the words-homonyms “is”, “means”, “implies”, “entails”, “equivalence” (They may stand for the *formal-axiological equivalence* relation “ $=+=$ ”). As in the ordinary natural language the words “is”, “means”, “implies”, “equivalence”, etc. also may stand for the logic operations “equivalence” and “implication”, there is a real possibility of confusions produced by absolute identifying and, hence, substituting for each other the substantially different notions “ $=+=$ ” and logic operation “equivalence” (or “ $=+=$ ” and logic operation “implication”). Such mixing and substituting are strictly forbidden in the above-defined algebra of formal axiology of law-and-morals. Ignoring this ban indispensably leads to paradoxical results.

The above-given precise definitions DF1-DF9 demonstrate convincingly that basic categories of the mathematized natural-law theory are *quite definite*, consequently, the *alleged* statement that basic notions of the natural law theory are indefinite or not quite definite on principle (Alexeyev 2001: 427) is not true; *the notions of natural law theory are quite definite*, because within the algebra of natural law, *they are precisely defined* (by DF1-DF9). With respect to the not positive but sceptic estimation of my attempt to mathematize the natural law theory (Alexeyev 2001: 427), I guess that, due to personal propensity to ignore mathematics as such, S.S. Alexeyev had not understood the mathematized conception of natural law represented in monograph (Lobovikov 1998) which he had made reference to. According to the above-given rigorous definitions, formal-axiological laws of the algebraic system of natural jurisprudence (and of natural ethics) do not depend upon possible changes of evaluator E. If Θ is a *formal-axiological law*, then Θ is good in relation to any E. Formal-axiological contradictions do not depend upon possible changes of E as well. If Θ is a *formal-axiological contradiction*, then Θ is bad in relation to every E. If there is the formal-axiological equivalence between moral-legal-value-functions Ξ and Θ , then the functions Ξ and Θ are *formally-axiologically equivalent* ones in relation to every evaluator E. Thus, in spite of the evident flexibility and obvious relativity of *empirical* moral-legal-evaluations, there are *absolute invariants* (immutable universal laws) of the moral-legal-evaluation relativity (Lobovikov 2014). This means that allegedly affirming that basic categories of natural law are not quite definite, or “are deprived of qualities of strict definiteness” (Alexeyev 2001: 421) is wrong.

Concerning the above-said there is one more theme worthy of mentioning. From the purely mathematical point of view, in the two-valued algebra of formal axiology, there are 4 (and only 4) mathematically different *unary formal-axiological operations* (namely, two mutually opposite constant-functions and

two mutually opposite not-constant-functions). However, in this article I deal with more than 4 different unary formal-axiological operations. This is so because their difference is not purely mathematical one: it comes from the field of application of the mathematical apparatus, namely, from the contents of the theory of natural law-and-morals as moral-legal action-form theory. Hence the more-than-four-element-set of unary formal-axiological operations considered in this paper is divided into four subsets, and within each of the four subsets any elements are formally-axiologically equivalent to each other. Thus, there is no inconsistency. Here it is relevant also to make the analogous remark in relation to the *binary* formal-axiological operations of the two-valued formal-axiology algebra. The more-than-sixteen-element-set of binary moral-legal operations is divided into sixteen subsets, and within each of the sixteen subsets any elements are formally-axiologically equivalent to each other (although they are identical from the viewpoint of pure mathematics proper, they are somewhat different from the viewpoint of contents of the field of application of mathematics).

To demonstrate how the above-introduced discrete mathematical method works with concrete contents of natural law-and-morals, i.e. to illustrate the above-presented abstract discourse by concrete examples, let us construct and discuss the following algebraic equations concerning the four mathematically different kinds of “freedom” and the four mathematically different kinds of moral-legal-value-functions represented in natural language by ambiguous words “service”, “employ”, “officer”, “servant”, “slave”, et al. Using the above-given definitions one can obtain the following list of *formal-axiological equations* of two-valued algebra of natural law-and-morals.

- 1) $Bx=+=F_1x$: x 's being (life) is x 's freedom.
- 2) $NF_1x=+=Nx$: nonbeing of x 's freedom is equivalent to x 's nonbeing (death).
- 3) $YF_1x=+=YBx$: depriving x 's freedom is formally-axiologically equivalent to depriving x 's life.
- 4) $F_1x=+=OF_2x$: x 's freedom (i.e. freedom of/for x) is an opposite of/for freedom from (what, whom) x .
- 5) $F_2x=+=NF_1x$: freedom from (what, whom) x is formally-axiologically equivalent to nonbeing of freedom of/for (what, whom) x .
- 6) $F_3x=+=K^2F_1x$: absolute freedom from (what, whom) x is oneness (unity) of freedom of/for (what, whom) x and freedom from (what, whom) x .
- 7) $F_3x=+=K^2F_1Bx$: absolute freedom from (what, whom) x is oneness (unity) of freedom of/for x 's being and freedom of/for x 's nonbeing.
- 8) $F_3x=+=OF_1Z^2x$: absolute freedom from (what, whom) x is opposite of/for freedom of/for moral-legal choice.
- 9) $F_3x=+=F_1NZ^2x$: absolute freedom from (what, whom) x is freedom of/for nonbeing of moral-legal choice.
- 10) $F_3x=+=F_2A^2x$: absolute freedom from (what, whom) x is freedom from moral-legal choice.
- 11) $F_3Z^2x=+=F_2A^2x$: freedom from moral-legal choice is a formal-axiological contradiction.

12) $F_3x=+=b$: absolute freedom from (what, whom) x is a formal-axiological contradiction.

13) $F_4x=+=F_1Z^2xNx=+=F_1A^2xNx$: absolute freedom of/for x is freedom of/for moral-legal choice between x and Nx .

14) $Z^2xNx=+=A^2xNx=+=g$: moral-legal choice between x and Nx is a natural moral-legal (formal-axiological) law of “*tertium non datur*” (Lobovikov 1984a; 1984b).

15) $F_4x=+=g$: absolute freedom of/for (what, whom) x is a formal-axiological law (of the algebraic system of natural law-and-morals).

3. Natural Law and Natural Theology: Is God’s Slave a Slave? (Answering the Question by Means of Recognizing Significant Mathematical Difference among Four Meanings of the word “Slave”)

According to the discrete mathematical model of natural law under investigation, the four significantly different meanings of the word “slave (servant, serviceman)” are nothing but *moral-legal-value-functions*; the difference among them is mathematical proper. In this article, the four qualitatively different functions called “servanthood (serfdom)” are defined precisely by the above-presented **table 2**. Yet in ancient Greece it had been well-recognized that the *empirically* known *relative* slavery (service) position is neither absolute evil nor absolute virtue (Aristotle 1994b: 449). Thus, two significantly different moral-legal meanings of the word “slavery (service)” (the negative and the positive ones) had been recognized even in Antiquity (Aristotle 1994a; 1994b). However, up to the present time, the proper mathematical (algebraic) aspect of the two meanings had not been recognized as such. Since the collapse of Roman Empire, there had been a development (quality change), significant transformation (and accommodation to new realities by regress) of the Roman Law system (somewhat *conventionally* called “*reception* of the Roman Law by modern legal cultures of civilized countries”) which transformation had resulted in treating “slavery (service)” as a *negative* moral-legal *constant* (absolute evil), opposed by “liberty” as a *positive* moral-legal *constant* (absolute virtue).

Thus, finally, in contrast to Antiquity, the two significantly different notions of *relative* slavery (“*service*”, or “*being subjected to*”) which had been understood as not moral-legal-value-constants (by celebrated lawyers and philosophers of Antiquity), were omitted in (or excluded from) the contemporary general theory of State and law proper, while the two moral-legal constants were taken into an account (included into) the general theory of proper law and State. According to that qualitatively new conception of the natural law and morals which (conception) is represented by its discrete mathematical model – algebra of formal axiology, both natural law doctrines of slavery (the ancient created by slave-owners and the contemporary created by the liberals) are *particular cases* necessary but *not sufficient* for making up an actually

universal natural legal theory of “*x*’s service (subalternation) to *y*”. I believe that the two mutually excluding and inter-complementing theoretic extremes are to be synthesized in one universal conception deliberately taking into an account all the four significantly different meanings of the word “slavery (service)” which are nothing but *moral-legal-value-functions*.

The above-generated list of formal-axiological equations of two-valued algebra of natural law and morals is quite sufficient for illustrating (instantiating) how the discrete mathematical machinery works with the four different moral-legal-value-functions called “freedom”. Now let us generate a list of formal-axiological equations modeling relations among the four mathematically different meanings of the word “service”.

16) $S_x = OS_x$: *x*’s service (relative slavery) is an opposite to service to (what, whom) *x*.

17) $S_x = NF_x$: *x*’s service (relative slavery) is nonbeing of *x*’s freedom.

18) $S_x = LF_x$: *x*’s service (relative slavery) is limiting freedom of/for *x*.

19) $S_x = F_x$: service to (what, whom) *x* means freedom of/for *x*.

20) $S_x = NF_x$: service to *x* is nonbeing of freedom from (what, whom) *x*.

21) $NF_x = S_x$: nonbeing of freedom from (what, whom) *x* is being a serviceman, servant (relative slave) of/for *x*.

22) $Bx = BS_x$: existence of *x* is equivalent to existence of helper (subject, slave) of/for *x*.

23) $US_x = Ux$: interest of slave of/for *x* is equivalent to interest of/for *x* (Aristotle 1994b: 445-449).

24) $Bx = M_x$: *x*’s being is *x*’s being a master, ruler (Aristotle 1994a; 1994b).

25) $BS_x = S_x M_x$: being of slave of/for *x* is service to master *x*.

26) $VM_x = VS_x M_x$: good (virtue) of/for master *x* is good (virtue) of/for slave of master *x* (Aristotle 1994b: 445-449).

27) $Bx = S^2 M_x x$: *x*’s being is service of master (ruler) of/for *x* to *x*.

28) $Gx = g$: God of/for *x* is a natural legal law, i.e. a formal-axiological law of the two-valued algebra of moral-legal actions.

29) $S_x Gx = S_x x$: service to *x*’s God is being a slave of/for *x*’s God.

30) $S_x = F_x Gx$: *x*’s being a slave of *x*’s God is absolute freedom of/for *x*. Such a surprising (psychologically unexpected) conclusion (and its justification) had been presented at the conference (Lobovikov 2005).

31) $S_x = NS_x$: *x*’s being a slave of God is nonbeing of *x*’s absolute slavery.

32) $F_x Gx = S_x Dx$: freedom from *x*’s God is service to *x*’s devil.

33) $S^2_x Dx = S_x x$: *x*’s service to *x*’s devil, i.e. to main enemy of *x*’s God, is absolute slavery of *x*.

34) $S_x = b$: absolute slavery of *x* is a formal-axiological contradiction.

35) $S_x = N_x$: absolute slavery of *x* is absolute nonbeing of *x*.

36) $F_x = g$: absolute freedom of/for *x* is a natural law (=formal-axiological one).

37) $S_x = g$: *x*’s being a slave of God is a natural law (=formal-axiological one).

38) $S_x^{x=+} = B_1 x$: x 's being a slave of God is absolute being of x .

39) $F_x^{x=+} = F_1 Gx$: absolute freedom of/for x is freedom of/for God of/for x .

40) $F_1 Gx^{x=+} = g$: freedom of/for God of/for x is a natural law.

Thus, by means of the discrete mathematical model under investigation, it is easy to see that natural law and natural theology are necessarily interconnected.

4. Deductive Grounding and Justifying the Positive Constitutional Law of Division (Separation) of the Executive and the Judicial Powers of State, within Algebra of Natural Law

Above it has been demonstrated how the machinery of discrete mathematics works with concrete contents of the system of proper *natural* law-and-morals, namely, with the four mathematically different moral-legal-value-functions called “freedom” and the four ones called “slavery”. Now it is quite natural and desirable to demonstrate convincingly how the above-introduced mathematical machinery works with respect to a juridical material taken from proper *positive* law. Let us take a concrete example of such material from the *positive constitutional law* (of the Russian Federation, the U.S.A., etc.).

According to the above-given tables 1 and 2, under any value of the variable x , the unary functions Ex (*execution* of x) and Jx (*judgement* about x) have opposite values. According to the table 3, the binary function D^2xy has the value g (good), if and only if x and y have opposite values. Consequently, the composition of functions D^2ExJx has the value g (good) under any value of the variable x . Consequently, according to the above-given definition DF7, the evaluation-function D^2ExJx is a natural law (formal-axiological one) of the two-valued algebra of natural law-and-morals. A translation of the expression $D^2ExJx^{x=+} = g$ from the artificial language of algebra into natural one of humans is the following: division (separation) of executing (what) x and judging about (what) x is a (strictly universal and immutable) natural law, which is “always good” according to Paul – the celebrated representative of ancient Roman Law doctrine (Watson 1998: 2-3).

Hence, the famous positive constitutional law of division (separation) of the executive and judicial powers of State is successfully grounded (strictly deductively!!!) within algebra of natural law. So, the *positive* and the natural philosophies of legal law are not the ones absolutely excluding each other: the latter can be a solid proper theoretical foundation and convincing justification of the former. Thus, the concrete example, demonstrating how the algebraic system of natural law-and-morals can help significantly to substantiate a proper *positive* legal law, is given.

5. Conclusion

According to the above-said, it is quite natural that the extremely negative relation of Marxist-Leninist world-view to theology has been necessarily interconnected with definitely negative attitude of Marxist-Leninist-minded jurists and philosophers of law to the natural jurisprudence. As Marxist-Leninist nominalism (particularism) philosophy has rejected real existence of eternal and immutable *universals for* moral-legal values of proletariat and bourgeoisie classes of society, the party ideology of proletariat has rejected real existence of strictly universal and necessarily unchangeable natural legal laws of human behavior as well. However, in spite of the philosophy of proletariat, natural legal laws – eternal and immutable *universals for* human-behavior-patterns (common to any living creatures in general) do exist and may be represented adequately by appropriate mathematical structures. Thus, natural jurisprudence, and natural theology make up a coherent system of nature studies.

The significant scientific novelty of the present article is demonstration of the nontrivial statement that the set of different formal-axiological meanings of the word “freedom” is not reduced to the well-known couple (*positive* “freedom *of/for*” and *negative* “freedom *from*”): according to this article, in two-valued algebra of formal axiology, there are exactly four different formal-axiological meanings of the word “freedom”, namely, the two opposite moral-legal-value-functions called “freedom”, which are not constants, and the two opposite moral-legal-value-functions “freedom”, which are constants. Another important aspect of scientific novelty of the given paper is demonstration of the psychologically unexpected nontrivial statement that in two-valued algebra of formal axiology, there are *exactly four* different formal-axiological meanings of the word “slavery (service)”. Taking the proper mathematical difference among the four into an account systematically, by means of computation of relevant moral-legal-value-functions, it is easy to demonstrate the psychologically surprising *statement that x 's being a slave of God is x 's being absolutely free*. At first glance, such a nontrivial statement (which is very important for clarifying philosophical foundations of rational theology) looks odd, paradoxical (self-contradictory), but, according to the above-presented formal-axiological discourse, it *only looks* so. Thus, the above-presented two-valued algebraic system of natural law has a heuristic value in general and can have fruitful applications to philosophical theology in particular.

References

- Alexeyev S.S. 2001. *Ascent to the Right. Searches and Solutions*, Moscow, Norma, 748 p. (in Russ.).
- Alexi R. 2011. *The Concept and Actuality of Law (A Response to the Legal Positivism)*, Moscow, Infotropic-Media, 192 p. (in Russ.).
- Aquinas St.T. 1994a. The Summa Theologica. Vol. 1, M.J. Adler (ed.) *Great Books of the Western World. Vol. 17. Aquinas: I*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., 826 p.

- Aquinas St.T. 1994b. *The Summa Theologica*. Vol. 2, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World. Vol. 18. Aquinas: II*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., 1085 p.
- Aristotle. 1994a. *Nicomachean Ethics*, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 8: *The Works of Aristotle*, pp. 339-444.
- Aristotle. 1994b. *Politics*, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 8: *The Works of Aristotle*, pp. 445-548.
- Augustine St. 1994. *The Confessions. The City of God, On Christian Doctrine*, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World. Vol. 16: Augustine*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., 784 p.
- Augustine A. 2010. *On Grace and Free Choice, Augustine. On the Free Choice of the Will, On Grace and Free Choice, and Other Writings*, Cambridge, The Univ. Press, pp. 141-184.
- Boole G. 1854. *An Investigation of the Laws of Thought on which are founded The Mathematical Theories of Logic and Probabilities*, London, Walter and Maberly, Cambridge, MacMillan and Co., 424 p.
- Bourbaki N. 1950. *The Architecture of Mathematics, American Mathematical Monthly*, vol. 57, iss. 4, pp. 221-232. DOI 10.2307/2305937.
- Bourbaki N. 1962. *Elements of Mathematics. Pt. 1: Fundamental Structures of Analysis. B. 2: Algebra*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury, 516 p. (in Russ.).
- Bourbaki N. 1965. *Elements of Mathematics. Pt. 1: Fundamental Structures of Analysis. B. 1: Theory of Sets*, Moscow, Mir, 455 p. (in Russ.).
- Bourbaki N. 1998. *Elements of the History of Mathematics*, Berlin, Germany, Springer-Verlag Berlin and Heidelberg GmbH & Co. KG, 301 p.
- Chicherin B.N. 2005. *Property and State*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, 824 p. (in Russ.).
- Cicero. 1966. *Dialogues. On State. On Law*, Moscow, Nauka, 224 p. (in Russ.).
- Didikin A.B. 2014. *Analytical Conceptions of Natural Law in the Modern Legal Naturalism, Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, vol. 12, no. 1, pp. 64-69. (in Russ.).
- Dworkin R.A. 1977. *Taking Rights Seriously*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 293 p.
- Dworkin R.A. 1986. *Law's Empire*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 470 p.
- Entreves A.P. d' 1951. *Natural Law: An Historical Survey*, New York, Macmillan Co., 658 p.
- Finnis J.M. 1980. *Natural Law and Natural Rights*, Oxford, Clarendon Press, 425 p.
- Finnis J.M. (ed.) 1991. *Natural Law (a collection of papers)*, Oxford, Clarendon Press, 843 p.
- Fuller L.L. 1969. *The Morality of Law*, New Haven, Yale Univ. Press, 262 p.
- Gessen V.M. 1902. *Revival of Natural Law*, St. Petersburg, E. Evdokimov's Printing House, 43 p. (in Russ.).
- Grotius H. 1956. *On the Right of War and Peace, in Three Books. Wherein are Explained, The Law of Nature and Nations, and The Principal Points relating to GoveVozrornment*, Moscow, Gosyurizdat, 868 p. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. 1994. *Philosophy of Right*, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 43: *Hegel; Kierkegard; Nietzsche*, pp. 1-154.
- Hobbes T. 1994. *Leviathan, or Matter, Form, and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil*, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 21: *Machiavelli; Hobbes*, pp. 41-283.

Kant I. 1994. *The Critique of Pure Reason. Fundamental Principles of the Metaphysics of Morals. The Critique of Practical Reason. Preface and Introduction to the Metaphysical Elements of Ethics. General Introduction to the Metaphysics of Morals. The Science of Right. The Critique of Judgement*, M.J. Adler (ed.) *Great Books of the Western World. Vol. 39: Kant*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., 613 p.

Kantorovich J.A. 2012. *Trials against Animals in the Middle Ages*, Moscow, Krasand, 64 p. (in Russ.).

Leibniz G.W. 1903. *General Investigations concerning the Analysis of Concepts and Truths*, L. Couturat (ed.) *Opuscles et Fragments Inédits de Leibniz: extraits de la Bibliothèque royale de Hanovre*, Paris, Alcan, pp. 356-399. (in French).

Leibniz G.W. 1952. *Theodicy: essays on the goodness of God, the freedom of man, and the origin of evil*, London, Routledge & K. Paul, 448 p.

Leibniz G.W. 1969. *Philosophical Papers and Letters*, Dordrecht, D. Reidel, 736 p.

Leibniz G.W. 1971. *Elementa Juris Naturalis*, G.W. Leibniz. *Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672)*, Berlin, Akademie-Verlag, pp. 431-485. (in Latin).

Leibniz G.W. 1981. *New essays on human understanding*, Cambridge [Eng.], New York, Cambridge Univ. Press, 402 p.

Lobovikov V.O. 1980. *An Algebraization of Some Fragments of Ethics as a Prerequisite of Their Formalization*, *Tezisy konferentsii "Problemy i perspektivy ispol'zovaniya logiko-kiberneticheskoi tekhniki"*, Sverdlovsk, Oblastnoi sovets NTU, pp. 49-51. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 1984a. *A New Not-Logic Interpretation of Mathematical Apparatus of the Classical First-Order Predicate Logic*, *Logika, poznanie, otrazhenie*, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 33-58. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 1984b. *Modal Logic of Evaluations and of Norms from the viewpoint of Content Ethics and Law*, Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 272 p. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 1986. *Logic of Actions, Logic of Evaluations, Logic of Preferences, and Moral-Legal Choice*, Yu.L. Ershov et al. (eds.) *Logika i sistemnye metody analiza nauchnogo znaniya : tez. dokl. k III Vsesoyuz. soveshchaniyu po logike, metodologii i filosofii nauki (Har'kov, oktyabr' 8-10, 1986). Sekcii 1-5*, Moscow, Institut filosofii AN SSSR, pp. 208-210. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 1987. *Methodologic Significance of Approximate Treatment of Evaluations and Preferences for Justification of Norms and Choice Acts*, *Abstracts of 8-th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science, LMPS '87, Moscow, USSR, 17–22 August, 1987, Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR*, Moscow, Nauka, section 6, vol. 4, pt. 1, pp. 381-384. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 1988. *Artificial Intelligence, Formal Ethics, and Moral-Legal Choice*, Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 188 p. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 1998. *Mathematical Jurisprudence. Pt. 1. The Natural Law*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, 240 p. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 2005. *Is God's Slave a Slave? (Algebra of Natural Law as a Method of Demonstration of Formal-Logical Consistency of Christian Theology)*, *Problemy teologicheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii : materialy Vseros. bogoslov. nauch.-prakt. konf., 30 maya 2005 g.*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo professional'no-pedagogicheskogo universiteta, pp. 45-50. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 2007. *Mathematical Ethics, Metaphysics, and the Natural Law (Algebra of Metaphysics as Algebra of Formal Axiology)*, Yekaterinburg, Institut filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN, 409 p. (in Russ.).

Lobovikov V.O. 2009. *Mathematical Simulating Formal Axiological Semantics of Natural Languages (A Fundamental Generalization of Mathematical Philosophy:*

from Truth-Values to Axiological Ones), *Philosophy, Mathematics, Linguistics: Aspects of Interaction: Materials of Scientific Conference (November 20-22, 2009)*, St. Petersburg, L. Euler International Mathematics Institute, pp. 128-132.

Lobovikov V.O. 2010. Algebra of the Natural Law – A Mathematical Simulation of the Natural Law Type of Legal Reasoning: A Basis for Computer-Aided Law-Making and Law Education, *Archiv für Rechts und Sozialphilosophie (ARSP)*, no. 122, pp. 105-114.

Lobovikov V.O. 2013. “Private Vices Are Public Benefits”: The Paradox of Bernard Mandeville as an Equation of Two-Valued Algebra of Formal Ethics, *Sins, Vices and Virtues: Essays in the Cultural, Political and Philosophical Reflections of Moral Categories*, Oxford, UK, Inter-Disciplinary Press, pp. 35-44.

Lobovikov V.O. 2014. Algebra of Morality and Formal Ethics, *Benziman Y., Lobovikov V., Lublin R.I., Huang L., Bacon S., Szutta N., Bronk K. Looking Back to See the Future. Reflections on Sins and Virtues*, Oxford, UK, Inter-Disciplinary Press, pp. 17-41.

Lobovikov V.O. 2015. ‘Fear’, ‘Horror’ and ‘Terror’: Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics, *L. Colmenero-Chilberg, F. Mújdricza (eds.) Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror*, Oxford, UK, Inter-Disciplinary Press, pp. 193-203.

Lobovikov V.O. 2020. A Wonderful Analogy between Augustine’s Definition of Moral-Value-Functional Sense of Response-Action and Philo’s Definition of Truth-Functional Sense of Implication in Logic, *CIENCIA ergo-sum*, vol. 27, iss. 3, pp. 1-14. DOI 10.30878/ces.v27n3a4.

Locke J. 1994a. An Essay Concerning the True Original Extent and End of Civil Government, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 33, pp. 25-81.

Locke J. 1994b. An Essay Concerning Human Understanding, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 33, pp. 93-395.

Montesquieu C. 1994. The Spirit of Laws, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 35, pp. 1-315.

Nersesyants V.S. 1996. *Law – Mathematics of Freedom. Experience of the Past, and Future Vistas*, Moscow, Jurist, 157 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. 1997. *Philosophy of Law*, Moscow, Infra-M – Norma, 652 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. 1902. Moral Idealism in Philosophy of Law. (Towards Revival of Natural Law), *Problemy idealizma*, Moscow, Moskovskoe psichologicheskoe obshchestvo, pp. 236-296. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. 1904a. State and Law, *Voprosy filosofii i psihologii*, no. 74, pp. 397-450. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. 1904b. State and Law, *Voprosy filosofii i psihologii*, no. 75, pp. 508-538. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. 2010. *Selected Works*, Moscow, ROSSPEN, 960 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. 2011. *Lectures on History of Philosophy of Law: Doctrines of Modern Time, XVI–XIX centuries*, Moscow, Krasand, 352 p. (in Russ.).

Plato. 1994. Dialogues, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, London, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 6: Plato, 814 p.

Pufendorf S.F. 1991. *On the Duty of Man and Citizen According to Natural Law*, New York, Cambridge Univ. Press, 236 p.

Pufendorf S.F. 2005. *Of the Law of Nature and Nations. Eight Books*, 4th ed., Clark, New Jersey, The Lawbook Exchange Ltd., 1018 p.

Radbruch G. 2006. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law, *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 26, iss. 1, pp. 1-11. DOI 10.1093/ojls/gqi041.

Rousseau J.-J. 1994a. A Discourse on a Subject Proposed by the Academy of Dijon: What is the Origin of Inequality among Men, and is It Authorized by Natural Law?, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 35: Montesquieu; Rousseau, pp. 323-366.

Rousseau J.-J. 1994b. The Social Contract or Principles of Political Right, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 35: Montesquieu; Rousseau, pp. 387-439.

Sawyer W. 1964. Algebra, *Scientific American*, vol. 211, iss. 3, pp. 70-79. DOI 10.2307/24931626. URL: <http://www.jstor.org/stable/24931626> (Retrieved September 8, 2020).

Sheridan P. 2020. Locke's Moral Philosophy, *E.N. Zalta (ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, (Spring 2020 Edition), available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/locke-moral/> (accessed: August 20, 2021).

Solovyov V.S. 2001. *Law and Morality*, Minsk, Kharvest, Moscow, AST, 190 p. (in Russ.).

Solovyov V.S. 2012. *The Justification of the Good*, Moscow, Akademicheskii proekt, 672 p. (in Russ.).

Spengler O. 1928. *The Decline of the West (in two volumes). Vol. 2. Perspectives of the World History*, New York, Alfred A. Knopf. Inc., 408 p.

Spinoza B. 1994. Ethics, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 28: Bacon; Descartes; Spinoza, pp. 583-697.

Stammler R. 1907. *Economy and Law from the Viewpoint of Materialistic Understanding History. Vol. 1*, St. Petersburg, Nachalo, 408 p. (in Russ.).

Stammler R. 1908. *Essence and Tasks of Law and of Jurisprudence*, Moscow, Tipografija tovarishhestva I.D. Sytina, 326 p. (in Russ.).

Vattel E. de. 1960. *The Law of Nations, or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and to the Affairs of Nations and of Sovereigns*, Moscow, Gosyurizdat, 719 p. (in Russ.).

Watson A. (ed.). 1998. *The Digest of Justinian. Vol. 1. B. 1*, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, pp. 1-39.

Whitehead A.N. 1941. Mathematics and the Good, *P.A. Schilpp (ed.) The philosophy of Alfred North Whitehead* [The Library of Living Philosophers, Vol. 3], Evanston, Chicago, Northwestern Univ. Press, pp. 666-681.

Whitehead A N. 1994. An introduction to Mathematics, *M.J. Adler (ed.) Great Books of the Western World*, Chicago, Auckland, London, Madrid, Encyclopedia Britannica, Inc., vol. 56: Natural Science: Selections from the Twentieth Century, pp. 121-186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Олегович Лобовиков

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8760-0452>;
ResearcherID: K-4188-2018;
SPIN-код: 3994-4289;
E-mail: vlobovikov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir O. Lobovikov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Department of Law by Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8760-0452>;
ResearcherID: K-4188-2018;
SPIN-код: 3994-4289;
E-mail: vlobovikov@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Василенко Ю.В. Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_91 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 91–108.

УДК 329.11:329.3

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_91

Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании

Юрий Владимирович Василенко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Пермь,

г. Пермь, Россия

E-mail: yuvasil@yandex.ru

*Поступила в редакцию 30.11.2021, поступила после рецензирования 12.01.2022,
принята к публикации 17.01.2022*

Статья посвящена трансформациям политической идеологии франкизма в современной Испании. Историческую эволюцию «франкизма после Франко» автор подразделяет на два этапа: неофранкизм (завершенный) и постфранкизм (зарождающийся). Неофранкизм формируется во времена демократического транзита (1975–1982), постфранкизм возникает в результате политических инноваций, реализованных социал-демократическими правительствами Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011) и П. Санчеса (с 2018 г. по настоящее время), и связан с негативным отношением к «исторической памяти» (закон 2007 г.) и «демократической памяти» (законопроект 2020 г.). Анализируя внутреннюю структуру неофранкизма, автор

© Василенко Ю.В., 2022

подразделяет его на три части в соответствии с более общей типологией консерватизма А.А. Галкина и П.Ю. Рахшмира: правое крыло (праворадикальный консерватизм), центристский неофранкизм (традиционализм) и левое крыло (либеральный консерватизм). Внутренняя структура постфранкизма пока еще формируется, поэтому раскрывается в менее определенных понятиях, хотя и на основе все той же классической триады: правый фланг (мейнстрим), центр («сочувствующие») и левый фланг («попутчики»). Сопоставляя «франкизмы», автор показывает, что франкизм при Франко был закрытой идеологией и имел своей главной целью уничтожение оппонентов (изгнание из страны, тюрьма, расстрелы); неофранкизм был полуоткрытой идеологией и предпочитал с оппонентами дискутировать (парламент, СМИ, научно-публицистическая литература). В этом контексте принципиальным отличием постфранкизма от остальных франкизмов является его открытый характер и публично артикулированное приглашение всевозможных оппонентов со всего политико-идеологического спектра к обоюдному сотрудничеству в целях поступательного развития страны, благодаря чему в логике его зарождающегося дискурса сегодня выступают не только неофранкисты, но и антифранкисты (в частности, представители Коммунистической партии Испании, которые традиционно являлись врагами любого франкизма), что и позволяет автору добавлять к нему приставку «пост-».

Ключевые слова: политическая идеология, франкизм, неофранкизм, постфранкизм, «историческая память», «демократическая память», современная Испания

Transformations of the Political Ideology of Francoism in Modern Spain

Yuri V. Vasilenko

National Research University “Higher School of Economics” – Perm,
Perm, Russia

E-mail: yuvasil@yandex.ru

Received 30.11.2021, revised 12.01.2022, accepted 17.01.2022

Abstract. The article is devoted to the transformations of the political ideology of Francoism in modern Spain. The author divides the historical evolution of “Francoism after Franco” into two stages: neo-Francoism (completed) and post-Francoism (incipient). Neo-Francoism is formed during the times of democratic transit (1975–1982), post-Francoism arises as a result of political innovations implemented by the two social-democratic Governments of J.L. Rodriguez Zapatero (2004–2011) and P. Sanchez (from 2018 to the present) and is associated with a negative attitude to “historical memory” (Law of 2007th year) and “democratic memory” (Bill of 2020th year), respectively. Analyzing the internal structure of neo-Francoism, the author decomposes it into three types in accordance with a more general typology of conservatism by A.A. Galkin and P.Yu. Rakhshmir: the right wing (right-wing radical conservatism), centrist neo-Francoism (traditionalism) and the left wing (liberal conservatism). The internal structure of post-Francoism is still being formed, therefore it is revealed in less defined concepts although on the basis of the same classical triad: the right flank (mainstream), the center (“sympathizers”) and the left flank (“fellow travelers”). Comparing the “Francoisms”, the author shows that Francoism under Franco was a closed ideology and had as its main goal the destruction of opponents (expulsion from the country, prison, executions); neo-Francoism was a semi-open ideology

and preferred to discuss with opponents (Parliament, media, scientific and journalistic literature). In this context, the fundamental difference between post-Francoism and other Francoisms is its open nature and publicly articulated invitation for all kinds of opponents from across the political and ideological spectrum to mutually beneficial cooperation for the progressive development of the country, thanks to which not only neo-Francoists, but also anti-Francoists (in particular, representatives of the “Communist Party of Spain” who have traditionally been enemies of any Francoism) appear in the logic of its nascent discourse today, which allows the author to add the prefix “post” to it.

Keywords: political ideology; Francoism; neo-Francoism; post-Francoism; “historical memory”; “democratic memory”; modern Spain

For citation: Vasilenko Yu.V. Transformations of the Political Ideology of Francoism in Modern Spain, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 91-108. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_91.

Демократический транзит, начавшийся в Испании в 1975 г. после смерти генерала Ф. Франко, считается на сегодняшний день окончательно завершённым по неисчислимому количеству причин, первой и главной из которых является историческая очевидность. Соответственно и политическая идеология франкизма все чаще становится предметом не столько политологических, сколько сугубо исторических исследований. За прошедшие с тех пор четыре с половиной десятилетия об этих процессах были написаны и переписаны сотни томов, благодаря которым тема начинает считаться в целом исчерпанной, постепенно переходя в современном общественном сознании в разряд историографической. Вместе с тем ничто на земле не проходит бесследно, и такие сложнейшие явления, как авторитарные диктатуры и обосновывающие их идеологии, оказавшие значительное влияние на историю той или иной страны, никуда не исчезают, продолжая исподволь не только жить, но и развиваться, принимая порой довольно парадоксальные и самые неожиданные формы. Отсюда и трансформации франкизма в современной Испании рискуют стать столь же идеально-типическими, как и его историческая смерть и почти забвение, слухи о которых, как некогда весьма удачно пошутил М. Твен, оказались сильно преувеличены.

Для того чтобы разобраться в трансформациях франкизма и их причинах, почему вдруг эта политическая идеология начала возрождаться подобно фениксу из пепла, прежде всего необходимо проследить ее эволюцию за последние сорок пять лет, определить и охарактеризовать этапы этой эволюции, концептуализировать ключевые идеи ее наиболее типичных представителей, подразделив их на несколько поколений и течений в рамках этих поколений, и затем уже определить тот триггер, который спровоцировал новый виток в ее развитии, поднимая со дна исторической памяти настолько мутные воды, что они вновь заслуживают самого пристального внимания.

Если же говорить об актуальности данной проблематики для России, то здесь вновь напрашиваются знаменитые исторические параллели между нашими странами, позволяющие утверждать, что происходящие в Испании процессы – это как минимум один из вероятных сценариев развития

сталинизма как неосталинизма и, возможно, даже постсталинизма, притом что по сравнению с испанским «аналогом» мы традиционно запаздываем как минимум на поколение. При этом «русская тема» по-прежнему одна из центральных в мышлении франкистов, что превращает их политико-идеологические конструкции в своеобразное зеркало для наших героев.

С нашей точки зрения, развитие политической идеологии франкизма как «франкизма после Франко» проходит два довольно четко фиксируемых исторических этапа: неофранкизм (завершенный) и постфранкизм (зарождающийся), каждый из которых обладает существенной долей специфики. Если на первом этапе речь шла о трансформации франкизма в логике преемственности в точке бифуркации, когда сохранялась еще пусть призрачная, но все-таки надежда на определенную реставрацию режима (отсюда и попытка военного переворота в феврале 1981 г., поставившего под угрозу молодую испанскую демократию); то во втором – уже о трансформации после выхода из точки бифуркации, то есть вне всякой надежды на какую-либо реставрацию, что, собственно говоря, и составляет главную интригу этого процесса: о чем думают и чего хотят представители постфранкизма, что продолжает волновать их историческую память и заставляет обращаться к столь противоречивому опыту как позитивному?

1. Неофранкизм. Политико-идеологический спектр неофранкизма как «франкизма после Франко» очень сложно фиксируется социологически, поскольку основывается на довольно неопределенных частях почти всех социальных групп испанского общества, находящихся – как на тот момент и вся Испания – в процессе внутренней трансформации из состояния авторитарной диктатуры к демократии. Для понимания сложности этого процесса важно учесть, что сама франкистская диктатура (и, соответственно, обосновывающая ее идеология) никогда не была статичной: она постепенно, даже не заметно для самой себя, превращалась из профашистской времен гражданской и Второй мировой войн в очень умеренно, но все-таки «либерально-консервативную» в последние годы жизни Франко, когда так называемые либеральные франкисты (сторонники умеренных пролиберальных реформ, открытости страны и интеграции в общезападные политические институты) получили определенную надежду на то, что именно они возглавят государство после смерти своего каудильо, – то есть, проще говоря, она постепенно эволюционировала в рамках консервативного идеологического спектра справа налево. При этом политологически этот процесс фиксируется довольно просто, поскольку неофранкизм имеет в своем составе три крыла (три классические части): правое, центристское и левое.

1.1. Правое крыло неофранкизма, формирование которого начинается еще в последнее десятилетие правления Франко, закономерно никак не отличало себя от франкизма как такового, являясь носителем той политической идеологии праворадикального консерватизма, которая сложилась еще во времена гражданской войны и была использована, в частности, во время Второй мировой при формировании «Голубой дивизии», направленной летом 1941 г. в Советский Союз и разгромленной в ходе боев за освобождение Ленинграда. Позиционируя себя как истинных франкистов, представители

правого крыла стали отставать от жизни, не замечая того, что франкизм – не кремень, а подвижная политическая система, хотя и не столь подвижная, как современные ему демократии; в результате правые франкисты захотели быть большими франкистами, чем сам Франко или те технократы, которые все увереннее управляли за его плечами и вольно или невольно вели Испанию к демократии. Запершись в так называемом Бункере (понятие, введенное в политический оборот по аналогии с бункером Гитлера знаменитым испанским коммунистом С. Каррильо, ставшим главным жупелом для всех франкистов), правое крыло франкистов ушло в глухую оборону, открыто выступив против демократического транзита лишь в феврале 1981 г.

Один из немногих активно высказывающихся представителей «Бункера» – основатель ультраправого издания с весьма говорящим названием «Новая сила» и одноименной политической партии – Блас Пиньяр Лопес (1918–2014) в своей книге «Бой за Испанию» (1975) прямо пишет, что они «вдохновляются центральной идеей служения Богу и Родине (фактически это модернизированные «Алтарь и Трон» из наследия традиционалистов XIX в. – Ю.В.), благородного служения, которое было последней и мощной причиной крестового похода» (Piñar 1975: XI)¹. Приверженность идее Испанидад, сформулированной в классическом виде Р. де Маэсту еще во времена диктатуры генерала М. Примо де Риверы (1923–1930), выражается у Пиньяра в тоске по «нашему испанскому миру» (Piñar 1975: XIII) и «утраченными Испанией позициям на южном континенте» (Piñar 1975: XIV). Выступая с типичных для испанских правых радикалов англофобских позиций, Пиньяр призывает вернуть Гибралтар; отсюда и его «огромная любовь к армии» (Piñar 1975: XI), тем более что сам он выходец из семьи военных. Определяя свое место в политико-идеологическом спектре, Пиньяр позиционирует себя как традиционалист, но более конкретно связывает свою идейно-ценностную генеалогию с двумя историческими персонажами: умеренным карлистом (традиционалистом) Хуаном Васкесом де Мелья, считающимся одной из ключевых фигур в испанской политике первой трети XX в., и «мучеником франкизма», создателем и лидером «Испанской фаланги» Х.А. Примо де Риверой (Piñar 1975: XIII), расстрелянным республиканцами в 1936 г. В итоге праворадикальный консерватизм Пиньяра фиксируется довольно четко даже на уровне самоидентификации: между традиционализмом и фашизмом. В наступившие же «смутные времена» демократического транзита Пиньяр утверждает, что освещать разум должны «воля» и «огонь в сердце» (Piñar 1975: XV), которые он сохранит до последних дней своей жизни, запомнившись одним как фанатик, а другим как человек с твердыми убеждениями.

1.2. *Центристский неофранкизм* – в отличие от правого – выстраивается в тиши кабинетов, в которых свои «бои за историю» ведут уже не общественно-политические лидеры с претензией на власть, а всего лишь академические историки, пусть и занимающие иногда те или иные должности в правительствах демократического транзита. С нашей точки зрения,

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ю.В.

наиболее ярким их представителем является выдающийся испанский историк конца XX – начала XXI в. Рикардо де ла Сьерва-и-Осес (1926–2015), который как политик начал свою карьеру еще при Франко, а в 1980 г. побывал министром культуры в правительстве «Союза демократического центра» (СДЦ) во главе с великим А. Суаресом. В 1977–1979 гг. Сьерва был сенатором, а в 1979–1982 гг. – депутатом кортесов от Мурсии. В 1984 г. он становится членом «Народного альянса» (НА) во главе с М. Фрагой Ирибарне, из которого в дальнейшем появится и современная либерально-консервативная Народная партия (НП).

Занимаясь традиционными для неофранкистов проблемами истории Второй республики, гражданской войны и франкизма, Сьерва написал несколько книг, которые имели не только академическое, но и политико-идеологическое звучание, благодаря чему и заслужил в среде левых историков почетное звание «официальный историк режима» (García 2001: 395). Центристский характер его работ определяется как их общепризнанной еще при Франко «безмятежностью» и «беспристрастностью» (Pérez Gómez 1972: 356), так и проблематикой: еще в 1972 г. в книге «Потерянная история испанского социализма» (Cierva 1972) Сьерва критически анализирует историю Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), а в 1987 г. в не менее значимой в историографическом плане монографии «Безнадежные правые: от заточения Ховельяноса до мученичества Фраги» (Cierva 1987) – историю испанских правых (прежде всего политических практиков, занимавших видные государственные посты в течение последних двух столетий, а потом уже идеологов), осуждая их за то, что они, по его мнению, забирают слишком влево и, боясь заявить о своей правизне в полный голос, постоянно идут на уступки. Уже в этом виден правый уклон Сьервы, который в дальнейшем и приведет его в лагерь традиционалистов. Между тем к этой же – центристской – части наследия Сьервы можно отнести и предельно сбалансированную книгу 1985 г. «За и против Франко: франкизм и антифранкизм» (Cierva 1985).

Окончательно в лагерь неофранкистов Сьерва переходит лишь в середине 1990-х гг., когда начинает писать сугубо полемические книги, в которых, с одной стороны, жестко критикует левых (например, «Каррильо лжет: 156 документов против 103 фальсификаций» (Cierva 1994), «Интернациональные бригады в 1936–1939. Настоящая история. Историческая ложь и государственная ошибка» (Cierva 1997), «Половина нации отказалась умирать: потерянные документы Народного фронта» (Cierva 2002); а с другой – выступает последовательным адвокатом франкистов и неофранкистов (например, «23 февраля без ретуши» (Cierva 1998) и «18 июля не было фашистского военного переворота» (Cierva 2000). Как правило, смысл всех этих книг, основанных на тщательном подборе достоверных исторических документов (Сьерва никогда не перестает быть историком), понятен уже из их названия.

Превращению Сьервы из академического историка в историка идеологического способствовал и приход к власти в 1996 г. либеральных консерваторов из НП во главе с Х.М. Аснаром – Сьерва разошелся с ними еще на этапе НА, – что позволило ему вновь заговорить о недопустимо левом

уклоне в их политической практике. Также принадлежность Сьервы к лагерю традиционалистов определяется и его критическими работами по истории испанской Католической церкви, в которых он доказывает, что в XX в. она была буквально захвачена масонами и марксистами (например, «Серп и крест. Подъем и падение марксизма и теологии освобождения» (Cierva 1996) и «Инфильтрация. Инфильтрация марксистов и масонов в Католическую церковь XX века» (Cierva 2008), в чем, помимо всего прочего, проявляется его неприятие решений Второго Ватиканского собора, открыто призывавшего Католическую церковь к либерализации.

1.3. *Левое крыло неофранкизма* развивалось в постоянном противостоянии как с антифранкизмом, так и с правым крылом самого неофранкизма. Наиболее выдающийся его представитель Мануэль Фрага Ирибарне (1922–2012) является не только самым знаменитым неофранкистским политиком, которого в обязательном порядке упоминают во всех исторических сочинениях об эпохе позднего франкизма и демократического транзита, но и самым необычным, поскольку он сумел проделать совершенно нехарактерную для большинства либеральных консерваторов идейно-ценностную эволюцию – справа налево, – следуя за «ветром перемен». Обычно среди заслуг Фраги называют две эпохальные, связанные с его пребыванием в 1962–1969 гг. на посту министра информации и туризма: в 1966 г. ему удалось провести новый закон о печати, отменявший цензуру, введенную еще во время гражданской войны; именно он под лозунгом «Spain is different!» превратил Испанию в туристическую страну. Между тем Фрага еще и выдающийся интеллектуал, имеющий достижения как в сфере права (он является одним из отцов современной испанской конституции), так и в сфере политической философии (он совершенно справедливо, на наш взгляд, считается основоположником современного испанского либерального консерватизма (Gilmour 1999).

В 1981 г. Фрага написал книгу «Испанское консервативное мышление», в которой попытался проследить генеалогию либерального консерватизма в Испании, назвав его просто «консерватизм», не только потому что был англофилом и следовал в этих вопросах англосаксонской политической традиции, но и потому что среди упоминаемых им персонажей было множество общепризнанных традиционалистов XIX–XX вв. (в частности, Х. Бальмес и Р. де Маэсту). В своей интерпретации Фрага сумел вытащить на поверхность и жирно подчеркнуть именно левый уклон в их идеях, взглядах и ценностях, превратив в итоге католического теолога Бальмеса в основоположника испанского социологического позитивизма (Fraga Iribarne 1981: 13-14, 39-113), а творца идеи Испанидад Маэсту – в социалиста фабианского толка (Fraga Iribarne 1981: 183-233). При этом он отвергает обоснование диктатуры в исполнении «зрелого авторитариста» Х. Доносо Кортеса (Fraga Iribarne 1981: 11), фактически вынося его за скобки испанского консерватизма, что также недвусмысленно говорит об идеологической идентичности Фраги. Конечной же целью Фраги было обоснование полной ассоциации себя с фигурой А. Кановаса дель Кастильо; отсюда производна и его самоидентификация как либерального консерватора, стремящегося в условиях демократического транзита к общенациональному консенсусу и построению стабильной

политической системы, которая, учитывая национальную специфику Испании, была бы способна обеспечить поступательное развитие страны в условиях современной демократии (Fraga Iribarne 1981: 235-254). Трагедия Фраги как политика в целом заключалась в том, что в глазах испанцев и прежде всего антифранкистов он так и остался франкистом, хотя всячески стремился занимать и сохранять достойное место в демократическом истеблишменте, что ему, кстати говоря, великолепно удавалось.

Сведем идейно-ценностные доминанты вышеназванных разновидностей неофранкизма в общую таблицу.

Идейно-ценностные доминанты неофранкизма

Место в консервативном политико-идеологическом спектре		Левое крыло	Центристы	Правое крыло
		Либеральный консерватизм	Традиционализм	Праворадикальный консерватизм
Наиболее типичный представитель		М. Фрага Ирибарне	Р. де ла Сьерва-и-Осес	Б. Пиньяр Лопес
Идейно-ценностные доминанты	Католицизм	Да	Да	Да
	Национализм	Да	Да	Да
	Неоимпериализм	Нет	Да/Нет	Да
	Авторитаризм	От Да к Нет	Да/Нет	Да
	Монархизм	Да	Да	Да/Нет
	Централизм	Нет	Да/Нет	Да
Слоган политического действия		«Малый вперед!»	–	«Полный назад!»

В целом же мы видим у неофранкистов классический консервативный набор идейно-ценностных доминант, в котором религиозная и испанистская составляющие являются общими и связующими (испанский католицизм – традиционный идейно-ценностный фундамент Испании); в то время как неоимперская, авторитаристская и централистская (антифедералистская) составляющие слабеют по мере смещения влево; а монархистская, наоборот, усиливается. Отсюда и стремление к консенсусу либеральных консерваторов и бескомпромиссность праворадикальных консерваторов. И если во времена демократического транзита антифранкисты в целом вступали под прогрессистским слоганом «Полный вперед!», то правый неофранкизм выступал под противоположным – антиреформистским – слоганом «Полный назад!», а левый – под умеренно реформистским «Малый вперед!». Центристский неофранкизм занялся исключительно интеллектуальной деятельностью, не претендуя на какое бы то ни было политическое действие, благодаря чему его представители не запятнали себя практически ничем; в то время как Пиньяр прямо призывал к политическому насилию, а Фрага был вынужден его – в частности, расстрелы коммунистов при Франко – оправдывать.

Антифранкисты посредством различного рода демократических инноваций постоянно провоцировали консервативную реакцию у всех неофранкистов вне зависимости от степени притягивания или неприятия ими демократии как во времена демократического транзита (1975–1982), так и уже в период устоявшейся демократии (после 1982 г.). Первое поколение «франкистов после Франко» было непосредственно связано с франкистским режимом, за что неофранкисты вошли в левую историографию как довольно одиозные личности, даже если и не сделали ничего предосудительного, поэтому можно было бы ожидать, что со временем в силу естественных причин неофранкизм как политико-идеологическое и сугубо социальное движение просто сойдет на нет. Однако надежды антифранкистов не оправдались, простой смены поколений для преодоления постоянно обновляющегося исторического наследия франкизма оказалось недостаточно.

Первым признаком того, что что-то пошло не так, становятся работы политического журналиста Пио Моа (род. 1948), которого по праву можно назвать типичной переходной фигурой между неофранкизмом и постфранкизмом. С одной стороны, после смерти большинства уже пожилых неофранкистов Моа, будучи в силу возраста просто самым младшим в этом ряду, оказывается чуть ли не единственным из признанных авторитетов, кто подобно испанским морякам при Трафальгаре под ударами английских пушек упорно поддерживает, казалось бы, неудержимо падающее знамя неофранкизма; с другой – Моа идеально включается в политическую идеологию постфранкизма уже в статусе «патриарха, который предупреждал».

Моа написал множество исторических книг в логике «боев за историю», ожидаемо заслуживших жесточайшую критику слева. Поскольку Моа работает в логике Сьервы (даже названия их книг похожи), он вполне может быть причислен к центристскому неофранкизму, совершенно не претендующему на политическое действие, но находящемуся в поисках неких исторических балансов (идеально-типической в этом отношении является его книга 2005 г. «Франко. Исторический баланс» (Моа 2005)). Вместе с тем Моа не историк, а публицист, за что все критики слева, среди которых такие выдающиеся историки, как британец П. Престон и испанцы А. Рейг Тапия, Х. Тусель и С. Хулиа, обвиняют его в псевдоисторизме и ревизионизме. Наиболее значимым сочинением в этом плане является книга Рейга Тапии «Анти-Моа. Неофранкистский подрыв истории Испании» (Reig Tapia 2006). Конечно же, Моа, как борец с ревизионизмом и сам, можно сказать, «ревизионированный» (Reig Tapia 2008), предпочитает в долгу не оставаться и яростно отстреливается в своем блоге на консервативной платформе «Libertad Digital», задавая риторическими вопросами типа «Что такое историк?» (Моа 2006); при этом постепенно вслед за тем же Сьервой он превращается в традиционалиста, пишущего книги в духе консервативной социальной критики, к примеру «Гомосексуальное общество и другие эссе» (Моа 2001).

Идейно-ценностная эволюция Моа – из коммуниста-маоиста, члена организации «Группы патриотического антифашистского сопротивления первого октября» (ГРАПО), называвшие себя городскими партизанами, а фактически являвшейся террористической, поскольку она системно

занималась политическими убийствами, грабила банки, а позже взрывала инфраструктуру НАТО, в неофранкиста традиционалистского толка – может служить провозвестником постфранкизма, под знамена которого собралось не только новое поколение неофранкистов, что вполне логично, но и множество бывших антифранкистов, что уже довольно странно и требует объяснения.

2. Постфранкизм. В отличие от описанного выше неофранкизма как восходящей к франкизму политической идеологии, трансформирующейся в условиях демократического транзита и устоявшейся демократии, постфранкизм как еще одна разновидность «франкизма после Франко» очень легко фиксируется социологически, поскольку речь идет об определенной группе интеллектуалов, занятых критическим анализом текущего момента, однако его очень сложно охарактеризовать политологически, поскольку идеологическое происхождение этих интеллектуалов весьма разнообразно: от неофранкистов, доживших до сегодняшнего дня и действующих в новых исторических реалиях, что в целом понятно и не нуждается в объяснении, до настоящих антифранкистов, что, собственно, и требует пристального внимания, так как является идеологической аномалией. Именно присутствие антифранкистов позволяет нам добавлять к современному «франкизму после Франко» приставку «пост-», превращая его в философских понятиях в некий диалектический синтез, возникающий на основе неофранкизма как тезиса и антифранкизма как антитезиса. Таким образом, речь идет не о постфранкизме как некой исторической эпохе, последовавшей после смерти Франко, а о сущностно новом качестве идеологии франкизма.

Триггером для манифестации постфранкизма являются два – как теперь уже становится понятно – исторических события, потрясшие демократическую Испанию: первое – это перенос могилы Франко в октябре 2019 г. из «Долины павших» (гигантского монументального комплекса, превратившегося в культовое место для неофранкистов) на кладбище Мингоррубио в районе Эль-Пардо (Мадрид); второе – представление в начале 2020 г. проекта закона о демократической памяти¹. Находящееся сегодня у власти правительство ИСРП во главе с П. Санчесом, досрочно сменившее в июне 2018 г. погоревших на коррупции либеральных консерваторов из НП М. Рахоя (2016–2018), продолжило политику предыдущего премьер-министра социал-демократа Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011), при котором в 2007 г. был принят нашумевший Закон об исторической памяти, признавший и расширивший права тех, кто «подвергся преследованиям и насилию во время гражданской войны и диктатуры»². Но если с «историче-

¹ Proyecto de Ley de Memoria Democrática. 2020. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeministros/Paginas/enlaces/200721-enlace-memoria.aspx> (дата обращения: 29.09.2021).

² Ley 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura. 2007. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2007/12/26/52/con> (дата обращения: 29.09.2021).

ской памятью» Сапатеро испанские правые в целом еще как-то уживались, то «демократическая память» Санчеса вызвала бурю негодования не только в рядах правых, но и у части левых. Проект нового закона подразумевает расширение регулярно проводимых раскопок могил времен гражданской войны, а также развитие государственных программ в области «исторической памяти», что никак не конкретизируется, но после переноса могилы Франко может означать все что угодно; подобная неопределенность и вызывает большинство вопросов. Обжегшись, скажем так, на могиле Франко, консерваторы «начинают дуть» на новый закон, чтобы предотвратить очередные леворадикальные действия правительства. В результате правые социал-демократы, отвергающие «коммунизм» Санчеса, не говоря уже о части либералов, со времен гражданской войны четко ощущающих свою правизну при столкновении с коммунистами, смещаются вправо и идут на открытый союз с консерваторами и неофранкистами, тем самым заложив основы новой формы «франкизма после Франко».

В декабре 2020 г. в испанском сегменте Интернета (прежде всего на консервативной платформе «Libertad Digital») и особенно активно в социальных сетях в формате PDF начинает распространяться книга под названием «“Историческая память” угрожает миру в Европе». Это электронное издание содержит 15 небольших статей (14 из них написаны испанцами), авторов которых мы считаем возможным называть постфранкистами. Следуя классической политико-идеологической триаде, мы подразделяем постфранкистов на три группы: правые (8 человек), центристы (5 человек) и левые (1 человек).

2.1. Правые постфранкисты. Основные идеи книги «“Историческая память” угрожает миру в Европе» были сформулированы политическим журналистом Эрманном Терчем (род. 1958), являющимся членом неофранкистской партии «Вокс». В 2019 г. Терч избирается в Европарламент и вступает в Партию европейских консерваторов и реформистов (ПЕКР), исповедующую евроскептицизм. Главную опасность для современной Испании Терч видит в разрыве с прошлым, то есть в забвении позитивного опыта франкизма (что, учитывая негативные моменты в его истории, понять можно) и демократического транзита (чего – в силу отсутствия реальных альтернатив – понять нельзя). Левые, с его точки зрения, не только вернулись к власти (в демократическом обществе это нормально), но и пытаются ее монополизировать (а это уже ненормально), для чего используют такой коварный инструмент, как «историческая память», то есть переписывание национальной истории на свой подчеркнута реваншистский лад. Неофранкисты, стоящие на страже идеалов демократического транзита, подобного допустить не могут, так как иначе все достигнутые во второй половине 1970-х гг. соглашения, почти полвека обеспечивавшие национальное примирение, будут разорваны и общество вновь окажется перед угрозой гражданской войны (*Memoria histórica...* 2020: 5-9). Подобное беспокойство присутствует у всех авторов брошюры, что позволяет нам говорить об их неофранкистских настроениях как основополагающих. Чувство опасности подогревает сотрудничающий с ПЕКР писатель и публицист Хесус Лаинс

(род. 1965), утверждая, что если во времена демократического транзита левые пытались всячески скрывать свои преступления времен гражданской войны, то теперь они вознамерились «посадить и замучить» тех, кто о них напоминает (*Memoria histórica... 2020: 70-79*). Член «Вокс» Франсиско Хосе Контрерас (род. 1964) считает, что левые превращают историю в политическое оружие; в качестве примера он приводит интерпретацию пакта Молотова – Риббентропа в СССР и в современной России (*Memoria histórica... 2020: 10-15*), демонстрируя традиционный для франкистов антикоммунизм и стремление преодолеть ассоциацию себя с фашистами.

Особый аспект правого постфранкизма – культ личности Франко и его созидательной политики. Военный историк Луис Еухенио Тогорес (род. 1959) прославляет дипломатические таланты Франко, благодаря которым Испании удалось избежать крупномасштабного участия во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии, что, помимо всего прочего, позволило испанским дипломатам спасти от преследований тысячи евреев (*Memoria histórica... 2020: 80-97*). Журналист и историк Мигель Платон (род. 1949) оспаривает приводимые левыми историографами масштабы франкистских репрессий после победы в гражданской войне (*Memoria histórica... 2020: 96-107*). Историк Альберто Барсена (род. 1955) развеивает миф о концентрационном лагере для пленных республиканцев, задействованных в строительстве «Долины павших» (*Memoria histórica... 2020: 116-129*).

Традиционно неофранкистов поддерживает и выдающийся американский правый историк-испанист, биограф Франко, один из специалистов по истории фашизма Стэнли Пейн (в 2003 г. он высоко оценил книгу Моа «Мифы гражданской войны» (*Stanley Payne elogía... 2003*), доказывая с документами в руках, что во время гражданской войны испанские левые осуществляли массовые убийства священников и уже хотя бы в силу этого Вторая республика не имеет ничего общего с демократией; поэтому, с его точки зрения, «демократическая память» – понятие весьма странное (*Memoria histórica... 2020: 16-27*).

Среди правых постфранкистов встречаются и люди с предельно неудобным для современной демократии бэкграундом, например журналист и писатель Хесус Паласиос (род. 1952), бывший член национал-социалистического «Испанского круга друзей Европы» (1966–1993). Они бьют по демократическому имиджу антифранкистов, напоминая, к примеру, что Испанская коммунистическая партия (КПИ) подчинялась Сталину и была тоталитарной, баскские националисты были расистами и поддерживали террористические методы политической борьбы; совсем не был демократом и Хуан де Бурбон, дед нынешнего короля Филиппа VI, так и не получивший испанский трон от Франко. По их мнению, подлинная демократическая оппозиция франкизму выросла исключительно из самого франкизма, что автоматически заставляет оценивать его историческую роль более позитивно, чем это делают сторонники «исторической памяти», – как диктатуру, но борющуюся с другими диктатурами (*Memoria histórica... 2020: 140-149*). В продолжение того же дискурса историк Педро Фернандес Барбадильо (род. 1965) анализирует Закон об амнистии 1977 г., напоминая, что он

был принят под давлением как левых, так и региональных националистов, благодаря чему на свободу вышли не только политзаключенные, но и реальные террористы, которые впоследствии ударили уже не по франкизму, а по молодой испанской демократии (*Memoria histórica...* 2020: 150-157).

Как видим, правые постфранкисты (восемь испанских авторов, которые задают тон всему электронному изданию «Историческая память» угрожает миру в Европе) пока не отличают себя от неофранкистов, подобно тому как в начале демократического транзита правые неофранкисты никак не отличали себя от франкистов, и приставка «пост-» возникает лишь благодаря той части постфранкистов, которые изначально неофранкистами не являлись.

2.2. Постфранкисты-центристы, или «сочувствующие». Если для правых постфранкистов характерны формальная ассоциация с неофранкизмом и выражение серьезной тревоги по сформулированным Терчем проблемам, то центристы занимают по данным проблемам более спокойную позицию, формально себя с неофранкизмом не ассоциируя.

Специалист по истории испанского консерватизма Педро Карлос Гонсалес Куэвас (род. 1959) призывает не упрощать историю гражданской войны, а изучать ее во всей сложности и трагичности; в то время как правительство Санчеса, по его мнению, поступает прямо наоборот: вместо дистанцирования от прошлого с целью его непредвзятого анализа оно требует эмоциональной сопричастности к «исторической памяти» и ведет себя как секта популистов, используя чьи-то искренние чувства в собственных сугубо политических целях (*Memoria histórica...* 2020: 34-47). Позицию Гонсалеса Куэваса поддерживает политик Хосе Мануэль Отеро Новас (род. 1940), бывший министр образования в правительстве СДЦ, рассказывая, как проводились первые амнистии, легализовались запрещенные при Франко политические партии и почему «историческая память» вместо примирения сторон будит сегодня столь деструктивные страсти (*Memoria histórica...* 2020: 131-139).

Центристы пишут о конкретных историях своих семей, не придавая им в силу микроистории острого политического звучания. Журналист и писатель Альфонсо Уссия (род. 1948), племянник генерал-лейтенанта Х. Миланса дель Боша, возглавившего антидемократический путч в феврале 1981 г., рассказывает о своем дедушке, выдающемся испанском драматурге П. Муньосе Секе, который был расстрелян республиканцами в 1936 г. в ходе печально знаменитой «резни в Паракуэльосе». Так как Муньос Сека был расстрелян республиканцами, а не франкистами, подобно Ф. Гарсии Лорке, он не считается жертвой войны, а, следовательно, его потомки не попадают под действие программ компенсации (*Memoria histórica...* 2020: 64-69). Подобная несправедливость не может не возмущать тех, кто желает общенационального примирения.

Ключевым для центристов является требование справедливости, без торжества которой «историческая память» теряет всякий смысл. Католический священник, теолог и историк Анхель Давид Мартин Рубио (род. 1969) считает, что массовые убийства священников на территории республиканцев нужно признать геноцидом, а следовательно, если Закон об исторической памяти хочет быть справедливым, памятники республиканцам должны быть

так же демонтированы, как и памятники франкистам (*Memoria hist6rica... 2020: 48-63*).

Каталонский историк-карлист и борец с каталонским национализмом Хавьер Баррайкоа (род. 1963) рассказывает трагическую историю Луиса Компаниса, председателя правительства Каталонии во времена Второй республики, у которого во время гражданской войны не сложились отношения ни с советниками СССР, поскольку он был патриотом, ни с франкистами, так как он был демократом (*Memoria hist6rica... 2020: 108-115*). В 1940 г. Компанис был расстрелян франкистами; но когда в 1998 г. либеральные консерваторы из НП поставили ему в Барселоне памятник, они не только признали историческую ошибку, но и способствовали национальному единству. Случай Компаниса – ярчайший пример того, что именно правые, а не левые блюдут «историческую память» так, как положено, извлекая из истории соответствующие уроки и не занимаясь политическими спекуляциями. Аналогичный случай – издание в 1996 г. при патронаже НП мемуаров М. Асаньи, в 1936–1939 гг. президента Второй республики, которое было горячо поддержано, в частности, такими левыми историками, как С. Хулиа (*Juliá 1997*).

Центристы – в отличие от правых – готовы признать «историческую память», если каждый получит все, что ему причитается; но в этом случае «демократическая память» теряет всякий смысл, так как остается неясным, чем она отличается от «исторической». Именно вопросы по «демократической памяти» приводят центристов в лагерь постфранкистов. Не радикализируй правительство Санчеса проблемы «исторической памяти» и не преврати ее в «демократическую», неофранкизм не начал бы трансформироваться в постфранкизм, поскольку остался бы без центристов и не привлек бы на свою сторону часть левых.

2.3. *Левые постфранкисты, или «попутчики»* – самое большое достояние постфранкистов, так как благодаря им разрушается единство в лагере левых и обеспечивается объективность в суждениях правых. Писатель Фернандо Санчес Драго (род. 1936) – красноречивый пример того, как жертва франкизма переходит на сторону своих врагов, способствуя превращению франкизма в постфранкизм. Несмотря на то, что отец Санчеса был убит франкистами в начале гражданской войны, а сам Санчес в молодости, будучи членом КПИ, сидел в тюрьме, а затем был выслан из страны, он не верит в эффективность законов об «исторической» и «демократической» памяти, поскольку считает их абсолютно политизированными и предвзятыми. Их цель – не сохранить память как таковую, а создать новый миф в духе министерства правды из романа Дж. Оруэлла. И если в этот миф по каким-то причинам не вписываются определенные исторические факты, а таких очень много, – тем хуже для них. А это уже неприемлемо для человека, воспитанного на консенсусных идеалах демократического транзита (*Memoria hist6rica... 2020: 28-33*).

Таким образом, лейтмотив постфранкизма – принципиальное отрицание не столько исторического ревизионизма (на чем настаивают лишь правые постфранкисты), сколько более поздней его вариации – ревизионизма демократического. Все постфранкисты выступают против того, что

в современной России именуется переписыванием истории, полагая, что более или менее правдивая история франкизма и демократического транзита уже написана. Однако проблема в том, что в Испании (как, впрочем, и не только в этой стране) история никогда не писалась как некая общепризнанная версия или интерпретация исторических событий; традиционно существует как минимум две интерпретации, каждая из которых создана представителями одной из «двух Испаний» (левой/прогрессивистской или правой/традиционалистской), то есть «бои за историю» в любом случае продолжаются, история так или иначе переписывается, вопрос лишь в степени этого переписывания (ревизионизма) и – что является не менее важным аспектом – в социально-политических последствиях подобного ревизионизма. И если в эпоху неофранкистов «бои за историю» вели, как считают постфранкисты, к социальному миру и общенациональному согласию, то сейчас они ведут к очередному витку, как выяснилось, незавершенной гражданской войны и распаду испанской политической нации и Испании как единого государства, что неприемлемо как для части правых (генетически франкистских), так и для части левых (генетически антифранкистских) политических сил. Отсюда и новый фундамент для консенсуса между неофранкистами и антифранкистами, который начал складываться еще благодаря «революционным» событиям в Каталонии в октябре 2017 г. (когда изначально непримиримые Моа и Рейг Тапия оказались совершенно согласны в критике и неприятии каталонского сепаратизма); и явно постмодернистское «смешение стилей», делающее, по крайней мере на сегодняшний день, невозможным четкое определение места постфранкизма в политико-идеологическом спектре.

Своеобразной исторической аналогией подобной политико-идеологической аномалии является центристский «Либеральный союз», созданный в далеком 1858 г. генералом Л. О'Доннеллом из представителей левой фракции либерально-консервативной части партии «Модератос» (так называемых «пуританос»), образовавший его правое крыло, и составивших его левое крыло правых прогрессивистов, испугавшихся очередного витка в развитии либерально-буржуазной революции, последствия которой рассматривались обоими объединившимися фракциями как предельно разрушительные. Исторически выходцем из «Либерального союза» является и воспетый Фрагой выдающийся испанский либеральный консерватор Кановас дель Кастильо (Fraga Iribarne 1981: 115-138). Созданная им сбалансированная и последовательно консенсусная политическая система просуществовала с середины 1870-х гг. вплоть до диктатуры генерала Примо де Риверы, обеспечивая поступательное развитие Испании на протяжении без малого пяти десятилетий.

В этом смысле постфранкизм, формирующийся в борьбе с крайностями исторического ревизионизма, может быть определен как очередная версия либерально-консервативного консенсуса, призванного стабилизировать Испанию и как государство, и как общество в условиях новых вызовов и потрясений. Примечательно, что предыдущий либерально-консервативный консенсус во времена демократического транзита между франкистами и

антифранкистами, вошедший в историю как пакты Монклоа (1977), был заключен при активном участии левого крыла неофранкистов во главе с Фрагой. Сейчас же мы видим, как очередной виток развития политической идеологии «франкизма после Франко» в позитивно-конструктивной его части предлагает скреплять и сохранять наиболее выдающиеся достижения предыдущего этапа, что является главной целью любого консерватизма.

В целом же постфранкизм находится на генеральной линии развития франкизма как авторитарной политической идеологии, адаптирующейся к социально-политическим условиям современной демократии. Используя понятия К. Поппера, мы можем утверждать, что постфранкизм – в отличие от франкизма, который всегда, будучи радикальным или умеренным традиционализмом, был закрыт для сотрудничества со своими идеологическими оппонентами, – является открытым. Следуя этой логике, мы могли бы утверждать, что неофранкизм, находящийся на шкале исторического времени где-то между франкизмом и постфранкизмом, был полуоткрытым; другое дело, что наглядно показать подобные нюансы крайне сложно. Однако существует и более простая логика: франкизм – при всей его «либерализации» – до последних дней своего существования оппонентов уничтожал (изгнание из страны, тюрьмы, расстрелы), неофранкизм всегда с ними спорил в парламенте, СМИ и научно-публицистической литературе (вспомним, к примеру, вошедшие в историю дебаты между Фрагой и Каррильо по вопросам «исторической памяти» (Fraga y Carrillo... 2008), постфранкизм же открыто призывает всех своих оппонентов к сотрудничеству. При этом в рамках неофранкизма, как показала история, мейнстримом было все-таки левое крыло Фраги, в то время как в постфранкизме – правое крыло «Вокса». Не в последнюю очередь это случилось, поскольку идеологические наследники Фраги (Аснар и его команда) приложили максимум усилий к тому, чтобы в принципе избавиться от имиджа франкистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Cierva R. de la. 1972. La historia perdida del socialismo español. Madrid : Nacional. 294 p.

Cierva R. de la. 1985. Pro y contra Franco: franquismo y antifranquismo. Barcelona : Planeta. 279 p.

Cierva R. de la. 1987. La derecha sin remedio (1801–1987): de la prisión de Jovellanos al martirio de Fraga. Barcelona : Plaza & Janés. 425 p.

Cierva R. de la. 1994. Carrillo miente: 156 documentos contra 103 falsedades. Madrid : Fénix. 515 p.

Cierva R. de la. 1996. La hoz y la cruz. Auge y caída del marxismo y la teología de la liberación. Madrid : Fénix. 792 p.

Cierva R. de la. 1997. Brigadas internacionales 1936–1939. La verdadera historia. Mentira histórica y error de Estado. Madrid : Fénix. 477 p.

Cierva R. de la. 1998. El 23F sin mascararas: Primera interpretación histórica. Madrid : Fénix. 496 p. 330 p.

Cierva R. de la. 2000. El 18 de julio no fue un golpe militar fascista. Madrid : Fénix. 496 p.

Cierva R. de la. 2002. *Media nación no se resigna a morir: los documentos perdidos del Frente Popular*. Madrid : Fénix. 1022 p.

Cierva R. de la. 2008. *La infiltración. La infiltración marxista y masónica en la Iglesia católica del siglo XX*. Madrid : Fénix. 574 p.

Fraga Iribarne M. 1981. *El pensamiento conservador español*. Barcelona : Planeta. 459 p.

Fraga y Carrillo se enfrentan por la memoria histórica en '59 segundos, 2008. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20081203/fraga-carrillo-se-enfrentan-memoria-historica-59-segundos/202275.shtml> (дата обращения: 30.09.2021).

García B. 2001. *Ruedo Ibérico. Contra la estrategia del olvido, el dedo en el gatillo de la memoria // Nuevas tendencias historiográficas e historia local en España: actas del II Congreso de historia local de Aragón (Huesca, 7 al 9 de julio de 1999)*. Huesca: Instituto de Estudios Altoaragoneses. P. 389–400.

Gilmour J. 1999. *Manuel Fraga Iribarne and the Rebirth of Spanish Conservatism, 1939–1990*. Lewiston (N.Y.): E. Mellen Press. 342 p.

Juliá S. 1997. *Restitución de la memoria*. URL: https://elpais.com/diario/1997/12/18/cultura/882399602_850215.html (дата обращения: 28.09.2021).

Memoria histórica amenaza para la paz en Europa, 2020. URL: <https://s.libertaddigital.com/doc/memoria-historica-amenaza-para-la-paz-en-europa-6711544.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

Moa P. 2001. *La sociedad homosexual y otros ensayos*. Madrid: Criterio. 323 p.

Moa P. 2005. *Franco. Un balance histórico*. Barcelona: Planeta. 208 p.

Moa P. 2006. *¿Qué es un historiador?* URL: <https://www.libertaddigital.com/opinion/pio-moa/que-es-un-historiador-34238/> (дата обращения: 28.09.2021).

Pérez Gómez A. 1972. *La historia perdida del socialismo español, de Ricardo de la Cierva // Revista de estudios políticos. Nº 185. P. 353–356.*

Piñar B. 1975. *Combate por España*. Madrid : Fuerza Nueva. 187 p.

Reig Tapia A. 2006. *Anti-Moa. La subversión neofranquista de la Historia de España*. Barcelona : Ediciones B. 521 p.

Reig Tapia A. 2008. *Revisionismo y política. Pío Moa revisitado*. Madrid : Foca. 302 p.

Stanley Payne elogia la obra de Pío Moa, 2003. URL: <https://www.esferalibros.com/noticias/stanley-payne-elogia-la-obra-de-pio-moa/> (дата обращения: 30.09.2021).

References

Cierva R. de la. *Carrillo lies: 156 documents against 103 falsehoods*, Madrid, Fénix, 1994, 515 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *Half the nation does not resign itself to dying: the lost documents of the Popular Front*, Madrid, Fénix, 2002, 1022 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *Infiltration. Marxist and masonic infiltration in the Catholic Church of the XXth century*, Madrid, Fénix, 2008, 574 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *International brigades 1936–1939. The real story. Historical lie and State error*, Madrid, Fénix, 1997, 477 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *July 18 was not a fascist military coup*, Madrid, Fénix, 2000, 496 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *Pro and contra Franco: Francoism and anti-Francoism*, Barcelona, Planeta, 1985, 279 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The 23F without masks: first historical interpretation*, Madrid, Fénix, 1998, 330 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The hopeless right (1801–1987): from Jovellanos' prison to Fraga's martyrdom*, Barcelona, Plaza & Janés, 1987, 425 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The lost history of Spanish socialism*, Madrid, Nacional, 1972, 294 p. (in Spanish).

Cierva R. de la. *The sickle and the cross. Rise and fall of Marxism and liberation theology*, Madrid, Fénix, 1996, 792 p. (in Spanish).

Fraga and Carrillo face off for historical memory in '59 seconds, available at: <https://www.rtve.es/noticias/20081203/fraga-carrillo-se-enfrentan-memoria-historica-59-segundos/202275.shtml> (accessed September 30, 2021). (in Spanish).

Fraga Iribarne M. *Spanish conservative mind*, Barcelona, Planeta, 1981, 459 p. (in Spanish).

García B. Iberian Ring. Against the strategy of oblivion, the finger on the trigger of memory, *Nuevas tendencias historiográficas e historia local en España: actas del II Congreso de historia local de Aragón (Huesca, 7 al 9 de julio de 1999)*, Huesca, Instituto de Estudios Altoaragoneses, 2001, pp. 389-400. (in Spanish).

Gilmour J. *Manuel Fraga Iribarne and the Rebirth of Spanish Conservatism, 1939–1990*, Lewiston (N.Y.), E. Mellen Press, 1999, 342 p. (in English).

Historical memory threats to peace in Europe, available at: <https://s.libertaddigital.com/doc/memoria-historica-amenaza-para-la-paz-en-europa-6711544.pdf> (accessed September 30, 2021). (in Spanish).

Juliá S. *Restoration of memory*, available at: https://elpais.com/diario/1997/12/18/cultura/882399602_850215.html (accessed September 28, 2021). (in Spanish).

Moa P. Franco. *A historical balance*, Barcelona, Planeta, 2005, 208 p. (in Spanish).

Moa P. *Homosexual society and other essays*, Madrid, Criterio, 2001, 323 p. (in Spanish).

Moa P. *What is a historian?* 2006, available at: <https://www.libertaddigital.com/opinion/pio-moa/que-es-un-historiador-34238/> (accessed September 28, 2021). (in Spanish).

Pérez Gómez A. The lost history of Spanish socialism, by Ricardo de la Cierva, *Revista de estudios políticos*, 1972, no 185, pp. 353-356 (in Spanish).

Piñar B. *Fight for Spain*, Madrid, Fuerza Nueva, 1975, 187 p. (in Spanish).

Reig Tapia A. *Anti-Moa. The neo-Francoist subversion of Spanish History*, Barcelona, Ediciones B, 2006, 521 p. (in Spanish).

Reig Tapia A. *Revisionism and politics. Pio Moa revisited*, Madrid, Foca, 2008, 302 p. (in Spanish).

Stanley Payne praises the work of Pío Moa, available at: <https://www.esferalibros.com/noticias/stanley-payne-elogia-la-obra-de-pio-moa/> (accessed September 30, 2021). (in Spanish).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Пермь, г. Пермь, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7865-6497>;
ResearcherID: M-5692-2015;
SPIN-код: 3073-3627;
E-mail: yuvasil@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Vasilenko

Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" – Perm, Perm, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7865-6497>;
ResearcherID: M-5692-2015;
SPIN-код: 3073-3627;
E-mail: yuvasil@yandex.ru

Терещенко Д.С. Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_109 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 109–130.

УДК 340.115:343.211

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_109

Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления

Дмитрий Семёнович Терещенко

независимый исследователь

г. Москва, Россия

E-mail: terdisem@mail.ru

*Поступила в редакцию 22.06.2021, поступила после рецензирования 13.09.2021,
принята к публикации 11.10.2021*

Современное российское законодательство не содержит четкого определения понятия «юридическая ответственность». Это приводит к неоднозначному пониманию данного понятия либо к неоправданному расширению его толкования за счет необоснованного объединения с близкими социально-правовыми понятиями, в результате чего возникают разночтения в правоприменительной практике. В статье рассмотрены недостатки концепции единой юридической ответственности, обоснована невозможность объединения позитивной и негативной ответственности. Помимо общенаучных методов, автором предложен более широкий теоретический подход к пониманию феномена ответственности. Во-первых, ответственность рассматривается в виде функциональной характеристики взаимодействия элементов, формирующих ее смысловое содержание. Во-вторых, понятие юридической ответственности исследуется с позиций мерности, то есть способности иметь несколько

© Терещенко Д.С., 2022

значений (измерений) в зависимости от количества выделяемых ключевых слов, которые входят в его определение. На примере уголовной ответственности юридическая ответственность рассматривается как мера ответственности и как соотношение между наказанием и преступлением, которые выступают в качестве фиксированного деяния (факта) либо совершенного действия. На базе проведенного структурного исследования сформулировано авторское определение, которое позволяет объединить значительное число существующих точек зрения в единый принцип (правило) юридической ответственности. Понятие юридической ответственности впервые рассматривается как логико-математическая модель, позволяющая истолковывать правовое понятие на основе положений дифференциального исчисления. С практической точки зрения применение расширенных методологических подходов должно послужить упорядочиванию различных мнений и точек зрения и формированию единого понимания юридической ответственности. В условиях широкой цифровизации права предлагаемая методика позволяет создавать формализованные структуры производных понятий, используемых в различных отраслях права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, проблемы теории права, уголовная ответственность, концепция позитивной и негативной ответственности, формализация права, определение ответственности, мерность понятия, категория взаимодействия, мера ответственности, производные характеристики действия, проблемы методологии права, способность, возможность, обязанность

Legal Responsibility: Problems of Rethinking the Traditional View

Dmitry S. Tereshchenko

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: terdisem@mail.ru

Received 22.06.2021, revised 13.09.2021, accepted 11.10.2021

Abstract. Modern legislation does not contain a clear definition of the concept of “legal liability”. This is due to the presence of many author’s points of view and opinions, where the definitions differ in meaning, and also have a wide range of embedded meanings. This situation leads to an ambiguous understanding or to an unjustified expansion of the interpretation due to the unjustified association of legal responsibility with other similar social and legal concepts and phenomena. As a result, there are discrepancies in law enforcement practice. The article considers the shortcomings of the concept of a single legal liability, justifies the impossibility of combining positive and negative liability. Due to the fact that the legal literature has repeatedly concluded that it is necessary to conduct additional theoretical research to solve this problem, the author made an attempt to rethink the traditional view in this matter. In addition to general scientific methods of cognition, broader theoretical approaches to understanding the phenomenon of responsibility are proposed. First, responsibility is considered as a functional characteristic of the interaction of the elements that form its semantic content. Secondly, the concept is studied from the standpoint of dimensionality, i.e., from the point of view of the ability of a concept to have multiple values (dimensions), depending on the number of selected keywords that are included in the definition of the concept. Thus, the definition of legal responsibility,

on the example of criminal responsibility, is considered at two levels of abstraction: at the first level as a measure of responsibility; at the second—as the relationship between punishment and crime, which act as a fixed act (fact) or committed action. Based on the conducted structural research, the author's definition is formulated, which allows combining the main number of existing points of view and opinions on the definition of liability into a single principle (rule) of legal liability. For the first time, the concept of legal responsibility is considered as a logical and mathematical model that allows interpreting the legal concept based on the provisions of differential calculus. From a practical point of view, the use of extended methodological approaches should serve to organize various opinions into a single semantic understanding of legal responsibility. In the context of the widespread digitalization of law, the proposed methodology allows creating formalized structures of derived concepts used in various branches of law.

Keywords: legal responsibility; problems of the theory of law; criminal responsibility; the concept of positive and negative responsibility; formalization of law; definition of responsibility; dimension of the concept; category of interaction; measure of responsibility; derived characteristics of action; problems of the methodology of law; ability; opportunity; duty

For citation: Tereshchenko D.S. Legal Responsibility: Problems of Rethinking the Traditional View, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 109-130. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_109.

Введение. Правовой институт юридической ответственности является одним из важнейших механизмов правового регулирования общественных отношений. Под сущностью юридической ответственности понимается характеристика ограничительных мер в виде потенциальной угрозы возможного наказания, что, в свою очередь, предполагает формирование законопослушного поведения со стороны субъекта правоотношений. Изучению и познанию данного правового явления постоянно уделяется внимание как теоретиками права, так и исследователями в различных отраслях права, о чем свидетельствует значительный объем юридической литературы по данной тематике. Юридическая ответственность неоднократно становилась темой монографий и исследований у соискателей ученых степеней при подготовке докторских и кандидатских диссертаций.

Практически в любом современном учебнике по теории государства и права глава или раздел отводится раскрытию понятия юридической ответственности с точки зрения автора либо авторского коллектива. При этом подходы к его пониманию существенно разнятся между собой.

Так, например, М.Н. Марченко определяет юридическую ответственность как применение к лицам, совершившим правонарушение, предусмотренных законом мер принуждения в установленном для этого процессуальном порядке (Марченко 2011: 320). По мнению А.В. Мелехина, под юридической ответственностью следует понимать обязанность правонарушителя нести наказание, претерпевать санкции, предусмотренные правовыми нормами и применяемые компетентными органами за совершение им противоправного деяния (Мелехин 2007: 407). В вышедшем под редакцией В.В. Лазарева учебнике «Общая теория права и государства»

юридическая ответственность определяется как обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом за совершенное правонарушение (Лазарев 2001: 425). Аналогичную позицию занимал С.С. Алексеев, который утверждал, что юридическая ответственность – это обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия (санкции) за совершенное правонарушение; применение к виновному лицу мер государственно-принудительного воздействия – санкций преимущественно штрафного характера (Алексеев 2008: 201). Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что юридическую ответственность можно кратко определить как необходимость для виновного лица подвергнуться мерам государственного воздействия, претерпеть определенные отрицательные последствия; или как вид и меру принудительного лишения лица известных благ (Матузов, Малько 2004: 215). А.Б. Венгеров утверждает, что «юридическая ответственность – одна из форм государственного принуждения, обеспечивающего правовую систему общества» (Венгеров 2013: 542). И это далеко не полный перечень точек зрения.

Попытки теоретического исследования указанного правового феномена в целях поиска нового определения юридической ответственности приводят либо к неоправданному упрощению, либо, наоборот, к чрезмерному усложнению дефиниции, к введению дополнительных терминов (принципов, критериев, признаков и т.п.), утяжеляющих понимание его сущности. Н.Н. Черногор писал: «Едва ли можно сказать, что за последние 10–15 лет отечественная правовая наука продвинулась в разработке теоретических проблем юридической ответственности» (Черногор 2006: 105). Прошло еще пятнадцать лет, но этот вопрос по-прежнему остается актуальным, в связи с чем требуется переосмысление сложившихся представлений о юридической ответственности на основе иных подходов и методов познания.

Отсутствие на сегодняшний день единого, однозначного, четко сформулированного определения того, что именно следует понимать под юридической ответственностью, обусловлено наличием множества различных мнений и позиций в данном вопросе, а также рядом нерешенных проблем теоретико-методологического плана, связанных с правовым истолкованием указанного понятия (Витрук 2020; Кузьмин 2015; Куликов 2016).

Во многом такое положение является отголоском широкой дискуссии, которая проводилась в юридическом сообществе в 60–70 гг. прошлого столетия (С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, В.А. Тархов, И.С. Самощенко, М.Х. Фарушкин, Р.О. Халфина и др.). Достижением обсуждения полувековой давности стало возникновение и становление концепции единой юридической ответственности, состоящей из позитивной и негативной (проспективной и ретроспективной) ответственности, как отражение двух разновидностей социального поведения человека.

С одной стороны, цель формирования такой концепции заключалась в выработке единого понимания юридической ответственности, где наряду с негативной реакцией государства в форме наказания за совершенное

правонарушение существовала бы правовая позитивная ответственность в форме осознания долга, состоящей в обязанности совершать правомерные действия. Идея видового разделения юридической ответственности на части сама по себе не нова. Например, русский философ и правовед И.А. Ильин делил ответственность на предварительную и последующую (Ильин 1957: 20). В.М. Горшенев предлагал альтернативную версию единой концепции: «Когда речь идет об установлении какой-либо ответственности, то имеется в виду общая предпосылка, и ее можно условно обозначить как *статутная* ответственность. При наличии конкретного правонарушения конкретное лицо привлекается к ответственности, которую можно обозначить как *субъективная* ответственность» (Горшенев 1972: 106).

С другой стороны, во второй половине XX в. необходимость формирования объединенной доктрины юридической ответственности во многом была обусловлена идеологическими установками, связанными с проводимой КПСС политикой, направленной на построение социалистического, а затем коммунистического общества. Коммунистический лозунг «От каждого по способностям, каждому по потребностям» предполагал воспитание советского человека как добросовестной и ответственной личности, позитивно настроенной на созидательный труд, высокую творческую инициативу и самоотдачу. Этому положению требовалось соответствующее теоретико-правовое обоснование. Однако в настоящее время этот аспект исследователями права опускается и тема преподносится как последовательное научное развитие института юридической ответственности в рамках теории государства и права.

Проблемы формирования единой концепции юридической ответственности. Рассматривая целостность разработанной концепции, нельзя не отметить отдельные ее недостатки. Так, позитивная юридическая ответственность характеризует положительное отношение к ожидаемому правомерному поведению субъекта права, то есть речь идет о позитивных действиях в будущем, а негативная юридическая ответственность в данной концепции выступает как результат за уже совершенное правонарушение, то есть за произошедшее в прошлом противозаконное деяние (действие или бездействие). При этом неясно, куда отнести юридическую ответственность как разновидность характеристики в случаях правомерного поведения в прошлом и неправомерного поведения в будущем. В итоге можно прийти к выводу о том, что одновременное деление нынешней концепции юридической ответственности в системе координат «прошлое – будущее» и «позитивное – негативное» не охватывает все варианты возможных видов юридической ответственности (рис. 1).

Подобная поляризация понятий не всегда по своей сути делит совершенные и планируемые действия на негативные и позитивные. Так, если все произошедшие противоправные действия считать негативными, тогда как быть, если нарушение установленного правопорядка в конечном итоге приводит к позитивным последствиям? Например, применение лицом, без достаточных на то полномочий, физического насилия при задержании

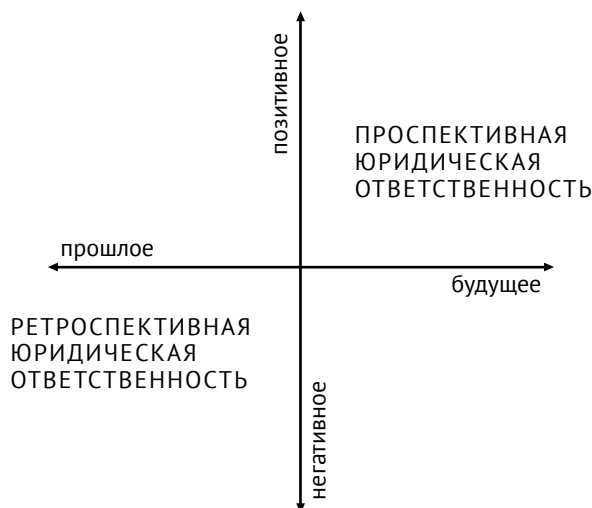

Рис. 1. Юридическая ответственность в системе координат «прошлое – будущее», «позитивное – негативное»

лица, совершающего преступление, или нарушение правил дорожного движения во избежание ДТП с тяжкими последствиями.

Кроме этого, отдельными исследователями отмечается, что в понятие юридической ответственности входит такое свойство, как «принудительность», а в случае позитивной ответственности «принудительность» отсутствует, и на основании этого делается вывод о невозможности рассуждений о юридической ответственности с позитивной точки зрения.

Идею двуединого понятия юридической ответственности не разделял известный правовед О.Е. Кутафин: «Что же касается понятия “позитивной ответственности”, то от него, думается, следовало бы отказаться, поскольку его использование приводит к тому, что одно и то же явление именуется и обязанностью, и ответственностью, а также к размыванию предназначения ответственности как одного из эффективных регуляторов поведения» (Кутафин 2001: 400).

В.В. Сорокин, исследуя юридическую природу понятия «позитивная ответственность», также приходит к выводу о том, что проблему позитивной юридической ответственности пора закрыть как теоретически и практически несостоятельную (Сорокин 2021: 272).

Существует еще ряд моментов, которые свидетельствуют о невозможности синтезировать в единое понятие две разновидности ответственности.

В первую очередь это относится к ответу на главный вопрос: что является юридической ответственностью? Спектр предлагаемых вариантов ответа путем формулирования осуществляемых юридической ответственностью функций (процессов, действий), или перечисления присущих ей признаков (критериев), или отнесения понятия «юридическая ответственность» к какой-либо из общефилософских категорий довольно обширен.

Каждая точка зрения имеет под собой достаточные основания и право на существование, так как выражает определенно-конкретное и самостоятельное понимание феномена юридической ответственности. Между тем многообразие представленных позиций привело к тому, что целый ряд исследований правоведов посвящен только вопросам классификации подходов к пониманию юридической ответственности, а правовая позиция автора сводится к принятию той или иной из уже высказанных точек зрения (см.: Калугина 2011; Репетева 2010; Степнова 2019; Ячменев 2012). Несмотря на детальный анализ и очевидную пользу таких работ в плане систематизации дефиниций, какой-либо серьезной научной новизны они не несут. Высказывание собственной позиции либо особого взгляда встречается нечасто (см.: Кузьмин 2013; Лобанов 2015). В итоге приходится констатировать, что имеющееся разнообразие трактовок не приблизило юридическую науку к единому, однозначно понимаемому определению юридической ответственности.

Сравнивая негативную и позитивную ответственность, необходимо отметить, что негативная юридическая ответственность представляет собой процессуальную возможность привлечения ответчика к наказанию и (или) применения к нему мер принуждения в соответствии с установленным государством правопорядком. Тогда как позитивная (проспективная) ответственность характеризует самостоятельно принятые субъектом права по своему убеждению обязательства, возникающие в соответствии с индивидуальными морально-нравственными принципами, с учетом его культурного и образовательного уровня, а также исходя из разделяемых им социальных, философских и психологических позиций. Профессор Н.М. Аль-Ани определяет ответственность «как способность человека избирательно и сознательно воздействовать на окружающую действительность с обязательным учетом им всех возможных последствий своего воздействия, а стало быть, и с безусловной его готовностью (обязанностью) отвечать за эти последствия» (Аль-Ани 2014: 185). Итак, в первом случае ответственность выступает характеристикой нормативных правил поведения в обществе, которые вменяются субъекту права для исполнения и нарушение которых влечет применение к субъекту права мер государственного принуждения. Во втором – ответственность характеризуется настроенными внутри человека принципами и правилами индивидуального поведения, его готовностью к осознаваемым и самоотверженным действиям вплоть до самопожертвования.

Кроме того, следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в одном случае мы имеем дело с возможностью, предоставленной государством и осуществляемой уполномоченными государственными органами, а в другом – с личной способностью человека. К нашему сожалению, в современной юридической литературе слова *возможность* и *способность* зачастую употребляются как тождественные или близкие по значению. Во многом это обусловлено тем, что толковые словари русского языка, определяя значение этих слов, как правило, особого разграничения между ними не делают.

Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова трактуют слово *возможность* как производное от слова *возможный* («такой, который может произойти, мыслимый, осуществимый, допустимый») и как «средство, условие, обстоятельство, необходимое для осуществления чего-нибудь» (Ожегов, Шведова 1999: 92), слово *способность* в первом значении они определяют как природную одаренность, талантливость, то есть как некую личную характеристику человека, а во втором значении – как «умение, а также возможность производить какие-нибудь действия» (Ожегов, Шведова 1999: 757). Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой при истолковании слов *способность* и *возможность*, допускает их взаимозаменяемость. Так, слово *возможность* определено в словаре как «допустимость, осуществимость чего-либо (обычно при наличии каких-либо условий). Способность чего-либо возникнуть и существовать при определенных условиях, стать действительностью (в философии)»¹, а слово *способность* истолковано как «природное дарование, склонность к усвоению чего-либо, к занятиям чем-либо. Возможность, умение что-либо делать. Состояние, качество, свойство, дающее возможность производить те или иные действия, исполнять ту или иную работу»².

Из приведенных словарных определений можно заключить, что лексическое значение слова *возможность* детерминировано обстоятельствами и условиями внешних воздействий и ограничений, а слово *способность* в большей степени относится к внутренней функциональной характеристике человека.

На наш взгляд, возможность должна истолковываться как потенциал, определяемый (предоставляемый) внешними силами (обстоятельствами, условиями, правилами), находящимися за пределами условного «Я». Способность же представляет собой потенциал внутренних сил (врожденных и приобретенных особенностей, волевых качеств), принадлежащих личности, зависящий от осознания своего собственного «Я» в обществе (социуме). Иными словами, возможность – это характеристика того, что можно, разрешено, дозволено и установлено извне, а способность – это характеристика того, что присуще субъекту изнутри.

Таким образом, применительно к определению юридической ответственности объединять в единое целое возможность, нормативно установленную государством, и способность, которая присуща человеку, представляется не вполне корректным и оправданным. Основными причинами такого объединения являются проблемы терминологического свойства, а также игнорирование отличий в природе происхождения, формировании и целевом назначении видов (типов) ответственности.

Множественность трактовок и многомерность понятия «ответственность». Анализ сведений из энциклопедий, толковых словарей, мо-

¹ URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.

² URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.

нографических исследований и юридической периодики показывает, что термин «ответственность» в юриспруденции в зависимости от контекста может иметь не менее десятка различных смысловых значений. При этом множественность трактовок в совокупности не исследовалась, общность и взаимосвязи между ними не устанавливались. Противопоставлялись отдельные точки зрения, и внимание акцентировалось на выявленных отличиях, а не на сходных моментах. Между тем многообразные трактовки ассоциативно связаны между собой, поскольку являются отражением лексической полисемии слова «ответственность».

Игнорирование исследователями и теоретиками права полисемии слова «ответственность» существенно влияет на теоретико-правовую разработку понятия ответственности и понимание его смыслового значения в нормативно-правовых актах, что в итоге приводит не только к многообразию точек зрения в рамках правовой науки, но и к неопределенности в ходе правоприменительной практики.

Другая проблема истолкования ответственности заключается в том, что попытки сформулировать определение осуществляются в аспектном плане (аспект – от *лат. aspectus* – вид, облик, взгляд, точка зрения). Как правило, такая формулировка представляет собой индивидуальную обособленную точку зрения исследователя на основе его познаний и убежденности, личного авторитета и профессионального опыта в различных отраслях права либо в научных дисциплинах и сферах деятельности. При этом субъективное понимание формулируемого определения дает возможность описывать только ту сторону или ту грань правового феномена, которая исследователю известней и ближе. Указанное обстоятельство зачастую не позволяет формулируемому определению быть достаточно полным и точным. К примеру, судить о трехмерности объекта, находясь на удалении от него и имея перед собой лишь его двухмерное (плоскостное) изображение, довольно непросто¹. Решение проблемных вопросов видится в признании многомерности понятия юридической ответственности и комплексном изучении взаимосвязей между элементами структуры его определения.

Известные ученые-правоведы неоднократно говорили о необходимости использования, наряду с традиционными, иных методов познания, в том числе методов математического моделирования социально-правовых явлений. Так, по мнению И.М. Мацкевича, в настоящее время «в теоретической юриспруденции наблюдается определенный... методологический кризис, сводящийся к тому, что современные исследования практически не обогащают методологию юридической науки новыми подходами, а имеющиеся являются вариациями, причем далеко не всегда удачными,

¹ В разговорной речи и деловом обороте иногда встречаются исключения, которые в силу традиционности восприятия отторжения у нас не вызывают. Так, говоря о размере недвижимого имущества (здания, помещения), которое представляет собой трехмерный объект, мы в первую очередь указываем его площадь, являющуюся двухмерной характеристикой. Аналогичная ситуация прослеживается с характеристикой дисплея или экрана – двухмерность параметров заменяется одномерным размером диагонали.

уже известных точек зрения» (Мацкевич 2019: 6). В качестве примера нового подхода И.М. Мацкевич предложил пространственную (трехмерную) модель уголовного закона, которая обладает большей предпочтительностью по сравнению с линейным (одномерным) и плоскостным (двухмерным) вариантами.

На наш взгляд, родовыми (ключевыми) определениями юридической ответственности выступают понятия мерности восприятия объекта и философская категория взаимодействия.

Под мерностью следует понимать способность познаваемого понятия иметь одну или более мер, что позволяет формулировать различные дефиниции в зависимости от уровня восприятия (абстракции) или необходимости установления достаточной либо приемлемой точности. В настоящее время понятие мерности еще не получило достаточно широкого распространения в правовой науке. Чаще всего слово *мерность* употребляется как синоним к слову *мера*. При этом нельзя не подчеркнуть, что мера и мерность не являются, как это зачастую считается, тождественными или синонимичными понятиями. Мерность – ступенчатость перехода от простого к более сложному, тогда как мера обозначает переход количества в качество. Мерность выступает производным (деривационным) параметром функционирования объекта или той роли, которую он исполняет. Одновременно с этим следует отметить, что дивергентное мышление несвойственно методологии познания сущности при истолковании правовых понятий или норм права. Суть толкования правового понятия предполагает стремление исследователя к поиску простого и однозначно воспринимаемого определения.

Взаимодействие позволяет познавать свойства объекта с позиции взаимозависимых отношений между его компонентами. Взаимодействие представляет собой вид непосредственной или опосредованной, внешней или внутренней связи, означающий обоюдное проникновение сущности одного из компонентов в другой, порождающее новое качество либо новое знание более высокого порядка. «Большая советская энциклопедия» устанавливает, что взаимодействие отражает «процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния или взаимопереход, а также порождение одним объектом другого» (Спиркин 1971: 7-8).

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим многоуровневый характер юридической ответственности на примере уголовной ответственности. Используемая нами методика (при замене соответствующей терминологии) применима к другим отраслевым видам юридической ответственности в сфере государственно-властного регулирования. Так, понятию «преступление», которое входит в предмет уголовного права, в иных отраслях права могут соответствовать понятия «правонарушение», «проступок», «нарушение». В тоже время понятие «наказание» может трактоваться как «обязательство» или «обязанность» в значении нормативного требования по совершению правомерных действий.

Первый уровень, или одномерное восприятие понятия ответственности. Одномерное понимание ответственности у большинства исследователей и субъектов права традиционно ассоциируется с конкретным наказанием или санкцией. Однако существует несколько особенностей, связанных с толкованием понятия «наказание». Согласно ст. 43 УК РФ наказание определяется как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Вместе с тем понятие «ответственность» в нормативно-правовых актах зачастую употребляется в значении меры принудительного характера: «несут полную материальную ответственность», «ответственность в полном размере причиненного ущерба» (разд. 39 ТК РФ), «ограничение размера ответственности по обязательствам» (ст. 400 ГК РФ) и т.д. Таким образом, и в первом, и во втором случае речь идет о «мере» как о некоей постоянной величине, общем нормативно-определенном понятии, обозначающем собой свершившийся факт или конкретно-размерное законченное деяние с фиксированной величиной (срок заключения, размер штрафа, принудительные работы и т.п.).

В этом плане указанная одномерная модель совпадает с точкой зрения Н.С. Малеина, который полагал, что «наказание и есть юридическая ответственность» (Малеин 1992: 19).

Одновременно с этим понятие «наказание» может восприниматься и использоваться законодателем в значении действия (порядка, процесса, функции). Статьи гл. 11 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности») нормативно закрепляют действия, формирующие условия прекращения функционирования механизма правового регулирования, который определяет уголовную ответственность. Тогда как статьи гл. 12 УК РФ «Освобождение от наказания» говорят о наказании как о протекающем во времени действии – «отбывание наказания», «исполнение наказания». Ряд исследователей считает, что размежевание в названии указанных глав свидетельствует о том, что ответственность не является наказанием. На самом деле различие понятий «наказание» и «ответственность» заключается в том, что при изменении значения данных понятий неодинаково меняется их размерность (объем). Понятие «наказание» в понимании меры при переходе из некой постоянной величины в значение действия (процесса) становится величиной переменной, которая описывается некоторой функцией.

Слово *ответственность*, согласно С.И. Ожегову и Н.Ю. Шведовой, имеет два значения. В первом значении оно является производным от прилагательного *ответственный*, то есть «несущий ответственность». Во втором обозначает «необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках» (Ожегов, Шведова 1999: 468). Исходя из первого значения можно заключить, что ответственность носит деривационный характер, следовательно, выступает производным либо произведенным параметром поведения. Слово *производный* указывает на то, что параметр возникает от действия или вследствие функции некоего процесса, в нашем случае – процесса наказания. Слово *наказуемость*, будучи производным от прилагательного *наказуемый*, с нашей точки зрения, определяет соразмерность (равенство) между словами *ответственность* и *наказание*.

Таким образом, анализируя понятие ответственности на первом (одномерном) уровне абстракции, что соответствует рассмотрению в узком (упрощенном, тривиальном) смысле, можно сделать вывод, что понятие ответственности тождественно понятию наказания, так как оба воспринимаются в качестве меры (мера = ответственность = наказание). Рассматривая ответственность в более широком смысле и подразумевая под понятием наказания функцию соответствующего действия, а под понятием ответственности – функциональную характеристику такого действия (наказания), получаем, что понятию ответственности должно соответствовать понятие наказуемости.

Второй уровень, или двухмерное восприятие понятия ответственности. В двухмерном (бинарном) варианте определение ответственности представляет собой систему, построенную на взаимосвязи между двумя понятиями – «наказание» и «преступление». Понятие преступления, как и понятие наказания, может иметь не только смысловое значение фиксированного факта или деяния, то есть постоянной величины (согласно ст. 14 УК РФ преступлением считается «виновно совершенное общественно опасное деяние»), но и обозначать действие, которое восходит к глаголам *преступить, переступить*, то есть перешагивать через установленный законом запрет. Процесс выхода за границы правового поля, осуществление неправомерного поведения рассматривается в виде переменной величины, которая выступает в качестве аргумента соответствующей функции.

Рассмотрим возможные сочетания значений понятий «преступление» и «наказание» и их взаимодействие.

1. В первом случае соотношение между постоянными величинами наказания и преступления представляет собой уголовную ответственность как элементарную линейную зависимость в виде коэффициента пропорциональности $uo = n/p$, где uo – уголовная ответственность, n – наказание, p – преступление¹. Произведение p и n графически будет определять поле взаимодействия, а координаты каждой точки на линии юридической ответственности – значение наказания и преступления (рис. 2). При этом законом установлено, что каждому преступлению соответствует определенное наказание, что формулируется отдельной правовой нормой, правилом или нормой-принципом².

¹ Это сравнимо с определением средней скорости, которая имеет две меры – пройденное расстояние и время, за которое указанное расстояние преодолено, а значение скорости – это отношение между расстоянием и временем.

² Количество сочетаний элементов следует отнести к понятию нечеткого множества, где каждый элемент имеет функцию принадлежности. Теория нечетких множеств и нечеткой логики была разработана профессором университета Беркли (Калифорния, США) Л. Заде в 60-х гг. XX в. Применяется в моделировании принятия решений, математических моделях, отражающих нечеткий характер взаимодействия различных субъектов в экономике и праве. Для упрощения моделирования мы представим, что количество сочетаний элементов представляет собой множество, выстроенное в произвольном порядке или очередности, но имеющее функцию принадлежности как к исполнению наказания, так и совершению преступления.

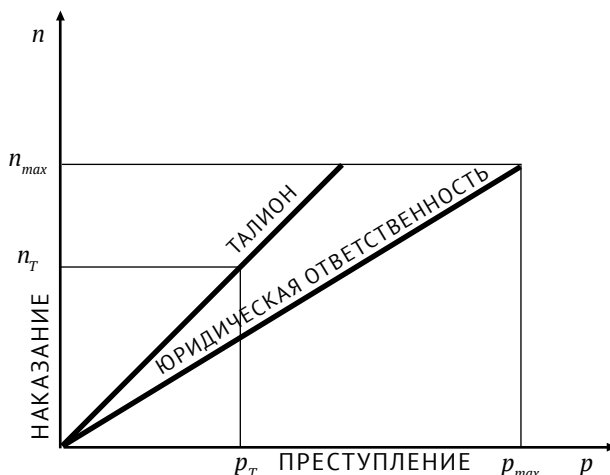

Рис. 2. Соотношение между постоянными величинами наказания и преступления: n_T – мера наказания по принципу талиона; p_T – преступление в координатах принципа талиона; n_{max} – максимальное наказание; p_{max} – максимальная категория преступления (по характеру и степени общественной опасности)

Примечателен вариант, когда коэффициент пропорциональности равен единице, то есть наказание и преступление имеют равные величины. В этом случае мы сталкиваемся с тем, что ответственность соответствует одному из древнейших принципов социальной справедливости, известному из истории государства и права как принцип талиона (*лат.* *tālio*, от *talis* – такой же), которым определялось, что мера наказания по своей силе должна быть равна совершенному преступлению ($n_T = p_T$). Принцип талиона находит свое отражение во многих исторических источниках. Одна из наиболее полных версий принципа талиона гласит: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх., 21:23-25). В русском праве идея талиона еще сохранялась в значительном объеме в Соборном уложении 1649 г.: «...отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколает... самому ему то же учинити» (гл. XXII, ст. 10)¹.

2. Во втором случае предположим, что преступление выступает в роли постоянной величины, а наказание будет иметь значение действия, тогда уголовная ответственность будет определяться как производная от функции наказания конкретного преступления и описываться формулой $uo = n'(p)$. Данное определение ответственности соответствует понятию «наказуемость преступления». Оно аналогично таким встречающимся в юридической литературе определениям ответственности, как «воздаяние (возмездие), кара за совершенное преступление», «неотвратимость наказания»,

¹ URL: http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_22.php

«реализация санкций», «обязанность правонарушителя нести наказание за совершенное деяние» и т.п.

3. Следующим вариантом сочетания компонентов модели ответственности будет выступать взаимная зависимость между преступлением-действием и наказанием-фактом. В этом случае уголовная ответственность будет определяться как производная от функции преступления закона и описываться формулой $uo = p'(n)$. Данное понимание ответственности соответствует формализованному понятию «преступность наказания». Оно схоже с такими встречающимися в юридической литературе определениями, как «негативная отрицательная реакция государства», «ответная мера (реакция) на совершенное правонарушение», «необходимость претерпевать предусмотренные нормами права неблагоприятные последствия», «применение мер государственного принуждения», «принудительно исполнять определенные законом требования», «исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения» и т.п. Преступность наказания устанавливает правомочие государства на осуществление наказания путем вынужденного ответного нанесения ущерба или вреда, ущемления прав и свобод лица, совершившего преступление.

4. Заключительный вариант объединяет все предыдущие. Он представляет собой сочетание компонентов абстрактной двухмерной (бинарной) модели ответственности и выступает результатом взаимодействия между действиями по преступлению закона и по наложению наказания. В общем виде принцип уголовной ответственности будет определяться производной произведения двух функций:

$$uo = (p \times n)' = n'(p) \vee p'(n),$$

где \vee – символ слабой дизъюнкции в значении «или».

Представленные выше выводы позволяют в самом широком смысле сформулировать определение уголовной ответственности.

Уголовная ответственность – это правовая норма-принцип, являющаяся функциональной характеристикой взаимосвязи между преступлением закона и наложением наказания, условиями возникновения которой следует считать совокупность процессуально установленных принципов наказуемости преступления и (или) преступности наказания.

Принцип наказуемости преступления (принцип возмездия, или неотвратимости наказания) заключается в том, что если совершено преступление закона (*преступление* в значении действия – нарушения правил, выхода за рамки дозволенного, перешагивания через запрет – *преступить закон*), то за него положено соответствующее наказание.

Принцип преступности наказания (принцип деликтности наказания) говорит, что если осуществляется наказание за совершенное правонарушение или виновное деяние, то его действие, которое ущемляет права и свободы лица, совершившего преступление, наносит правовой урон его личным, имущественным и иным интересам.

Следует отметить, что при определенных допущениях заключительная формула может трансформироваться и рассматриваться как один из предыдущих вариантов. Отдельное существование принципа наказуемости преступления или принципа преступности наказания выступает частным случаем принципа уголовной ответственности.

Анализ функциональной зависимости между преступлением и наказанием показывает, что ответственность может описываться различными формулами реализации, то есть не только прямой линией, характеризуемой коэффициентом пропорциональности между наказанием и преступлением. Форма (траектория) линии ответственности зависит от регулирующей и охранительной функции права в государстве, а также связана с проводимой в стране политикой, предполагающей достижение определенных целей и решение тех или иных задач. Вместе с тем следует учесть, что при определении величины наказания в ходе следствия и судебного разбирательства могут учитываться отягчающие или смягчающие обстоятельства совершения преступления, в таком случае юридическая ответственность выступает как некий диапазон соответствия возможных мер наказания совершенноному преступлению (рис. 3).

Графически юридическая ответственность будет представлять уже не точку на линии (см. рис. 2), а некую область вероятного осуществления возмездия, по форме напоминающую листок, где вертикальное сечение в произвольной точке p_2 на оси преступления (правонарушения, нарушения) укажет на диапазон наложения возможного наказания (обязательства) ($n_{min} - n_{max}$). Горизонтальная линия, проходящая через произвольную точку n_1 на оси наказания, определяет диапазон преступлений, к которым может быть отнесено избранное наказание ($p_{11} - p_{12}$). Участки вне области действия

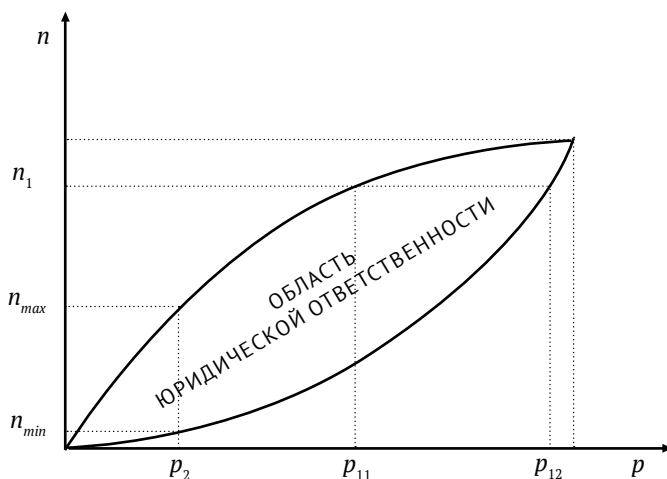

Рис. 3. Функциональная зависимость между наказанием и преступлением:
 n_{min} – минимальное наказание; n_{max} – максимальное наказание; n_1 и p_2 – произвольные точки; p_{11} и p_{12} – проекция точек диапазона категорий преступлений

юридической ответственности следует отнести к случаям низкой вероятности (или недопустимости) назначения либо более строгого наказания за совершенное правонарушение, чем это предусмотрено законом, либо менее строгого наказания за более значимый противоправный проступок.

Предлагаемое нами универсальное определение объединяет большинство имеющихся в литературе трактовок юридической ответственности, которые основаны на императивном методе правового регулирования общественных отношений, не допускающем отклонений от предписанной законом модели поведения.

Вне данного нами определения остались точки зрения исследователей, которые полагают, что юридическая ответственность – это обязанность давать отчет о своих действиях; возлагаемое на кого-либо взятое кем-либо обязательство отчитываться в каких-либо своих действиях и т.п.

Юридическая ответственность и обязанность. По нашему мнению, юридическая ответственность и обязанность являются разными социально-правовыми явлениями. Обязанность описывает управленческую функцию урегулирования интересов сторон правоотношений путем установления контроля и отчетности.

Мы считаем неправомерным употребление слова *обязанность* как тождественного слову *ответственность*. На наш взгляд, следует употреблять слово *обязательность* в значении безусловности, непременности применения мер наказания к лицу, которое совершило виновное противоправное деяние (за каждое преступление законом обязательно должно быть предусмотрено наказание). Применительно к частноправовым отношениям вместо слова *наказуемость* целесообразно использовать слово *обязательственность* для обозначения возможности возникновения обязательства, при котором «одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие» (ст. 307 ГК РФ).

Обязанность – это характеристика императивно возложенного на субъект права требования совершения определенных правомерных действий в рамках существующего правового поля дозволений и обязываний. Тогда как юридическая ответственность – это установленная законом функциональная характеристика взаимодействия государства и субъекта права, которая возникает в случае совершения последним нарушения установленного запрета либо выхода за границы установленной модели поведения. Указанные понятия основаны на различных методах правового регулирования, и, как следствие, при их объединении в общее понятие «юридическая ответственность» возникают внутренне противоречивые, громоздкие определения. К тому же юридическая ответственность сориентирована на действия (отношения), совершенные вне правового поля, а социально-правовое явление, характеризующееся обязанностью, долгом, – на действия внутри правового поля, которые имеют законодательное урегулирование, но не представляют общественной опасности, чтобы определяться как деликтный проступок. Вариантом разрешения указанных противоречий, на наш взгляд, может служить деление ответственности на деликтную и договорную либо императивную и диспозитивную (Богданов 2013; Кол-

паков 2020). Как правило, такое деление используется при определении гражданско-правовой ответственности.

Указанное различие важно учитывать и при определении ответственности в рамках иного отраслевого законодательства. Несоблюдение отраслевого законодательства может квалифицироваться как правонарушение, а при достаточной общественной опасности – как преступление в той или иной сфере. Так, исследователь финансового права Д.Л. Комягин приходит к выводу, что «*ответственность за нарушения бюджетного законодательства и бюджетная ответственность* представляют собой разные категории» (Комягин 2014: 99). А.А. Кондрашев, говоря о тенденциях развития конституционной ответственности, отмечает, что «уникальность оснований конституционной ответственности, в отличие от иных видов юридической ответственности, заключается в том числе и в том, что противоправными действиями, влекущими применение конституционных санкций, признаются деяния, зачастую не имеющие правовой легализации в актах конституционного законодательства» (Кондрашев 2018: 191).

Разрешение указанных проблем видится, по нашему убеждению, во введении в юридический оборот отдельного самостоятельного термина, определяющего смысловое содержание договорной диспозитивной ответственности. Целесообразность этого подтверждается наличием в зарубежной литературе по меньшей мере двух различных дефиниций понятия «ответственность». Английские слова *responsibility* и *liability* в ряде англо-русских словарей трактуются как синонимы и переводятся на русский язык как *ответственность*. Между тем истолкование «Британской энциклопедией» слова *responsibility*¹ близко к пониманию негативной (ретроспективной) юридической ответственности, тогда как слово *liability*² «Британская энциклопедия» в первую очередь определяет как долг или обязательство, которое вытекает из договоров, соглашений и других актов правового характера.

Заключение. Предлагаемый методологический подход к истолкованию юридической ответственности позволяет математизировать и визуализировать исследования по формализации правового понятия, что в условиях массовой цифровизации, масштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий, развития и создания искусственного интеллекта является достаточно перспективным и востребованным научным направлением. Феномен цифровизации права, который большинством воспринимается как переход от бумажной формы законодательства к электронной, ставит перед правовой наукой проблему трансформации теоретического знания. Во многом решение указанной проблемы видится в компьютерном моделировании не только нормативных правовых актов и процессуальных правил их реализации, но и отдельных понятий.

¹ URL: <https://britannica.com/topic/responsibility.html>

² URL: <https://britannica.com/topic/liability-law.html>

В первую очередь это относится к категории понятий с деривационным характером, которые в силу традиционного представления чаще всего воспринимаются как имеющие одну меру измерения (одномерные). При этом производные понятия по своей природе являются полисемичными и могут иметь несколько уровней восприятия, что вызывает многочисленные дискуссии о сущности и месте таких понятий в правовой науке.

Понятие юридической ответственности в силу своего многомерного характера в зависимости от уровня абстрагирования имеет несколько значений.

На первом уровне юридическая ответственность характеризуется через фиксированное понятие *меры*, тем самым приравнивая себя к наказанию (санкциям, обязательствам и т.п.) за нарушение требований договорных условий и нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения. В этом случае юридическая ответственность определяется одной мерой – наказанием, при этом других единиц измерения не существует или они не берутся во внимание. Однако вместе с этим оправданно употребление слова *наказуемость* в качестве ключевого при определении юридической ответственности.

На втором (бинарном) уровне юридическая ответственность имеет две меры, две единицы измерения – наказание и преступление – и заключается в отношении между ними. В самом общем виде юридическая ответственность выступает функциональной характеристикой взаимодействия между преступлением и наказанием. С учетом их производного характера возникает несколько комбинаций, которые в комплексе отражают смысловое содержание большинства существующих эмпирических определений юридической ответственности в теории права. Совокупность этих комбинаций можно условно подразделить на две группы, определяемые как принцип наказуемости преступления и принцип преступности наказания.

Истолкование на основе понятия мерности восприятия объекта и взаимодействия как одной из основных философских категорий апробировано автором на таких правовых понятиях, как «недвижимость» (Терещенко 2020), «собственность» (Терещенко 2019) и «эффективность» (Терещенко 2018), которые на сегодняшний день не имеют окончательного закрепления на законодательном уровне. Полученные результаты исследований указывают на отдельные недостатки и пробелы в понимании действующих нормативных положений и обогащают существующие теоретические представления о данных понятиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев С.С. 2008. Общая теория права. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Велби : Проспект. 565 с.

Аль-Ани Н.М. 2014. Ответственность и ее классическая и неклассическая парадигмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 7-1. С. 182-187.

Богданов Д.Е. 2013. Императивная ответственность в договорных отношениях с позиций справедливости // Законодательство и экономика. № 3. С. 27-35.

- Венгеров А.Б. 2013. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. 9-е изд., стер. Москва : Омега-Л. 607 с.
- Витрук Н.В. 2020. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М. 432 с.
- Горшенев В.М. 1972. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. Москва : Юрид. лит. 258 с.
- Ильин И.А. 1957. Путь к очевидности. Мюнхен : Типография Обитатели преп. Иова Почаевского в Мюнхен-Оберменцинге. 155 с.
- Калугина Л.В. 2011. Юридическая ответственность. Понятие и сущность // Вестник Академии. Московская академия предпринимательства. № 1. С. 136-138.
- Колпаков Д.О. 2020. К вопросу о договорной ответственности в общетеоретическом ракурсе исследования // Правовая политика и правовая жизнь. № 4. С. 205-212.
- Комягин Д.Л. 2014. Бюджетная ответственность // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4. С. 98-107.
- Кондрашев А.А. 2018. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. № 10 (95). С. 184-193. DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195.
- Кузьмин И.А. 2013. О двуедином (объективном и субъективном) воплощении юридической ответственности // Академический юридический журнал. № 1 (51). С. 52-57.
- Кузьмин И.А. 2015. Проблемы реализации юридической ответственности : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. юрид. ин-та. 167 с.
- Куликов Е.А. 2016. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы). Барнаул : Новый формат. 308 с.
- Кутафин О.Е. 2001. Предмет конституционного права. Москва : Юристъ. 444 с. (Institutiones).
- Лазарев В.В. (ред.) 2001. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Афанасьев и др.; под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ. 520 с.
- Лобанов С.А. 2015. Понятие юридической ответственности: дискуссионные вопросы // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. № 2 (6). С. 59-73.
- Малеин Н.С. 1992. Юридическая ответственность и справедливость. Москва : Изд-во Ин-та государства и права РАН. 204 с.
- Марченко М.Н. 2011. Теория государства и права. Ч. 2. Теория права : учебник. Москва : Зерцало-М. 336 с.
- Матузов Н.И., Малько А.В. 2004. Теория государства и права : учебник. Москва : Юристъ. 246 с.
- Мацкевич И.М. 2019. Интеллектология права. Предварительные итоги математического моделирования закона // Мониторинг правоприменения. № 1 (30). С. 4-15. DOI 10.21681/2226-0692-2019-1.
- Мелехин А.В. 2007. Теория государства и права : учебник. Москва : Маркет ДС корпорейшн. 634 с. (Университет. серия).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1999. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : Азбуковник. 944 с.
- Репетева О.Е. 2010. К вопросу о понятии юридической ответственности // Право и государство: теория и практика. № 1 (61). С. 147-151.
- Сорокин В.В. 2021. Психологические аспекты права. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та. 352 с.
- Сpirкин А.Г. 1971. Взаимодействие // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва : Совет. энцикл. Т. 5. Стб. 7-9.

- Степнова Ю.П. 2019. К вопросу о понятии юридической ответственности // Теория государства и права. № 4 (16). С. 173-183. DOI 10.25839/MATGIP.2019.16.4.021
- Терещенко Д.С. 2018. О новых подходах к определению эффективности государственных закупок // Финансовое право. № 9. С. 21-24.
- Терещенко Д.С. 2019. К вопросу о толковании и происхождении понятий «ответственность» и «право собственности» // Философия права. № 2. С. 112-118.
- Терещенко Д.С. 2020. Недвижимость объекта гражданских правоотношений по Гражданскому кодексу Российской Федерации (опыт теоретического исследования) // Журнал правовых и экономических исследований. № 2. С. 82-92. DOI 10.26163/GIEF.2020.76.44.012
- Черногор Н.Н. 2006. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. № 5 (113). С. 105-109.
- Ячменев Ю.В. 2012. Юридическая ответственность. Понятие виды и особенности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (54). С. 66-74.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 15.06.2021).
- Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12125268/> (дата обращения: 15.06.2021).
- Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 15.06.2021).

References

- Al-Ani N.M. Responsibility and its classical and non-classical paradigms, *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2014, no. 7-1, pp. 182-187. (in Russ.).
- Alekseev S.S. *General theory of law*, 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Velbi, Prospekt, 2008, 565 p. (in Russ.).
- Bogdanov D.E. Imperative responsibility in contractual relations from the standpoint of justice, *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2013, no. 3, pp. 27-35. (in Russ.).
- Chernogor N.N. On the theoretical problems of legal responsibility, *Journal of Russian Law*, 2006, no. 5 (113), pp. 105-109. (in Russ.).
- Civil Code of the Russian Federation (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).
- Criminal Code of the Russian Federation (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/10108000/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).
- Gorshenev V.M. *Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1972, 258 p. (in Russ.).
- Ilyin I.A. *The path to evidence*, Munich, Tipografiya Obiteli prepodobnogo Iova Pochaevskogo v Myunkhen-Obermentsinge, 1957, 155 p. (in Russ.).
- Kalugina L.V. Legal responsibility. Concept and essence, *Academy Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 136-138. (in Russ.).
- Kolpakov D.O. To the Question of Contractual Responsibility in the General Theoretical Perspective of the Study, *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2020, no. 4, pp. 205-212. (in Russ.).
- Komyagin D.L. Budget responsibility, *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2014, no. 4, pp. 98-107. (in Russ.).
- Kondrashev A.A. Institute of Constitutional and Legal Responsibility in the Subject of Constitutional Law: Correlation Issues, *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10 (95), pp. 184-193. DOI 10.17803/1994-1471.2018.95.10.184-195. (in Russ.).
- Kulikov E.A. *Theory of Legal Liability (Problem's Questions)*, Barnaul, Novyy format, 2016, 308 p. (in Russ.).

- Kutafin O.E. *The subject of constitutional law*, Moscow, Yurist", 2001, 444 p. (in Russ.).
- Kuzmin I.A. On Two-Uniform (Objective and Subjective) Embodiments of Legal Responsibility, *Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*, 2013, no. 1 (51), pp. 52-57. (in Russ.).
- Kuzmin I.A. *Problems Of Realization Of Legal Responsibility*, Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo yuridicheskogo institute, 2015, 167 p. (in Russ.).
- Labor Code of the Russian Federation (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/12125268/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).
- Lazarev V.V. (ed.) *General theory of law and State : textbook*, 3rd ed., rev. and augm., Moscow, Yurist", 2001, 520 p. (in Russ.).
- Lobanov S.A. The Concept of Legal Liability: Discussion Questions, *Vyzovy global'nogo mira. Vestnik IMTP*, 2015, no. 2 (6), pp. 59-73. (in Russ.).
- Malein N.S. *Legal responsibility and justice*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN, 1992, 204 p. (in Russ.).
- Marchenko M.N. *Theory of State and law. Pt. 2. Theory of law : textbook*, Moscow, Zertsalo-M, 2011, 336 p. (in Russ.).
- Matskevich I.M. Intellectology of Law. Preliminary Results of Mathematical Modelling of Law, *Monitoring pravoprimereniya*, 2019, no. 1 (30), pp. 4-15. DOI 10.21681/2226-0692-2019-1. (in Russ.).
- Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of state and law : textbook*, Moscow, Yurist", 2004, 246 s. (in Russ.).
- Melekhin A.V. *Theory of State and law : textbook*, Moscow, Market DS korporeyshn, 2007, 634 p. (in Russ.).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions*, 4th ed., augm., Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p. (in Russ.).
- Repeteva O.E. To a Question About the Concept of Juridical Responsibility, *Law and State: The Theory and Practice*, 2010, no. 1 (61), pp. 147-151. (in Russ.).
- Sorokin V.V. *Psychological aspects of law*, Barnaul, Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 2021, 352 p. (in Russ.).
- Spirkin A.G. Interaction, *A.M. Prokhorov (gen. ed.) Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*, 3rd ed., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1971, vol. 5, col. 7-9. (in Russ.).
- Stepnova Ju.P. To the Question of the Concept of Legal Responsibility, *Theory of State and Law*, 2019, no. 4 (16), pp. 173-183. DOI 10.25839/MATGIP.2019.16.4.021. (in Russ.).
- Tereshchenko D.S. On New Approaches to Determination of the State Procurement Efficiency, *Financial Law*, 2018, no. 9, pp. 21-24. (in Russ.).
- Tereshchenko D.S. Real Estate (Immovables) in the Context of Characterizing an Object of Civil Law Relation Under the Civil Code of the Russian Federation (Theoretical Research), *Journal of Legal and Economic Studies*, 2020, no. 2, pp. 82-92. DOI 10.26163/GIEF.2020.76.44.012. (in Russ.).
- Tereshchenko D.S. To the question of the interpretation and origin of the concept "property" and "property right", *Philosophy of Law*, 2019, no. 2, pp. 112-118. (in Russ.).
- Vengerov A.B. *Theory of state and law : textbook for law schools*, 9th ed., ster., Moscow, Omega-L, 2013, 607 p. (in Russ.).
- Vitruk N.V. *General theory of legal responsibility*, 2nd ed., amend. and augm., Moscow, Norma, INFRA-M, 2020, 432 p. (in Russ.).
- Yachmenev Yu.V. Legal Liability: Concept, Types and Characteristics, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, 2012, no. 2 (54), pp. 66-74. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Семёнович Терещенко

подполковник налоговой милиции (в запасе), советник налоговой и таможенной службы 3 ранга (г. Луганск), магистр юриспруденции, независимый исследователь, г. Москва, Россия;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1322-7971>;

SPIN-код: 3660-8596;

E-mail: terdisem@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Tereshchenko

Lieutenant Colonel of the tax police (in reserve), Adviser to the Tax and Customs Service of the 3rd rank (Lugansk), Master of Law, Independent Researcher, Moscow, Russia;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1322-7971>;

SPIN-код: 3660-8596;

E-mail: terdisem@mail.ru

Харинов И.Н., Сеницына В.А. Право граждан на участие в принятии градостроительных решений в Российской Федерации: юридическая природа и защита. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_131 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 131–152.

УДК 349.442

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_131

Право граждан на участие в принятии градостроительных решений в Российской Федерации: юридическая природа и защита

Илья Николаевич Харинов

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: kharinov.ilya@gmail.com

Валерия Андреевна Сеницына

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: sinitsina-lera@mail.ru

Поступила в редакцию 21.06.2021, поступила после рецензирования 26.10.2021, принята к публикации 15.11.2021

Актуальность настоящего исследования продиктована тем, что отношения в области градостроительства предполагают интерес граждан к вопросам формирования городского пространства, а также тем, что положения о необходимости обеспечения надлежащего уровня общественного участия в решении этих вопросов получили закрепление в нормативных правовых актах, исходящих от органов власти. Целью данной статьи является установление юридической природы права граждан на участие в принятии градостроительных решений и определение ключевых проблем его защиты как в рамках судебного порядка, так и с помощью внесудебных способов. В работе анализируется конституционно-правовая база указанного права, обосновывается соответствие его сущности концепции субъективного публичного права, исследуются проблемы его судебной защиты, а также приводятся различные способы его защиты во внесудебном порядке. Авторы приходят к выводу о том, что протокол общественных обсуждений или публичных слушаний и заключение об их результатах являются ненормативными правовыми актами, вследствие чего возможно предъявление административного искового заявления о признании их незаконными в порядке, предусмотренном

© Харинов И.Н., Сеницына В.А., 2022

гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ. С точки зрения авторов статьи, местные референдумы, на которые выносятся вопросы, способные непосредственно повлиять на принятие итоговых градостроительных решений, требуют положительной оценки ввиду обязательности принятых на них населением решений. Представляет интерес перспектива такого внесудебного способа защиты права на участие в принятии градостроительных решений, как отмена изданного муниципального правового акта органами местного самоуправления в порядке самоконтроля.

Ключевые слова: участие граждан в принятии градостроительных решений, принципы градостроительного права, общественные обсуждения, публичные слушания, судебная защита, местный референдум, опрос, отмена муниципального правового акта в порядке самоконтроля

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Современное градостроительство: модернизация правового регулирования», отобранного по итогам конкурса научных проектов ведущих научных школ УрГЮУ 2020 г.

Constitutional Control Bodies of the CIS Countries: Order of Formation and Competence

Ilya N. Kharinov

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: kharinov.ilya@gmail.com

Valeria A. Sinitsyna

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: sinitsina-lera@mail.ru

Received 21.06.2021, revised 26.10.2021, accepted 15.11.2021

Abstract. The relevance of this study is dictated by the fact that relations in the field of urban planning presuppose the interest of citizens in the formation of urban space, as well as by the fact that the provisions on the need to ensure an appropriate level of public participation have been consolidated in regulatory legal acts emanating from the authorities. The reasoning presented in the article was aimed at establishing the legal nature of the right of citizens to participate in making urban planning decisions, as well as identifying the key problems of its protection within the framework of both judicial procedure and using extrajudicial methods. The article analyzes the constitutional and legal basis of this law, substantiates the correspondence of its essence to the concept of subjective public law, examines the problems of its judicial protection, and also reveals various ways of its protection out of court. The authors come to the conclusion that the protocol and the conclusion on the results of public discussions or public hearings are non-normative legal acts, as a result of which it is possible to file an administrative

statement of claim declaring them illegal in accordance with Chapter 22 of the CAS RF, as well as that cases of local referendums, which are subject to issues that can directly affect the adoption of final urban planning decisions, require a positive assessment due to the obligatory nature of the decisions taken by the population. Meanwhile, the prospect of such an extrajudicial method of protecting the right to participate in making urban planning decisions as the cancellation of a municipal legal act issued by local self-government bodies in the order of self-control is interesting.

Keywords: participation of citizens in making town planning decisions; principles of town planning law; public discussions; public hearings; judicial protection; local referendum; survey; cancellation of a municipal legal act by way of self-control

Acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of the scientific project “Modern urban planning: modernization of legal regulation”, selected according to the results of the competition of scientific projects of the leading scientific schools of Ural State Law University 2020.

For citation: Kharinov I.N., Sinitsyna V.A. Constitutional Control Bodies of the CIS Countries: Order of Formation and Competence, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 131-152. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_131.

Введение. Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ) в качестве одного из принципов, на которых основывается законодательство о градостроительной деятельности, провозглашает положение об участии граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности и обеспечении свободы такого участия (ГрК РФ, 2004: ст. 2, п. 5).

Данный принцип реализуется в контексте проведения общественных обсуждений или публичных слушаний по проектам ряда градостроительных решений в целях соблюдения права человека на благоприятные условия жизнедеятельности, а также прав и законных интересов правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 1). При этом внимание правоведов приковано прежде всего к исследованию проблематики институциональной составляющей принципа организации и проведения общественных обсуждений и публичных слушаний (см., напр.: Сафарова 2015; Медведев 2017: 91-107; Захаров 2019; Шугрина 2019).

По нашему мнению, необходимо несколько сместить акцент научной дискуссии, избрав в качестве объекта изучения предусмотренную законом возможность участия граждан в принятии градостроительных решений – иначе говоря, необходимо подвергнуть анализу юридическую природу права граждан на участие в принятии градостроительных решений. Исследование вопросов защиты права граждан на участие в принятии градостроительных решений будет составлять предметную область настоящего исследования. При этом под градостроительными решениями будут пониматься нормативные и ненормативные правовые акты органов власти, принимаемые ими в области градостроительной деятельности (о внесении изменений в правила землепользования и застройки, о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид

использования земельного участка или объекта капитального строительства и т.п.)¹.

Подобный подход в настоящий момент является весьма актуальным, что прежде всего обусловлено практикой высказывания гражданами своего мнения в области градостроительной деятельности. Признавая несовершенство общественных обсуждений и публичных слушаний, предусмотренных ГрК РФ, следует отметить, что весьма устойчива тенденция выражения гражданами своего мнения вне рамок таких процедур: нередки случаи, когда они прибегают к одиночным пикетам либо к другим публичным акциям, а также физически препятствуют осуществлению градостроительной деятельности (например, разбивая палаточный лагерь на месте строительства). Думается, что нигилистическое отношение к институту общественных обсуждений и публичных слушаний не способствует эффективной реализации права граждан на участие в принятии градостроительных решений в специальных формах, предусмотренных градостроительным законодательством.

Актуальность изучения юридической природы права граждан на участие в принятии градостроительных решений продиктована также приоритетными направлениями государственной политики в области градостроительной деятельности. В частности, в утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р Методике формирования индекса качества городской среды одним из индикаторов для расчета выступает такой показатель как доля граждан в возрасте 14 лет и старше, вовлеченных в принятие решений по вопросам городского развития, в общей численности городского населения в возрасте 14 лет и старше (Распоряжение № 510-р, 2019). Следовательно, помимо совершенствования городского пространства, важное значение в современных условиях приобретает состояние социальной городской среды – достижение высокого уровня заинтересованности граждан в решении с их участием вопросов в области градостроительной деятельности.

В научной литературе не наблюдается использования конструкции «право граждан на участие в принятии градостроительных решений», проистекающей из ранее указанного принципа. Ученые сосредотачиваются на изучении самого принципа участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности как некоего абстрактного первоначала градостроительного законодательства (см., напр.: Рыженков 2018). Заявляется тезис о наличии правовых и неправовых проблем реализации данного принципа и, по сути, вновь предлагаются пути устранения отрицательных аспектов организации и проведения общественных обсуждений и публичных слушаний.

Смещение фокуса научного дискурса в сторону исследования существа субъективного права обуславливает необходимость изучения вопросов его

¹ В рамках данной статьи не будут рассматриваться вопросы участия граждан в разработке и утверждении градостроительных решений, подготавливаемых иными субъектами градостроительной деятельности (в частности, проектной документацией) (см., к примеру, об этом: Помещикова 2011).

защиты, поскольку право требует не только надлежащей нормативной регламентации, но и подкрепленных положительной судебной практикой адекватных механизмов судебной защиты, которые в совокупности позволяют надлежащим образом осуществлять реализацию субъективного права (см.: Медведев 2017: 25).

1. Конституционно-правовая основа права граждан на участие в принятии градостроительных решений

Многие авторы единодушны во мнении, что принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности базируется на конституционном праве граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ) (см., напр.: Болтанова и др. 2021: 39). Данный принцип связан и с конституционным правом на осуществление местного самоуправления (ст. 130 Конституции РФ). Следовательно, право граждан на участие в принятии градостроительных решений является *частным проявлением данных конституционных прав в рамках законодательства о градостроительной деятельности*.

Одним из аспектов указанных конституционных прав является возможность граждан принимать участие в обсуждении проектов решений органов государственной власти и органов местного самоуправления и направлять в эти органы свои предложения (Авакьян 2020: 743). Подобный момент согласуется с общим характером форм реализации права граждан на участие в принятии градостроительных решений – участие в общественных обсуждениях или публичных слушаниях в настоящий момент предполагает привлечение населения к обсуждению проектов градостроительных решений в целях выявления и учета внесенных участниками данных мероприятий предложений и замечаний.

Между тем подобная взаимосвязь конституционного и градостроительного права весьма спорно оценивается высшими судебными инстанциями. Так, Конституционный суд РФ в Определении от 15.07.2010 № 931-О-О указал, что публичные слушания, являясь публично-правовым институтом, назначение которого состоит в обеспечении открытого и свободного обсуждения вопросов, имеющих существенное значение для граждан, проживающих на территории соответствующего публичного образования, тем не менее не являются формой осуществления власти населением (Определение КС РФ № 931-О-О, 2010). Конечной целью процесса обсуждения проектов градостроительных решений на публичных слушаниях выступает выработка рекомендаций по общественно значимым вопросам либо получение общественной оценки правового акта.

Исследователи указывают на неприемлемость подобной позиции, изложенной Конституционным судом РФ (см.: Медведев 2017: 98), с чем мы полностью согласны. Однако этим же органом спустя некоторое время была высказана диаметрально противоположная точка зрения: в Определении от 25.09.2014 № 1829-О Конституционный суд РФ прямо отметил, что принятие муниципального правового акта, в котором определяется порядок

организации и проведения публичных слушаний, а также установление законодательством требований к его содержанию направлены на обеспечение права граждан на участие в осуществлении местного самоуправления (Определение КС РФ № 1829-О, 2014).

Очевидно логическое противоречие в том, что нормативное урегулирование порядка проведения публичных слушаний направлено на обеспечение участия граждан в осуществлении местного самоуправления, тогда как само проведение публичных слушаний оценивается вне рамок такой направленности.

Необходимо проводить четкую взаимосвязь между конституционными положениями и содержанием норм ГрК РФ. Это важно для того, чтобы верно оценивать юридическую природу права граждан на участие в принятии градостроительных решений.

2. Право граждан на участие в принятии градостроительных решений как самостоятельное субъективное публичное право

Природу анализируемого права возможно определить в контексте учения о субъективных публичных правах, то есть с точки зрения предусмотренных законом возможностей частных лиц требовать от государства или других наделенных публичной властью образований определенного позитивного или негативного поведения в целях удовлетворения собственного интереса, который гарантируется и охраняется нормами публичного права (Зеленцов 2012: 49).

Основная ценность данной концепции заключается не только в смещении проблематики административного права с чисто управленческой деятельности государства и иных публичных субъектов на изучение статуса человека и гражданина в административных правоотношениях, но и в возможности признания их в качестве равных участников таких правоотношений – не только субъектами подчинения, но и носителями соответствующих прав и обязанностей (см.: Винницкий 2018).

Прежде всего необходимо обосновать обозначенный ранее тезис о становлении на базе принципа градостроительного законодательства самостоятельного субъективного права граждан на участие в принятии градостроительных решений. О самостоятельности данного права будет свидетельствовать соответствие его характеристик признакам субъективного права, выделяемым в теории права (Перевалов 2020: 232-233; Зеленцов 2012: 23-28).

Субъективное право представляет собой юридическую возможность определенного поведения, реализация которой обеспечивается и *гарантируется законом*.

Нормативно право граждан на участие в принятии градостроительных решений в обобщенном виде закреплено в Конституции РФ, а последующая его детальная регламентация производится в нормах ГрК РФ, а также Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ).

Гарантии данного права состоят в следующем.

Во-первых, общественные обсуждения и публичные слушания являются не только формой учета мнения населения, но и одновременно стадией принятия решений по ряду вопросов (Шугрина 2019: 32). Без их проведения невозможно утвердить проекты ряда градостроительных решений – иное будет означать нарушение процедуры их принятия.

Во-вторых, в заключении о результатах общественных обсуждений и публичных слушаний должны быть приведены аргументированные доводы о целесообразности или нецелесообразности учета внесенных участниками предложений и замечаний (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 22, пп. 5). К сожалению, следует признать, что это законодательное предписание зачастую игнорируется организаторами данных мероприятий (см., напр.: Иванова, Бернюкевич 2019), равно как и в целом не признается прямая корреляция между отрицательным мнением общественности по поводу проекта градостроительного решения и необходимостью отказа органов власти от практической реализации строительного проекта.

Субъективное право как юридическая возможность отличается также определенностью, поскольку оно имеет свои *пределы дозволенной реализации*.

В рамках общественных обсуждений граждане имеют право вносить предложения и замечания, касающиеся проекта градостроительного решения, посредством официального сайта, а также путем направления письменных обращений в уполномоченный орган власти, а в случае проведения публичных слушаний – в письменной или устной форме в ходе проведения собраний участников (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 10).

С одной стороны, высказанные предложения и замечания подлежат учету органами власти при принятии итоговых решений в области градостроительной деятельности. Данное обстоятельство направлено на поиск баланса интересов – публичных, связанных с необходимостью развития территории, и частных, возникающих у граждан и строительных организаций (Шугрина, Петухов 2018). При этом некоторые судебные инстанции констатируют возможность достижения такого баланса. Так, Верховный суд РФ в Апелляционном определении от 25.05.2017 № 83-АПГ17-7 отметил, что территориальное планирование должно обеспечивать не только права и законные интересы собственников и обладателей иных прав на земельные участки, но и защищаемые законом права и интересы иных физических и юридических лиц, а также публичные интересы, которые могут вступать в объективное противоречие с интересами собственников и обладателей иных прав на земельные участки (Апелляционное определение... № 83-АПГ17-7, 2017).

Однако, с другой стороны, вопрос учета общественного мнения остается болезненным в отечественной практике проведения общественных обсуждений и публичных слушаний, что связано с отрицанием ранее упомянутой корреляции, а также с отсутствием четких критериев учета такого мнения и механизмов преодоления возникающих разногласий (см.: Помещикова 2007).

Субъективное право является юридической возможностью, в основе которой лежит *удовлетворение интересов управомоченных лиц*.

В рамках права граждан на участие в принятии градостроительных решений интерес заключается в возможности влиять на судьбу территории, в границах которой гражданин постоянно проживает и (или) является правообладателем земельных участков, расположенных на них объектов капитального строительства или помещений, являющихся частью указанных объектов (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 2).

Вместе с тем судебная практика по оспариванию решений органов власти в области градостроительства свидетельствует о том, что подобный интерес не удовлетворяется, поскольку мнение, высказанное участниками общественных обсуждений или публичных слушаний, зачастую не становится основой для принятия итогового решения.

Наличие субъективного права как меры возможного поведения управомоченного лица характеризуется *соотнесенностью с мерой должного поведения обязанных лиц*.

В силу этого на органах власти лежат следующие обязанности:

1. Организовать процедуру общественных обсуждений или публичных слушаний в соответствии с законодательно предусмотренными этапами (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 4-5).

2. Организовать каждый из этапов в соответствии с требованиями, предусмотренными для каждого из них (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 6-26).

3. Соблюсти установленные законом сроки проведения отдельных этапов общественных обсуждений или публичных слушаний, в частности распространения оповещения о начале данных мероприятий (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 8), опубликования заключения об их результатах (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 25).

4. Включить в устав муниципального образования положения или принять отдельный муниципальный правовой акт, посвященный вопросам проведения общественных обсуждений или публичных слушаний, не предусмотренным ГрК РФ (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 24).

Следует согласиться с профессором А.Б. Зеленцовым, что субъективное право граждан и юридические обязанности, возложенные на органы власти, имеют своим объектом определенное *социальное благо* (Зеленцов 2012: 26). Применительно к сфере градостроительной деятельности таким социальным благом выступает легитимизированное градостроительное решение, которое, с одной стороны, отвечает требованиям экономической целесообразности, а с другой – соответствует реальным потребностям граждан, проживающих на территории размещения строительного объекта.

Исследователи справедливо утверждают, что законность общественным обсуждениям и публичным слушаниям должен придавать не факт их проведения в любом виде, а факт того, что предложенный проект был изменен или отклонен сообразно высказанным на слушаниях замечаниям (см.: Медведев 2017: 103). Следовательно, градостроительное решение, реализуемое вне зависимости от позиции граждан, может быть социальным благом, служащим интересам не всех участников градостроительной деятельности.

Доступ к социальному благу должен осуществляться в рамках строгих юридических процедур.

Вопросы организации и проведения общественных обсуждений и публичных слушаний регулируются как нормами ГрК РФ, так и муниципальными правовыми актами.

Наконец, субъективное право включает в себя ряд правомочий, обеспечивающих его всестороннюю реализацию (Матузов, Малько 2004: 191).

Так, право граждан на участие в принятии градостроительных решений состоит из следующих правомочий:

1. Право на собственные активные действия – например, вносить предложения и замечания по проектам в любых предусмотренных законом формах (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 10).

2. Право требования соответствующего поведения от обязанного лица – например, требовать консультирования посетителей экспозиции представителями организатора общественных обсуждений или публичных слушаний и (или) разработчика проекта, подлежащего рассмотрению на общественных обсуждениях или публичных слушаниях (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 9).

Между тем в рамках данного права фактически отсутствуют правомочия притязания и пользования.

Последнее, наш взгляд, в праве граждан на участие в принятии градостроительных решений существовать не может, поскольку социальное благо данных правоотношений не предполагает механизма пользования с возможностью извлечения из него каких-либо полезных свойств.

Правомочие притязания, то есть возможность прибегнуть к государственному принуждению в случае неисполнения другой стороной своей обязанности, в свою очередь, также не предусмотрено действующим законодательством. Отчасти это вызвано спецификой права, которое реализуется в рамках многоэтапной процедуры (возможность прибегать к инструментам принуждения на каждом из этапов тормозила бы общий ход ее осуществления). Однако в то же время недейственным является, в частности, механизм рассмотрения обращений граждан по поводу отдельных процедурных нарушений, поскольку письменные обращения могут рассматриваться в течение 30 дней со дня регистрации (см.: Федеральный закон № 59-ФЗ, 2006), тогда как общественные обсуждения и публичные слушания в среднем проводятся в срок от 1 до 3 месяцев (к примеру, в Екатеринбурге – в срок не более 2 месяцев)¹.

Итак, право граждан на участие в принятии градостроительных решений является *реальным и самостоятельным субъективным правом, которое при этом носит публичный характер*, поскольку оно предусмотрено нормами публичного (прежде всего конституционного и административного)

¹ Решение Екатеринбургской городской Думы Свердловской области «Об утверждении Положения «О порядке организации и проведения публичных слушаний в муниципальном образовании «город Екатеринбург» // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 10.04.2006. № 108.

права и состоит в возможности граждан принимать участие в общественных обсуждениях и публичных слушаниях, требуя от их организаторов и иных ответственных за подготовку проекта градостроительного решения лиц соблюдения порядка их подготовки и проведения.

Данное право имеет природу индивидуализированного субъективного публичного права, *проистекающего из статутных публичных прав на управление делами государства и осуществление местного самоуправления, предусмотренных Конституцией Российской Федерации* (Зеленцов 2012: 83-91).

3. Судебная защита права граждан на участие в принятии градостроительных решений

Право граждан на участие в принятии градостроительных решений является несбалансированным. Это проявляется как в рамках внутренних правомочий, так и с точки зрения правомочия на защиту (прежде всего судебную), поскольку судебными инстанциями неоднозначно оценивается возможность обратиться за судебной защитой данного права.

Судами нередко высказывается позиция о том, что протокол и заключение о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний, обладая рекомендательным характером, в принципе не являются правовыми актами ненормативного характера, из чего, во-первых, следует фактическая невозможность нарушения ими прав граждан, а во-вторых, невозможность обжалования данных актов в суде (см.: Медведев 2016).

С подобной позицией нельзя согласиться. Об этом пишут и авторы научных изысканий по теме разрешения городских конфликтов (см., напр.: Медведев 2017: 134). Протокол и заключение о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний *обладают свойствами ненормативных правовых актов* (Ростова 2008: 16), поскольку рассчитаны на однократное применение в конкретной ситуации, а также носят обязывающий характер. Это подтверждается целым рядом положений градостроительного законодательства:

1. Заключение о результатах общественных обсуждений и публичных слушаний обязательно учитывает данные, зафиксированные в протоколе их проведения (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 22, пп. 3).

2. Итоговое градостроительное решение принимается с учетом протокола и заключения о результатах общественных обсуждений и публичных слушаний (в частности, они являются обязательным приложением к проекту генерального плана (ГрК РФ, 2004: ст. 24, п. 12), с их учетом утверждается документация по планировке территории (ГрК РФ, 2004: ст. 45, п. 13.1).

3. Заключение о результатах общественных обсуждений и публичных слушаний подлежит опубликованию в порядке, установленном для официального опубликования муниципальных правовых актов, и размещается на официальном сайте уполномоченного органа (ГрК РФ, 2004: ст. 5.1, п. 23).

Не стоит смешивать возможность принять градостроительное решение, отличное от мнений, высказанных участниками общественных обсуждений и публичных слушаний, которой обладают органы власти, и воз-

возможность пренебречь актами, оформляющими результаты общественных обсуждений и публичных слушаний, которая законодательством не предусмотрена.

Защита права граждан на участие в принятии градостроительных решений должна осуществляться по правилам, предусмотренным гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Возникает вопрос о предмете административного искового заявления. В судебной практике встречаются заявления административных истцов о признании протоколов публичных слушаний незаконными¹, а также административные иски, в которых содержатся требования о признании результатов публичных слушаний недействительными (совместно с требованием о признании недействительным заключения по результатам публичных слушаний), однако в последнем случае истцы также апеллируют к проведению публичных слушаний с нарушением закона². Следовательно, требование о признании протокола и (или) заключения о результатах общественных обсуждений и публичных слушаний незаконными и будет составлять предмет административного искового заявления по данной категории дел.

Решение Зеленоградского районного суда г. Москвы от 14.06.2017 по делу № 02А-0110/2017, на которое мы ссылались выше, представляет интерес, поскольку недействительность публичных слушаний граждане отчасти связывали с тем, что предложенный строительный проект не отвечает интересам населения, так как направлен не на возведение социального объекта, а на извлечение коммерческой выгоды, опасен, альтернативы ему не предложено, а замечания участников публичных слушаний к сведению не приняты, признаны нецелесообразными.

На наш взгляд, в данном случае граждане предприняли попытку защитить не право на участие в принятии градостроительных решений, а другие права – на благоприятную окружающую или комфортную городскую среду, защита которых в любом случае требует обжалования итогового градостроительного решения.

Между тем защита права граждан на участие в принятии градостроительных решений должна исходить из принципа «*нарушение права граждан на участие в принятии градостроительных решений делает итоговое градостроительное решение неlegitimным*». При этом такого рода нарушения имеют место в случае несоблюдения процедуры проведения общественных обсуждений или публичных слушаний.

Судебная практика знает немало подобных примеров. Так, уполномоченными органами может быть превышен срок проведения публичных

¹ См., напр.: Решение Пушкинского городского суда от 06.11.2015 по делу № 2А-5780/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/>.

² См., напр.: Решение Зеленоградского районного суда г. Москвы от 14.06.2017 по делу № 02А-0110/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/>.

слушаний, в который включается период со дня оповещения жителей муниципального образования о времени и месте их проведения до дня опубликования заключения об их результатах¹, такие мероприятия могут проводиться в неподходящем помещении и в неудобное для граждан время (например, в 20 ч²). Существуют прецеденты фальсификации волеизъявления граждан: искажение их выступлений на публичных слушаниях, подделка подписей в пользу строительного проекта (см.: Медведев 2017: 102-103).

Однако судами делается вывод о том, что решение, принятое по итогам общественных обсуждений или публичных слушаний, не может нарушать какие-либо права административного истца и в том случае, когда был нарушен установленный порядок их проведения³.

Подобное обстоятельство свидетельствует о нивелировании судами значения не только права граждан на участие в принятии градостроительных решений, но и провозглашенного в ГрК РФ принципа участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности.

Вместе с тем в судебной практике имеются и позитивные примеры. В частности, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отменила решения нижестоящих судов и приняла по делу новое решение, удовлетворив требования истцов, которые просили признать недействительным распоряжение Департамента городского имущества г. Москвы в части утверждения проекта межевания территории, а также выдвигали ряд связанных с этим требований.

Верховный суд отметил, что хоть проект межевания и прошел процедуру публичных слушаний, но на них присутствовал лишь один собственник жилого помещения, проживающий в одном корпусе дома, в то время как собственникам помещений других корпусов о проводившихся слушаниях известно не было, об их проведении они не извещались, какие-либо объявления о проведении публичных слушаний на информационных стендах корпусов многоквартирного дома отсутствовали. Вследствие этого *формальное проведение публичных слушаний без уведомления о них жителей других корпусов дома не позволило выявить общественное мнение по вопросу формирования спорного земельного участка*⁴.

Верховным судом РФ не раз отмечалась чрезмерная формальность, препятствующая реализации права граждан на участие в принятии градостроительных решений.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.01.2010 по делу № А67-4999/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 02.06.2017 по делу № 33а-3610/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru/>.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.02.2020 по делу № 33а-658/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru/>.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2019 № 5-КГ19-140 // СПС «КонсультантПлюс».

Так, по одному из дел Судебная коллегия по административным делам оставила в силе решение суда первой инстанции, поддержавшего граждан, оспаривавших правила землепользования и застройки города по мотиву многочисленных нарушений, допущенных организатором публичных слушаний при их подготовке и проведении. Одним из самых вопиющих нарушений в данном деле, на наш взгляд, является то, что содержание проекта и объявление о проведении публичных слушаний были опубликованы органом местного самоуправления лишь в приложении к информационному изданию, что *с учетом его тиража в 30 экз.*, из которых 9 экз. распространяются в различных государственных и муниципальных органах и учреждениях, *является недостаточным для информирования населения муниципального образования численностью более 22 тыс. чел.*¹.

Прямое нарушение права граждан на участие в принятии градостроительных решений также имеет место в ситуации, когда уполномоченными органами *процедура общественных обсуждений или публичных слушаний не проводилась вовсе*².

В указанных примерах граждане оспаривали итоговое градостроительное решение, что полностью подтверждает правильность и действенность принципа о нелегитимности итогового акта, которому предшествовали нарушения права граждан на участие в принятии градостроительных решений³.

4. Внесудебные способы защиты права граждан на участие в принятии градостроительных решений

4.1. Отсутствие единообразия судебной практики и пренебрежение со стороны органов власти процедурой общественных обсуждений или публичных слушаний приводят к ситуации, когда граждане ищут иные способы защиты своего права на участие в принятии градостроительных решений.

В качестве ординарного способа защиты данного права ранее были рассмотрены вопросы его судебной защиты. Однако практика показывает,

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2016 № 29-АПГ16-4 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.01.2018 № 78-АПГ17-20 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Добавим, что поскольку итоговые градостроительные решения могут являться не только ненормативными правовыми актами (к примеру, разрешение на условно разрешенный вид использования земельного участка (ГрК РФ, 2004: ст. 39), но и правовыми актами нормативного характера (к примеру, решение об утверждении правил землепользования и застройки (ГрК РФ, 2004: ст. 32), то признание их недействительными может осуществляться *по правилам, предусмотренным гл. 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации*. Следовательно, защита права граждан на участие в принятии градостроительных решений может осуществляться и в рамках такого порядка.

что граждане пытаются реализовать право на участие в принятии градостроительных решений в контексте форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, а именно *с помощью процедур местного референдума и опроса граждан* (Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: ст. 22, 31).

Относительно местного референдума прослеживается определенная тенденция – принятие решения о назначении местного референдума зачастую зависит от того, вопрос о строительстве каких объектов органы местного самоуправления готовы вынести на местный референдум. Относительно местного референдума интересна хоть и непрочная, но все же сформировавшаяся тенденция. Она связана с тем, вопрос о строительстве каких объектов органы местного самоуправления готовы одобрить для местного референдума, принимая решение о его назначении.

Так, 90% участников проведенного в марте 2021 г. местного референдума в Аяно-Майском районе Хабаровского края дали отрицательный ответ на вопрос о реализации на данной территории комплексного проекта «Аянский газохимический парк» с объектами инфраструктуры. При этом органы прокуратуры пытались обжаловать решение о назначении референдума, а по окончании голосования – его результаты. Однако Девятый кассационный суд встал на сторону жителей, признав голосование состоявшимся¹.

Вместе с тем неудачными стали попытки проведения местных референдумов по вопросам строительства торгово-развлекательного центра в парке Интернационалистов в Санкт-Петербурге², а также часовни во имя Андрея Первозванного в сквере напротив главного корпуса Южно-Уральского государственного университета в Челябинске³. Между тем оба проекта так и не были реализованы вследствие масштабной огласки конфликтов между гражданами и властями в СМИ и социальных сетях⁴.

Очевидно, что ситуации вокруг проекта «Аянский газохимический парк» возведение объектов капитального строительства было тесно связано с вопросами обеспечения благоприятной окружающей среды. В этом случае граждане гораздо активнее высказывают свою позицию, а власти понимают, что принятие решения, противоречащего интересам населения, способно повлечь общественное недовольство уже в ходе и, разумеется, после окончания строительства.

¹ Суд во Владивостоке одобрил референдум в Хабаровском крае. URL: <https://todaykhv.ru/news/policy/33987/> (дата обращения: 23.03.2021).

² ЗакС отклонил заявку на референдум по парку Интернационалистов. URL: <https://karpovka.com/2018-07-04/zaks-otklonil-zayavku-na-referendum-po/> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Сквер раздора: общественность и церковь попробовали договориться по поводу часовни у ЮУрГУ. URL: <https://newdaynews.ru/chel/647634.html> (дата обращения: 23.03.2021).

⁴ Смольный отказался от идеи строительства океанариума в парке Интернационалистов. URL: https://www.dp.ru/a/2019/05/08/Smolnij_otkazalsja_ot_ide (дата обращения: 23.03.2021); Из сквера рядом с ЮУрГУ исчезла часовня. URL: <https://newdaynews.ru/chel/662659.html> (дата обращения: 23.03.2021).

С объектами гражданского назначения подобной корреляции практически не наблюдается. Наиболее частая причина отказа в проведении местного референдума в подобных случаях – неопределенность вопроса, ответ на который предлагается дать на референдуме¹. Некоторые исследователи размышляют о том, насколько допустимо выносить на местный референдум вопрос, который, по сути, уже является предметом деятельности органов местного самоуправления, отмечая в данной ситуации явный законодательный пробел (см., напр.: Шугрина 2011).

Между тем описываемая тенденция не является устойчивой, поскольку практика свидетельствует о том, что органы местного самоуправления готовы отказываться в проведении местных референдумов и по вопросам строительства объектов, возведение которых способно оказать негативное воздействие на окружающую среду².

В части практики проведения опросов следует заключить, что, поскольку, в отличие от решения, принятого на местном референдуме (Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: ст. 22, п. 7), результаты опроса носят рекомендательный характер (Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: ст. 31, п. 1), органы власти охотнее готовы предоставлять гражданам возможность его организации и проведения. В этой связи можно вспомнить опрос относительно места строительства собора Святой Великомученицы Екатерины в Екатеринбурге, который, однако, был проведен уже после негативной реакции со стороны населения и персонального высказывания по ситуации со стороны президента России³.

Представленные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что *формы участия населения в осуществлении местного самоуправления (местный референдум и опрос граждан) не позволяют обсуждать сами градостроительные решения*, поскольку ГрК РФ предусмотрены специальные формы участия граждан в принятии градостроительных решений – общественные обсуждения или публичные слушания.

На местных референдумах решаются, а на опросах обсуждаются вопросы целесообразности и необходимости самого факта будущего осуществления градостроительной деятельности. Очевидно, что в таком случае позитивно следует оценивать проведения местных референдумов, итоги которых становятся предтечей непосредственной разработки проектов градостроительных решений.

Данные вопросы, безусловно, требуют более детального анализа. Однако в рамках краткого изложения проблемы стоит подчеркнуть, что любые практики, направленные на обеспечение участия граждан в принятии

¹ См., напр.: ЗакС отклонил референдум о судьбе парка Интернационалистов «за неопределенность». URL: <https://www.fontanka.ru/2018/07/04/058/> (дата обращения: 23.03.2021).

² См., напр.: Депутаты отклонили референдум по Томинскому ГОКу. URL: <http://activatica.org/blogs/view/id/2653/title/deputaty-otklonili-referendum-po-tominskomu-goku> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Власти Екатеринбурга опубликовали итоги опроса о месте строительства храма. URL: <https://ria.ru/20191016/1559849503.html> (дата обращения: 23.03.2021).

решений органами власти, по нашему мнению, следует оценивать положительно¹.

4.2. Поскольку в большинстве случаев протокол и заключение о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний утверждаются органами местного самоуправления, то эти документы вполне можно отнести к муниципальным правовым актам (Федеральный закон № 131-ФЗ, 2003: ст. 2, ч. 1).

В связи с этим, на наш взгляд, в качестве эффективного внесудебного способа защиты прав граждан на участие в принятии градостроительных решений вполне может выступать отмена таких актов в порядке самоконтроля утвердившими их органами на основании соответствующих жалоб населения и (или), например, по требованию прокуратуры.

Так, ч. 1 ст. 48 Федерального закона № 131-ФЗ прямо закрепляет возможность отмены изданного муниципального правового акта в порядке самоконтроля, не дифференцируя полномочия в зависимости от вида акта (нормативный он или индивидуальный).

При этом мы не видим препятствий для реализации приведенной нормы, поскольку, в отличие от благоприятствующих административных актов, отмена которых недопустима (см.: Винницкий, Харинов 2020), в данном случае, при отмене протокола или заключения, нарушения принципа защиты доверия к деятельности публичной администрации не происходит² (поскольку итоговое градостроительное решение еще не принято), а приоритет должен отдаваться принципу законности в деятельности органов публичной власти.

Выводы. Право граждан на участие в принятии градостроительных решений, базирующееся на принципе участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности, а также на принципе обеспечения свободы такого участия, является самостоятельным субъективным публичным правом, обеспечивающим возможность населения муниципального образования и правообладателей недвижимости быть участниками процедуры принятия градостроительного решения, способного затронуть их права и законные интересы.

¹ Добавим, что одной из наиболее ярких непосредственных форм участия граждан в принятии градостроительных решений является голосование собственников жилья о «вхождении» в проект комплексного развития территории жилой застройки: для включения многоквартирного дома требуется набрать более двух третей голосов «за», а для исключения дома из проекта достаточно более трети голосов «против» (ЖК РФ, 2004: ст. 46, ч. 1.3).

² Подробнее о применении данного принципа в судебно-арбитражной практике, см.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2018 № 4-КГ18-9; п. 30 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019); Определения Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2018 № 4-КГ18-4; от 17.04.2018 № 4-КГ18-3; от 30.04.2018 № 4-КГ18-66; от 17.08.2018 № 4-КГ18-50.

Возможны как судебные, так и не менее эффективные внесудебные способы защиты права граждан на участие в принятии градостроительных решений. Такая защита должна исходить из того, что нарушение данного права вследствие допущенных при организации и проведении общественных обсуждений или публичных слушаний нарушений делает итоговое градостроительное решение нелегитимным. По большей части защита права граждан на участие в принятии градостроительных решений реализуется в процедуре оспаривания итоговых градостроительных решений как нормативных правовых актов, так и как правовых актов ненормативного характера, однако, по нашему мнению, также не существует законодательных препятствий для обжалования протоколов и заключений по итогам общественных обсуждений или публичных слушаний как ненормативных правовых актов в соответствии с гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Отказ судов осуществлять защиту права граждан на участие в принятии градостроительных решений связан со спецификой форм, в которых данное право реализуется. Очевидно, что институт общественных обсуждений и публичных слушаний в современной России требует реформирования, поскольку фактически рекомендательный характер итогов данных мероприятий приводит к тому, что в сознании представителей власти смешивается возможность признать высказанное гражданами мнение нецелесообразным и не подлежащим учету с возможностью ограничить предусмотренное законом право граждан высказать свое мнение по проекту градостроительного решения.

В научных публикациях высказываются различные предложения по преобразованию данного института: придать результатам общественных обсуждений и публичных слушаний обязательный для органов власти характер (см.: Трофимов 2009), разработать критерии учета общественного мнения, выявляемого в ходе данных мероприятий (см., напр.: Помещикова 2007), либо же кардинально реформировать подходы к содержанию общественных обсуждений и публичных слушаний (см., напр.: Иванова, Бернюкевич 2019; Крымов 2012).

На наш взгляд, предпочтительным является третий подход, реализация которого потребует дальнейших исследований зарубежного опыта и позитивных отечественных практик вовлечения общественности в принятие властных решений.

Потенциальные изменения института общественных обсуждений и публичных слушаний неизбежно повлекут за собой изменение практики защиты права граждан на участие в принятии градостроительных решений. Если такие изменения будут связаны с тем, что высказанное гражданами мнение будет направлено на принятие совместного компромиссного решения, то и защита права участвовать в его принятии будет осуществляться гораздо активнее и эффективнее

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. 2020. Конституционное право России : Учебный курс. В 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : Инфра-М. 864 с.

Болтанова Е.С. и др. 2021. Градостроительное право : учебник / Е.С. Болтанова, О.А. Романова, Л.Е. Бандорин. Москва : Проспект. 312 с.

Винницкий А.В. 2018. Учение о субъективных публичных правах: формирование, кризис и возрождение // Право и политика. № 12. С. 12-26. DOI 10.7256/2454-0706.2018.12.28431.

Винницкий А.В., Харин И.Н. 2020. Отмена в порядке самоконтроля благоприятствующих административных актов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». № 6. С. 50-63. DOI 10.34076/2219-6838-2020-6-50-63.

Захаров И.В. 2019. К вопросу о существовании публичных слушаний и общественных обсуждений // Муниципалитет: экономика и управление. № 2 (27). С. 91-98. URL: <https://municipality.expert/issue/2019/02/08> (дата обращения: 10.03.2021).

Зеленцов А.Б. 2012. Субъективное публичное право : учеб. пособие. Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов. 146 с.

Иванова З.И., Бернюкевич Т.В. 2019. Градостроительная политика и практика публичных слушаний в Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 25, № 9. С. 52-60. DOI 10.21209/2227-9245-2019-25-9-52-60.

Крымов С.А. 2012. Зарубежный опыт организации публичных слушаний в градостроительной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). № 4. С. 77-90.

Матузов Н.И., Малько А.В. 2004. Теория государства и права : учебник. Москва : Юристъ. 528 с.

Медведев И.Р. 2016. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) // Арбитражный и гражданский процесс. № 1. С. 57-64.

Медведев И.Р. 2017. Разрешение городских конфликтов. Москва : Инфотропик Медиа. 372 с.

Перевалов В.Д. 2020. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : Инфра-М. 496 с.

Помещикова С.А. 2007. Учет мнения населения в градостроительной деятельности // Конституционное и муниципальное право. № 7. С. 35-40.

Помещикова С.А. 2011. Публичность и экологический контроль при осуществлении градостроительства // Конституционное и муниципальное право. № 8. С. 59-62.

Ростова А.Г. 2008. Ненормативные правовые акты как основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир. 27 с.

Рыженков А.Я. 2018. Принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности: теория и практика // Гуманитарные и юридические исследования. № 2. С. 169-176.

Сафарова М.Д. 2015. Практика применения института публичных слушаний в градорегулировании // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 9 (168). С. 21-35; № 10 (169). С. 52-58.

Трофимов М.С. 2009. Рекомендательный и обязательный характер мнения населения, выявленного органами местного самоуправления на основе проведения публичных слушаний и опросов граждан // Северо-Кавказский юридический вестник. № 1. С. 70-74.

Шугрина Е.С. 2011. Конституционное право на осуществление местного самоуправления при решении вопросов, связанных с землепользованием и градостроительством // Муниципальная власть. № 1. С. 66-69.

Шугрина Е.С., Петухов Р.В. 2018. Управление территорией: поиск баланса частных и публичных интересов // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. № 1. С. 9-16.

Шугрина Е.С. 2019. Публичные слушания и общественные обсуждения как инструмент выявления мнения населения по вопросам городского развития // Градостроительное право. № 4. С. 30-34.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года). URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 10.03.2021).

Градостроительный кодекс Российской Федерации (ГрК РФ) от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ч. 1. Ст. 16. URL: <https://base.garant.ru/12138258/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391. URL: <https://base.garant.ru/70885220/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) от 29 декабря 2004 года № 188-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ч. 1. Ст. 14. URL: <https://base.garant.ru/12138291/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. URL: <https://base.garant.ru/186367/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Федеральный закон от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 05 мая.

Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72104984/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.2010 № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга “О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге”, статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга “О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695953/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.09.2014 № 1829-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества “Мичурина-Трудобеликовский” на нарушение конституционных прав и свобод частью 6 статьи 120 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70687586/>. (дата обращения: 10.03.2021).

Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2017 № 83-АПГ17-7. URL: <https://>

legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25052017-n-83-avg17-7/. (дата обращения: 10.03.2021).

References

Appeal ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.07.2017 No. 83-APG17-7, available at: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25052017-n-83-avg17-7/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Avakian S.A. *Constitutional Law of Russia : A training course, in 2 vols., vol. 1*, 6th ed., rev. and augm., Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 864 p. (in Russ.).

Boltanova E.S., Romanova O.A., Bandorin L.E. *Urban planning law : textbook*, Moscow, Prospekt, 2021, 312 p. (in Russ.).

Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ of March 8, 2015 (with amendments and additions), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 10, art. 1391, available at: <https://base.garant.ru/70885220/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993), available at: <https://base.garant.ru/10103000/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Decree of the Government of the Russian Federation No. 510-r dated March 23, 2019 (ed. dated 12/30/2020) "On approval of the Methodology for the formation of the Urban Environment Quality Index", available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72104984/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" (with amendments and additions), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2003, no. 40, art. 3822, available at: <https://base.garant.ru/186367/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Federal Law No. 59-FZ of May 02, 2006 "On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation", *Rossiyskaya Gazeta*, 2006, May 05. (in Russ.).

Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 (with amendments and additions), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2005, no. 1, pt. 1, art. 14, available at: <https://base.garant.ru/12138291/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Ivanova Z.I., Bernyukevich T. Urban Policy and Practice of Public Hearings in Russia, *Transbaikal State University Journal*, 2019, vol. 25, no. 9, pp. 52-60. DOI 10.21209/2227-9245-2019-25-9-52-60. (in Russ.).

Krymov S.A. Foreign Experience of Public Hearings in Urban Development, *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, 2012, no. 4, pp. 77-90. (in Russ.).

Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of State and law : textbook*, Moscow, Yurist", 2004, 528 p. (in Russ.).

Medvedev I.R. Problems of Contesting Public Hearings (As Exemplified by Moscow), *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2016, no. 1, pp. 57-64. (in Russ.).

Medvedev I.R. *Resolution of urban conflicts*, Moscow, Infotropik Media, 2017, 372 p. (in Russ.).

Perevalov V.D. *Theory of State and law : textbook*, 4th ed., rev. and augm., Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 496 p. (in Russ.).

Pomeshchikova S.A. Publicity and environmental control in the implementation of urban planning, *Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 8, pp. 59-62. (in Russ.).

Pomeshchikova S.A. Taking into account the opinion of the population in urban planning, *Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 7, pp. 35-40. (in Russ.).

Rostova A.G. *Non-normative legal acts as grounds for the emergence, modification and termination of legal relations: abstr. of diss.*, Vladimir, 2008, 27 p. (in Russ.).

Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.09.2014 No. 1829-O "On refusal to accept for consideration the complaint of the Closed Joint Stock Company "Michurina-Trudobelikovsky" on violation of constitutional rights and freedoms by Part 6 of Article 120 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation", available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70687586/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Ryzhenkov A. The Principle of Participation of Citizens and Their Associations in Urban Planning: Theory and Practice, *Humanities and law research*, 2018, no. 2, pp. 169-176. (in Russ.).

Safarova M.D. Practice of the Institute of Public Hearings in Town Planning, *Property Relations in the Russian Federation*, 2015, no. 9 (168), pp. 21-35; no. 10 (169), pp. 52-58. (in Russ.).

Shugrina E.S. Constitutional right to exercise local self-government in solving issues related to land use and urban planning, *Munitsipal'naya vlast'*, 2011, no. 1, pp. 66-69. (in Russ.).

Shugrina E.S. Public Hearings and Public Discussions as an Instrument of Research of the Opinion of the Population About Urban Development Issues, *Town-planning law*, 2019, no. 4, pp. 30-34. (in Russ.).

Shugrina E.S., Petukhov R.V. Territory Management: Search for a Balance of Private and Public Interests, *Municipal property: economics, law, management*, 2018, no. 1, pp. 9-16. (in Russ.).

The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.07.2010 No. 931-O-O "On the complaint of citizen Andronova Olga Olegovna for violation of her constitutional rights by the provisions of Articles 39 and 40 of the Urban Development Code of the Russian Federation, Article 13 of the Law of St. Petersburg "On Urban Development Activities in St. Petersburg", Articles 7 and 8 of the Law of St. Petersburg "On the procedure for organizing and conducting public hearings and informing the public when carrying out urban planning activities in St. Petersburg"", available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695953/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Town-planning Code of the Russian Federation (GrK RF) dated December 29, 2004 No. 190-FZ (with amendments and additions), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2005, no. 1, pt. 1, art. 16, available at: <https://base.garant.ru/12138258/> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Trofimov M.S. The Recommendatory and Obligatory Character of the Population Opinion, Revealed by the Bodies of Selfgovernment on the Basis of the Conducting Hearings and Polls of the Citizens, *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2009, no. 1, pp. 70-74. (in Russ.).

Vinnitskiy A.V. The doctrine of subjective public rights: formation, crisis and revival, *Law and Politics*, 2018, no. 12, pp. 12-26. DOI 10.7256/2454-0706.2018.12.28431. (in Russ.).

Vinnitskiy A.V., Kharinov I.N. *Cancellation of Favourable Administrative Acts by Way of Self-Control*, *Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*, 2020, no. 6, pp. 50-63. DOI 10.34076/2219-6838-2020-6-50-63. (in Russ.).

Zakharov I.V. On the Issue of Substance of Public Hearings and Public Discussions, *Municipality: Economics and Management*, 2019, no. 2(27), pp. 91-98, available at: <https://municipality.expert/issue/2019/02/08> (accessed March 10, 2021). (in Russ.).

Zelentsov A.B. *Subjective public law : a textbook*, Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov, 2012, 146 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Николаевич Харинов

кандидат юридический наук, доцент
кафедры земельного, градостроительного
и экологического права Уральского государственного
юридического университета,
г. Екатеринбург, Россия;
SPIN-код: 7828-3682;
E-mail: kharinov.ilya@gmail.com

Валерия Андреевна Синицына

магистрант Уральского государственного
юридического университета, г. Екатеринбург,
Россия;
SPIN-код: 3570-3429;
E-mail: sinitsina-lera@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya N. Kharinov

Candidate of legal sciences, Associate
Professor at the Department of Land, Urban
Planning and Environmental Law, Ural State
Law University, Yekaterinburg, Russia;
SPIN-код: 7828-3682;
E-mail: kharinov.ilya@gmail.com

Valeria A. Sinitsyna

Master's student of the Ural State Law
University, Yekaterinburg, Russia;
SPIN-код: 3570-3429;
E-mail: sinitsina-lera@mail.ru

Кодолова А.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_153 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 153–171.

УДК 349.6

DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_153

Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху

Алёна Владимировна Кодолова

Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр РАН
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: alena_kodolova@mail.ru

Поступила в редакцию 30.09.2021, поступила после рецензирования 13.01.2022, принята к публикации 21.01.2022

Начало 2021 г. было ознаменовано принятием в Российской Федерации нескольких важных нормативно-правовых актов в области экологии. Одним из таких документов стала Методика исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды, утвержденная Приказом Минприроды России № 59 от 28.01.2021. В настоящей статье рассматриваются правовые основания ответственности за причинение вреда атмосферному воздуху как природному компоненту, осуществляется сравнительно-правовая характеристика регулирования общественных отношений по возмещению вреда атмосферному воздуху, а также анализируется текст указанной Методики.

Ключевые слова: вред окружающей среде, вред атмосферному воздуху, экологический ущерб, экологические правонарушения

Legal Regulation of Compensation for Damage Caused to Atmospheric Air

Alena V. Kodolova

St. Petersburg Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
E-mail: alena_kodolova@mail.ru

Received 30.09.2021, revised 13.01.2022, accepted 21.01.2022

© Кодолова А.В., 2022

Abstract. The beginning of 2021 was marked by the adoption of several important regulatory legal acts in the field of ecology. One of these documents was the Methodology for calculating the amount of damage caused to atmospheric air as a component of the natural environment, approved by Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 59 of 28.01.2021 (hereinafter referred to as the Methodology). This article examines the legal grounds for causing harm to atmospheric air as a natural component, provides a comparative legal description of the regulation of public relations on compensation for damage to atmospheric air, and also analyzes the text of the Methodology itself.

Keywords: environmental damage; atmospheric air damage; environmental damage; environmental offenses

For citation: Kodolova A.V. Legal Regulation of Compensation for Damage Caused to Atmospheric Air, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 153–171 (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_153.

В отечественной юридической литературе неоднократно отмечалось несовершенство правовой модели привлечения к ответственности за причинение вреда атмосферному воздуху, что связывалось с отсутствием в законодательстве четкого определения объекта правовой охраны (Габитов 2008: 183) и логически понятной оценки причиненного экологического вреда атмосферному воздуху как публичному благу, поскольку сам атмосферный воздух не имеет стоимости (Краснова 2017: 297).

Правовые основания возмещения вреда атмосферному воздуху. Законодательство об охране атмосферного воздуха развивалось и развивается без четкого представления и определения объекта правовой охраны. Оно, в отличие от других природно-ресурсных и природоохранных законов, не дает четкого представления о том, кто распоряжается атмосферным воздухом и предоставляет его в пользование, каковы механизмы взаимодействия между государством и многочисленными загрязнителями воздушной среды.

Говоря об атмосфере как о природном ресурсе, нужно помнить, что это понятие не сводится только к атмосферному воздуху. Так, атмосфера включает в себя слой озона, защищающий Землю от пагубного воздействия ультрафиолетового излучения Солнца. В свою очередь, следует проводить различие между атмосферным воздухом и воздушным пространством. Если атмосферный воздух представляет собой смесь газов приземного слоя атмосферы, то к воздушному пространству относится территория над сухопутной и водной земной поверхностью (следовательно, понятие «воздушное пространство» можно охарактеризовать как пространственно-территориальное). Таким образом, «атмосфера» является родовым понятием и включает в себя атмосферный воздух, воздушное пространство и озоновый слой (Солнцев, Кодолова 2013: 104). Иными словами, для цели охраны атмосферы ее следует трактовать всеобъемлющим образом.

Во внутригосударственном праве регламентация отношений в области охраны атмосферного воздуха во многом обусловлена его международно-правовым режимом.

Для определения международно-правового режима атмосферы существует несколько концепций: воздушного пространства, общих и разделяемых природных ресурсов, общего наследия человечества и др. (Boyle 1991: 12). Несмотря на то, что в большинстве своем данные концепции были разработаны специализированными учреждениями и иными структурами ООН, они во многом противоречат друг другу.

Например, в преамбуле разработанных Всемирной метеорологической организацией (ВМО) принципов, касающихся сотрудничества государств в области воздействия на природу (1994), зафиксировано, что атмосфера является природным ресурсом Земли. Хотя это положение и не является строго юридическим, оно отражает подход экспертов ВМО к атмосфере как универсальному природному ресурсу, находящемуся в общем пользовании государств. Приверженцы этой точки зрения считают, что атмосферный воздух не может быть объектом чьей-либо собственности, поскольку он представляет собой нематериальный объект (Brunnée 2007: 562). Как нематериальный объект, атмосферный воздух не охраняется гражданским законодательством, а следовательно, не может никому принадлежать.

Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), выполняющая роль ведущего глобального природоохранного органа, считает, что воздух, в силу своих химических и физических свойств, не может являться внутригосударственным природным ресурсом и, таким образом, за ним может быть закреплен статус разделяемого природного компонента. Благодаря признанию за атмосферным воздухом правового режима разделяемого природного ресурса государства наделяются возможностью распространять на атмосферный воздух свою юрисдикцию, реализовывать на практике принцип «загрязнитель платит» (Biermann 1996: 432). Слабым звеном рассматриваемой позиции является отсутствие решения вопроса о правовом статусе атмосферного воздуха, находящегося над территорией открытого моря или Антарктиды, так как в данном случае его правовой режим больше тяготеет к режиму универсальных природных ресурсов¹ (в отношении охраны атмосферного воздуха не действует национальная юрисдикция).

Концепция природных ресурсов как общего наследия человечества впервые была закреплена в Конвенции по морскому праву 1982 г. Особенности правового режима объектов общего наследия человечества можно проследить на примере Международного района морского дна, то есть глубоководного дна морей и океанов, находящегося за пределами национальной юрисдикции.

Для рассмотрения вопроса относительно о правовых основаниях возмещения вреда атмосферному воздуху необходимо охарактеризовать особенности его правового режима во внутригосударственном законодательстве. При этом значимым является ответ на вопрос, возможно ли отнести атмосферный воздух к имуществу.

¹ Конвенция 1982 г. провозгласила Международный район морского дна общим наследием человечества, основные черты международно-правового режима которого и составляют содержание рассматриваемого понятия.

Если обратиться к положениям гражданско-правовой доктрины, понятие «правовой режим имущества (вещей)» включает в себя сложный комплекс правовых норм, устанавливающих права и обязанности, объектом которых может выступать имущество. «Правовой режим, – пишет В.И. Сенчищев, – это совокупность всех позитивно-правовых предписаний, существующих и действительных... и в соответствующих случаях определяющих права, обязанности, дозволения, запреты и предписания абсолютно всех лиц... по поводу того предмета (явления), в отношении которого они установлены» (Сенчищев 1998: 19).

Правовому режиму имущества присуще такое свойство, как оборотоспособность. В ч. 3 ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в отношении природных компонентов сделана оговорка: «земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах».

Как известно, собственник любого имущества осуществляет три правомочия: владение, пользование и распоряжение, что подкреплено положениями гражданского законодательства. Из данной триады правомочий не предусмотрены исключения для природных ресурсов: в ч. 3 ст. 209 ГК РФ говорится, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом... осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц».

Как отмечалось многими исследователями, правовая конструкция собственности в отношении природных ресурсов не работает в полную силу в связи со спецификой компонентов окружающей среды. По мнению А.П. Анисимова и Г.С. Працко, «...классические представления о праве собственности... в отношении большинства природных ресурсов выглядят неубедительно. Как государство, например, может быть собственником всех недр, включая неразведанные участки, или воды, находящейся в реках и морях всегда в движении? Можно ли говорить всерьез о праве государственной собственности на объекты животного мира, которые улетают по собственному усмотрению за границу без согласия их собственника?» (Анисимов, Працко 2014: 42).

В отношении атмосферного воздуха осуществление правомочий собственника представляется еще более проблематичным.

Право собственности начинается с правомочия владения, под которым традиционно понимается фактическое обладание вещью. Однако вследствие постоянного перемещения воздушных масс и невозможности их идентификации владение атмосферным воздухом в пределах государственных границ фактически и юридически невозможно.

Как отмечают исследователи, без владения вещью осуществление правомочий, направленных на извлечение из нее выгоды, доходов, и распоряжение вещью практически невозможно – владение составляет основу реализации правовых возможностей (Мазанаев, Абдурахманова 2020: 155).

Российское законодательство не содержит положений о праве собственности на атмосферный воздух.

Между тем примеры признания права собственности на воздух имеются в законодательстве других стран¹.

Так, согласно ст. 13 Конституции Украины, ст. 324 Гражданского кодекса Украины земля, недра, атмосферный воздух, водные и иные природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, являются объектом права собственности украинского народа (см.: Конституция Украины 1996: ст. 13; Гражданский кодекс Украины 2003: ст. 324).

Дальнейший анализ законодательства Украины приводит к выводу, что правовая конструкция права собственности украинского народа в отношении атмосферного воздуха не реализуется на практике. Закон Украины «Об охране атмосферного воздуха» от 16.10.1992 № 2707-ХІІ не содержит положений как о праве собственности, так и о механизме реализации права собственности украинского народа на атмосферный воздух (см.: Закон Украины № 2707-ХІІ, 1992).

Сравнительно-правовой анализ законодательства государств о возмещении вреда атмосферному воздуху. Сравнительно-правовой анализ законодательства различных государств в отношении возможности возмещения вреда атмосферному воздуху показывает, что данный вопрос решается по-разному.

Например, в ст. 34 Закона Украины «Об охране атмосферного воздуха» говорится о том, что вред, причиненный атмосферному воздуху, подлежит возмещению в порядке и размерах, установленных законом, однако методика расчета размера вреда атмосферному воздуху так и не была утверждена (см.: Закон Украины № 2707-ХІІ, 1992: ст. 34).

В Республике Беларусь, несмотря на отсутствие в конституции и в гражданском законодательстве положений о праве собственности на атмосферный воздух, установлены таксы для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде выбросом загрязняющего вещества, связанным с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства (Указ Президента... № 348, 2008: ст. 1.2.1). При этом размер такс дифференцируется в зависимости от категории объектов, загрязняющих атмосферный воздух.

В странах Европейского союза вред окружающей среде понимается более узко по сравнению с российским экологическим законодательством: термин «окружающая среда» охватывает, по сути, только те природные компоненты, которые возможно восстановить в натуральной форме (ликвидировать причиненный вред).

Согласно Директиве 2004/35/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий»

¹ Для сравнительно-правового анализа были выбраны государства – участники СНГ, поскольку экологическое законодательство этих государств имеет много общих черт. В качестве передового опыта в данных государствах зачастую используется опыт эколого-правового регулирования стран Европейского союза.

(далее – Директива) понятие вреда или ущерба применяется не ко всем природным компонентам, а только к охраняемым видам фауны и флоры, природной среде обитания, водным и земельным ресурсам (см.: Директива 2004/35/ЕС).

Защищенные виды и естественные среды обитания в соответствии с положениями Директивы включают в себя:

– виды, перечисленные в ст. 4 Директивы 79/409/ЕЭС Европейского союза по охране диких птиц, к которым относятся виды птиц, обитающие на европейской территории государств – членов ЕС и находящиеся под угрозой исчезновения, не защищенные от отдельных изменений их среды обитания, считающиеся редкими из-за малой численности или из-за ограниченного распространения на той или иной территории либо требующие особого внимания по причинам, связанным с особенностями их среды обитания;

– природные местообитания, указанные в Приложении I к Директиве 92/43/ЕЭС Европейского союза по охране природных местообитаний и диких видов фауны и флоры, сохранение которых требует создания особо охраняемых территорий;

– виды растений и животных, перечисленные в Приложении II и Приложении IV к Директиве 92/43/ЕЭС Европейского союза по охране природных местообитаний и диких видов фауны и флоры, сохранение которых требует создания особо охраняемых территорий, а также виды растений и животных, нуждающиеся в строгой охране;

– среды обитания вышеуказанных видов в соответствии с положениями Директив 92/43/ЕЭС и 79/409/ЕЭС;

– любую среду обитания или виды, которые государство – член ЕС сооттет соответствующими целям Директив 92/43/ЕЭС и 79/409/ЕЭС.

Таким образом, Директива не применяется в отношении вреда, причиненного атмосферному воздуху, озоновому слою, околосреднему атмосферному пространству. При этом экологический ущерб может включать, к примеру, вред, причиненный загрязнением атмосферного воздуха, но только в случае, если такое загрязнение наносит ущерб воде, почве, охраняемым видам или их естественным средам обитания.

Данная концепция экологического вреда была заимствована некоторыми странами СНГ.

В 2021 г. был принят новый Экологический кодекс Республики Казахстан (далее – ЭК РК) от 02.01.2021 № 400-VI ЗРК (вступил в силу с 1 июля 2021 г.), в котором понятие экологического ущерба и порядок его возмещения претерпели существенные изменения по сравнению с действовавшим ранее экологическим законодательством.

Согласно п. 1 ст. 131 ЭК РК экологическим ущербом признается ущерб, причиненный компонентам природной среды, указанным в ст. 133, 134 и 135 ЭК РК (животному и растительному миру, водным и земельным ресурсам), «если отсутствует возможность их естественного восстановления в течение разумного периода времени до базового состояния без принятия мер по ремедиации».

В отличие от ранее действовавшего Экологического кодекса Республики Казахстан от 9 января 2007 г. № 212, в котором предусматривалась экономическая оценка ущерба и его возмещение в добровольном порядке или по решению суда (ЭК РК № 212, 2007: ст. 321) и отсутствовала задача по восстановлению окружающей среды, пострадавшей от человеческой деятельности, новый ЭК РК накладывает на лицо, действия или деятельность которого причинили экологический ущерб, обязанность в полном объеме и за свой счет осуществить ремедиацию компонентов природной среды. При этом «никто не вправе требовать или получать денежную компенсацию за причиненный экологический ущерб, за исключением возмещения затрат, понесенных государством в лице уполномоченного органа в области охраны окружающей среды на реализацию мер по восстановлению или ремедиации» (ЭК РК № 400-VI ЗРК, 2021: п. 2 ст. 136).

Таким образом, в Республике Казахстан загрязнение атмосферного воздуха не относится к случаям причинения экологического ущерба, поскольку в отношении данного природного компонента невозможно провести ремедиацию (восстановление).

Такой подход вполне обоснован и направлен на реализацию принципа «загрязнитель платит» в истинном его понимании.

Содержащийся как в международных документах, так и во внутригосударственном законодательстве принцип «загрязнитель платит» (*polluter pays principle* (PPP) сформировался в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, OECD). Впервые данный принцип был закреплен в Рекомендациях ОЭСР о руководящих принципах, касающихся международных экономических аспектов экологической политики от 26 мая 1972 г. как основа будущей экологической политики экономически развитых стран. В соответствии с данным документом принцип «загрязнитель платит» предусматривает, что загрязнитель должен покрывать расходы, связанные с проведением мер по предотвращению загрязнения и борьбе с ним, решение о которых было принято государственными органами с целью обеспечения приемлемого состояния окружающей среды. В июне 1992 г. этот принцип был зафиксирован под номером 16 в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию¹.

В экологическом законодательстве Российской Федерации содержание принципа «загрязнитель платит» было несколько видоизменено по сравнению с традиционным пониманием данного принципа на правоприменительном уровне и свелось к постулату «за право загрязнять надо платить». Иными словами, принцип «загрязнитель платит» в российском законодательстве вместо того, чтобы возложить на предприятия-загрязнители расходы на предупредительные мероприятия и затраты на борьбу с негативным воздействием производств на окружающую среду, сводится к обязанности хозяйствующих субъектов вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду и возмещать причиненный экологический ущерб, как правило, в денежном выражении.

¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

Анализ методик исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды. До принятия Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды, утвержденной Приказом Минприроды России № 59 от 28.01.2021 (далее – Методика) (см.: Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 59, 2021), порядок исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху, на федеральном уровне установлен не был.

В 1999 г. Государственным комитетом РФ по охране окружающей среды была утверждена Методика определения предотвращенного экологического ущерба. В соответствии с этим документом устанавливались правила расчета предотвращенного экологического ущерба от загрязнения атмосферного воздуха, представляющие собой оценку в денежной форме возможных отрицательных последствий от выбросов загрязняющих веществ, которых в рассматриваемый период времени удалось избежать (не допустить) в результате природоохранной деятельности, проведения комплекса атмосфероохранных мероприятий, реализации природоохранных программ (Методика определения... 1999). К возможным отрицательным последствиям от выбросов загрязняющих веществ были отнесены материальные и финансовые потери и убытки, связанные с повышением заболеваемости населения; загрязнением водных ресурсов и почв в результате атмосферных выпадений; снижением урожайности сельскохозяйственных культур; уменьшением биопродуктивности природных комплексов; преждевременным износом основных фондов и покрытий, влекущим дополнительные затраты на их ремонт, а также на очистку территорий; снижением рекреационного потенциала территорий и мест отдыха; другие потери, сопряженные с негативными материальными, социальными и экологическими процессами).

Расчет предотвращенного ущерба предназначается не для определения сумм возмещения экологического вреда хозяйствующими субъектами или установления льгот по плате за негативное воздействие на окружающую среду, а для получения укрупненной эколого-экономической оценки ущерба, предотвращаемого в результате осуществления государственного экологического контроля, реализации экологических программ и природоохранных мероприятий, проведения мероприятий в соответствии с международными конвенциями в области охраны окружающей природной среды, осуществления государственной экологической экспертизы, мероприятий по сохранению заповедных природных комплексов.

Оценка величины предотвращенного экологического ущерба от загрязнения атмосферного воздуха стационарными и передвижными источниками выбросов проводится на основе показателей удельного ущерба для отдельно взятого экономического района.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что методы оценки предотвращенного и реального ущерба не могут сопоставляться, поскольку преследуют различные цели и основаны на расчетах несравнимых между собой показателей.

На региональном уровне были попытки принятия методик по исчислению размеров вреда, причиненного окружающей среде загрязнением атмосферного воздуха. В Москве такая методика действовала в 2005–2012 гг. (см.: Постановление Правительства Москвы № 94-ПП, 2005).

Методика определения размера вреда, причиненного окружающей среде загрязнением атмосферного воздуха стационарными источниками загрязнения на территории г. Москвы, утвержденная Постановлением Правительства Москвы от 22 февраля 2005 г. № 94-ПП, была направлена на оценку размера вреда, нанесенного атмосферному воздуху в результате нарушения федерального законодательства и законодательства г. Москвы в области охраны окружающей среды и атмосферного воздуха, повлекшего за собой загрязнение атмосферного воздуха г. Москвы, включая нарушение правил эксплуатации сооружений и устройств, вызвавшее сверхнормативный (несанкционированный) выброс загрязняющих веществ, в том числе аварийный, произошедший в результате разгерметизации оборудования, разрывов трубопроводов, поломок резервуаров.

Рассматриваемая методика учитывала виды загрязнений, перечисленные в п. 1.3, а именно: загрязнение атмосферного воздуха организованными и неорганизованными выбросами загрязняющих веществ от стационарных источников загрязнения (см.: Постановление Правительства Москвы № 94-ПП, 2005: п. 1.3).

В отличие от московской методики, федеральная Методика действует в отношении I–III категорий объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. На случаи причинения вреда стационарными источниками, относящимися к IV категории объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, Методика не распространяется. Главная причина, послужившая основанием для неприменения Методики к объектам IV категории, состоит в том, что зачастую данные объекты не выбрасывают загрязняющие вещества в атмосферный воздух либо на этих объектах имеются стационарные источники загрязнения окружающей среды, в выбросах в атмосферный воздух которых масса загрязняющих веществ не превышает 10 т в год.

Особенность федеральной Методики также является то, что она содержит два порядка расчета размера вреда: в период отсутствия и в период действия неблагоприятных метеорологических условий (далее – НМУ). Согласно ст. 1 Федерального закона от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» под неблагоприятными метеорологическими условиями понимаются «метеорологические условия, способствующие накоплению загрязняющих веществ в приземном слое атмосферного воздуха». В период НМУ хозяйствующие субъекты, имеющие источники выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух (за исключением объектов IV категории), обязаны проводить мероприятия по уменьшению выбросов загрязняющих веществ, согласованные с органами исполнительной власти субъектов РФ, уполномоченными на осуществление регионального государственного экологического надзора (Федеральный закон № 96-ФЗ, 1999: ст. 19 п. 3).

Требования к мероприятиям по уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды НМУ утверждены Приказом Минприроды России от 28.11.2019 № 811 (Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 811, 2019). При этом для конкретного предприятия осуществление мероприятий по уменьшению выбросов в период НМУ регулируется порядком проведения таких работ, установленным в соответствующем субъекте РФ (см.: Письмо Министерства... № 12-50/8758-ОГ, 2020).

Приведенная в Методике Формула исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху в период НМУ, отличается от формулы расчета вреда в период отсутствия НМУ наличием коэффициента, учитывающего формирование повышенного уровня загрязнения атмосферного воздуха в данный период, а также порядком определения сверхнормативной массы выброса загрязняющих веществ.

Соотношение платы за негативное воздействие на окружающую среду и возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху. В качестве основных задач настоящего исследования автором рассматривалось выявление правовых оснований возмещения вреда атмосферному воздуху и определение необходимости возложения на хозяйствующих субъектов обязанности возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды.

Проведенный нами анализ гражданского законодательства РФ, международно-правового режима атмосферного воздуха, а также сравнительно-правовой анализ экологического законодательства государств – участников СНГ и ЕС приводит к выводу о том, что наличие правовых оснований для возмещения вреда атмосферному воздуху – вопрос спорный, не имеющий однозначного ответа.

Согласно п. 6 Методики внесение платы за негативное воздействие на окружающую среду «не освобождает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, от возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды».

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» разделяет положения о плате за негативное воздействие на окружающую среду и о возмещении вреда окружающей среде (см.: Федеральный закон № 7-ФЗ, 2002). Необходимо отметить, что не всякое воздействие на окружающую среду является основанием для возмещения вреда. Негативное воздействие, которое осуществляется с соблюдением установленных экологических требований (допустимый вред), не влечет за собой ответственность. Другое дело, что такое воздействие должно быть строго регламентировано, в том числе и с помощью правового регулирования.

Как отмечают исследователи, при загрязнении воздуха, вызывающем общую деградацию окружающей среды как публичного блага, правоотношения по возмещению экологического вреда загрязнением атмосферного

воздуха не возникают. «Здесь действуют правила определения и взимания платы за негативное воздействие на атмосферный воздух, которые применяются по факту выбросов вредных веществ сверх установленных государством нормативов и совершения предусмотренных законом правонарушений... Для возмещения экологического вреда атмосферному воздуху как публичному благу применяется административный механизм платы за выбросы, в том числе за сверхнормативные выбросы, а сам вред в виде загрязнения устраняется государством через проведение целенаправленных комплексных мероприятий по улучшению экологической обстановки и том или ином загрязненном регионе. Размер вреда не оценивается, а возмещается государству на основе фиксированных ставок платы и формул исчисления» (Краснова 2017: 295).

За воздействие на окружающую среду, в том числе за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, взимается плата, определяемая и исчисляемая в порядке, предусмотренном ст. 16–16.5 Федерального закона РФ «Об охране окружающей среды» (Федеральный закон № 7-ФЗ, 2002: ст. 16–16.5).

Как указал Конституционный суд РФ, по смыслу ст. 16 Федерального закона РФ «Об охране окружающей среды», платежи за различные виды негативного воздействия на окружающую среду взимаются за предоставление субъектам хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду, права производить в пределах допустимых нормативов выбросы и сбросы веществ и микроорганизмов, размещать отходы (см.: Определение Конституционного Суда РФ № 284-О, 2002). За превышение установленных нормативов допустимых выбросов, нормативов допустимых сбросов воздействия субъекты хозяйственной и иной деятельности, в зависимости от причиненного окружающей среде вреда, несут имущественную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством (см.: Федеральный закон № 7-ФЗ, 2002: ст. 22 п. 3, ст. 75).

Анализируя правовую природу так называемых экологических платежей, Конституционный суд РФ пришел к выводу о том, что конституционно-правовую основу этих платежей прежде всего составляет ст. 58 в ее взаимосвязи со ст. 57 Конституции РФ.

Установление экологических платежей выступает необходимым условием получения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями права осуществлять хозяйственную и иную деятельность, оказывающую негативное воздействие на окружающую среду, и имеет целью обеспечение конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, а значит, преследует не столько фискальный интерес государства в наполнении казны, сколько общий интерес в сохранении природы и обеспечении экологической безопасности.

Рассматриваемые платежи являются обязательными публично-правовыми платежами за осуществление государством мероприятий по охране окружающей среды и ее восстановлению от последствий хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное влияние

на окружающую среду в пределах установленных государством нормативов такого допустимого воздействия.

По своей правовой природе плата за негативное воздействие на окружающую среду является не налогом, а фискальным сбором. Соответственно, Правительство РФ вправе участвовать в регулировании таких обязательных публично-правовых платежей, если эти платежи допускаются по смыслу федерального закона, возлагающего на Правительство РФ право определять в своих нормативных правовых актах порядок их исчисления (см.: Определение Конституционного Суда РФ № 284-О, 2002; Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П, 2009; Постановление Конституционного Суда РФ № 5-П, 2013).

Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным судом РФ в Определении от 10 декабря 2002 г. № 284-О, по смыслу ст. 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды», плата за негативное воздействие на окружающую среду представляет собой форму возмещения экономического ущерба от такого воздействия и взимается лишь с тех хозяйствующих субъектов, деятельность которых реально связана с негативным воздействием на экологическую обстановку (см.: Определение Конституционного Суда РФ № 284-О, 2002).

Возмещение вреда, в отличие от платы за негативное воздействие на окружающую среду, представляет собой меру ответственности, предполагающую в отличие от платы наличие состава экологического правонарушения.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» лицо, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, должно представить доказательства, подтверждающие наличие вреда, обосновывающие с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) ответчика и причиненным вредом (Постановление Пленума... № 49, 2017: п. 7).

Исходя из положений рассматриваемой Методики, основанием для возмещения вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту окружающей среды, является сам факт превышения установленных нормативов допустимого воздействия.

Однако согласно сложившейся судебной практике по делу о взыскании вреда, причиненного окружающей среде, подлежит доказыванию факт нарушения, наличие причинной связи между допущенным нарушением и возникшими убытками, размер убытков, факт принятия мер по предотвращению убытков. Только совокупность всех этих четырех квалифицирующих признаков позволяет принять решение о взыскании убытков (см.: Постановление Арбитражного суда... 2020).

Таким образом, одним из условий привлечения к ответственности за вред, причиненный загрязнением атмосферного воздуха, должно являться установление причинно-следственной связи между выбросами загрязняющих веществ, произведенными стационарными источниками с превыше-

нием нормативов, указанных в п. 2 Методики, и негативными последствиями для окружающей среды, здоровья людей и имущества.

Установление причинно-следственной связи в отношении загрязнения атмосферного воздуха на практике представляет собой довольно сложную проблему. Во-первых, потому что негативное воздействие на атмосферный воздух, как правило, растянуто во времени и вредные последствия для здоровья человека и окружающей среды могут наступить значительно позже такого воздействия. Во-вторых, утверждать с высокой степенью достоверности, что в результате воздействия данного объекта был причинен вред, как правило, не представляется возможным.

Немаловажным является вопрос о целевом характере экологических платежей, а также сумм, выплачиваемых на добровольной основе или взыскиваемых по решению суда для возмещения экологического ущерба. Направлены ли данные средства на природоохранные мероприятия?

В мае 2021 г. Министерство природных ресурсов и экологии РФ обнародовало информацию о том, что только 2% экологических штрафов, платежей и сумм, взысканных с хозяйствующих субъектов в возмещение вреда, в 2020 г. были направлены на защиту окружающей среды¹. Таким образом, проблема нецелевого и неэффективного использования средств, поступающих в российский бюджет в качестве платы за негативное воздействие на окружающую среду, поднимается не только в научных кругах. Она признается и на государственном уровне. Важность рассматриваемого вопроса подтверждается в «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента РФ № 176, 2017)², где нецелевое и неэффективное использование средств отнесено к внутренним вызовам экологической безопасности (пп. «м» п. 20), а создание и развитие системы экологических фондов названо одним из приоритетных направлений (пп. «н» п. 26). Мысль о важности решения проблемы нецелевого использования экологических платежей прозвучала и в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ в апреле 2021 г. В.В. Путин предложил «окрасить» все экологические платежи и целевым образом направлять их на ликвидацию накопленного вреда и оздоровление окружающей среды³.

Порядок финансирования природоохранных мероприятий, при котором все экологические платежи «растворяются» в бюджете, к сожалению, неэффективен. Опыт России и других стран СНГ показал, что если

¹ В Минприроды заявили, что лишь 2% экологических штрафов в 2020 году потратили на экологию. 11.05.2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/11337699?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 10.09.2021).

² План мероприятий по реализации стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1124-п (URL: <https://base.garant.ru/72261326/>).

³ Пресс-служба Минприроды России: В.В. Путин предложил «окрасить» все экологические платежи. 2021. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/vladimir_putin_predlozhit_okrasit_vse_ekologicheskie_platezhi/ (дата обращения: 25.09.2021).

компенсация вреда и иные экологические платежи поступают в специализированный фонд и приобретают целевой характер, денег на экологию в процентном отношении тратится больше, чем в первом случае.

Если принять во внимание опыт США и стран Европейского союза, то можно предположить, что следующим этапом развития общественных отношений в сфере финансирования мероприятий, связанных с возмещением вреда окружающей среде, станет практически полное исключение из данных отношений государства как получателя финансовых средств. Например, в соответствии с Директивой 2004/35/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» восстановление окружающей среды осуществляется в публично-правовом порядке путем наложения компетентным органом на причинителя вреда предписания по восстановлению окружающей среды и осуществления контроля за ходом работ (см.: Директива 2004/35/ЕС). Таким образом, основным критерием при определении экологического ущерба является возможность восстановления компонента окружающей среды, которому причинен вред, а вред, причиненный атмосферному воздуху, если при этом не затронуты компоненты окружающей среды, в отношении которых есть возможность проведения восстановительных мероприятий (вода, почва, охраняемые виды фауны и флоры или естественные среды их обитания), в качестве вреда окружающей среде не рассматривается.

Необходимо констатировать, что восстановление атмосферного воздуха за счет средств, полученных в счет возмещения вреда окружающей среде, возможно только опосредованно. Например, с помощью благоустройства или озеленения территории вокруг предприятия-загрязнителя. Данное обстоятельство свидетельствует о невозможности применения в отношении атмосферного воздуха п. 2 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды», в котором говорится, что «на основании решения суда или арбитражного суда вред окружающей среде, причиненный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, может быть возмещен посредством возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ» (Федеральный закон № 7-ФЗ, 2002: ст. 78 п. 2).

Таким образом, невозможность проведения восстановительных работ по удалению из атмосферного воздуха загрязняющих веществ, сложность установления причинно-следственной связи между загрязнением атмосферного воздуха и нанесением экологического ущерба, отсутствие в российском законодательстве права государственной собственности на атмосферный воздух ставят под сомнение эффективность применения на практике Методики, а также самой правовой конструкции по возмещению вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анисимов А.П., Працко Г.С. 2014. Воздух как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы // Юрист-правовед. № 4. С. 41-44.

Габитов Р.Х. 2008. Правовая охрана атмосферного воздуха // Пробелы в российском законодательстве. № 1. С. 183-184.

Краснова И.О. 2017. Возмещение экологического вреда, причиненного загрязнением атмосферного воздуха // Правовое регулирование возмещения экологического вреда : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Кичигин. Москва : Инфра-М. Гл. 3, § 6. С. 284-302.

Мазанаев М.Ш., Абдурахманова М.Г. 2020. Владение как правомочие собственника // Образование и право. № 8. С. 154-158. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10826

Сенчищев В.И. 1998. Понятие правового режима имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 24 с.

Солнцев А., Кодолова А. 2013. Плюсы и минусы кодификации международного права в сфере охраны атмосферы // Український часопис міжнародного права (Украинский журнал международного права). № 4. С. 102-105.

Biermann F. 1996. Common Concern of Humankind: The Emergence of a New Concept of International Environmental Law // Archiv des Völkerrechts. Bd. 34, № 4. P. 426-481.

Boyle A.E. 1991. International Law and the Protection of the Global Atmosphere: Concepts, Categories and Principles // International law and global climate change / Ed. by R.R. Churchill & D. Freestone. London ; Boston : Graham & Trotman/M. Nijhoff. P. 7-19.

Brunnée J. 2007. Common Areas, Common Heritage, and Common Concern // The Oxford Handbook of International Environmental Law / Ed. by D. Bodansky, J. Brunnée & E. Hey. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press. P. 550-573. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199552153.013.0023.

Директива Совета Европейского Союза 79/409/ЕЭС от 2 апреля 1979 года об охране диких птиц. URL: <http://www.rbcu.ru/information/1783/12032/> (дата обращения: 20.09.2021).

Директива Совета Европейского Союза 92/43/ЕЭС от 21 мая 1992 года о сохранении естественных мест обитания, а также дикой фауны и флоры (Брюссель, 21 мая 1992 г.). URL: <https://base.garant.ru/2570044/> (дата обращения: 20.09.2021).

Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2004/35/ЕС от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий». URL: <https://base.garant.ru/2570148/> (дата обращения: 20.09.2021).

Указ Президента Республики Беларусь № 348 от 24.06.2008 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде». URL: https://belzakon.net/Законодательство/Указ_Президента_РБ/2008/3798 (дата обращения: 20.09.2021).

Экологический кодекс Республики Казахстан от 09 января 2007 года № 212. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212> (дата обращения: 20.09.2021).

Экологический кодекс Республики Казахстан от 02 января .2021 года № 400-VI ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 20.09.2021).

Конституция Украины от 28 июня 1996 года № 254к/96-ВР (Принята на пятой сессии Верховной Рады Украины) (с изм. и доп. по состоянию на 03.09.2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155 (дата обращения: 20.07.2021).

Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 года № 435-IV (с изм. и доп. по состоянию на 15.03.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568 (дата обращения: 21.07.2021).

Закон Украины от 16 октября 1992 года № 2707-ХІІ «Об охране атмосферного воздуха» от 16.10.1992» (с изм. и доп. по состоянию на 15.07.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30499079 (дата обращения: 21.07.2021).

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 15.06.2021).

Федеральный закон от 04 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2222. URL: <https://base.garant.ru/12115550/> (дата обращения: 03.09.2021).

Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изм.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133. URL: <https://base.garant.ru/12125350/> (дата обращения: 03.09.2021).

Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420396664> (дата обращения: 06.09.2021).

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта “б” пункта 4 Постановления Правительства Российской Федерации “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14052009-n/> (дата обращения: 05.09.2021).

Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона “Об охране окружающей среды” и Постановления Правительства Российской Федерации “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Тополь”». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05032013-n/> (дата обращения: 05.09.2021).

Определение Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 года № 284-О «По запросу Правительства Российской Федерации о проверке конституционности Постановления Правительства Российской Федерации “Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия” и статьи 7 Федерального закона “О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации”». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10122002-n-284-o-po/> (дата обращения: 05.09.2021).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283917/ (дата обращения: 05.09.2021).

Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 28 ноября 2019 г. № 811 «Об утверждении требований к мероприятиям по уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды неблагоприятных метеорологических условий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912260020> (дата обращения: 03.09.2021).

Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 28 января 2021 г. № 59 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400189242/> (дата обращения: 06.09.2021).

Письмо Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 14 июля 2020 г. № 12-50/8758-ОГ «О мероприятиях при НМУ». URL: <https://base.garant.ru/74420787/> (дата обращения: 03.09.2021).

Методика определения предотвращенного экологического ущерба. Утв. Председателем Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды В.И. Даниловым-Данильяном 30 ноября 1999 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200035561> (дата обращения: 20.09.2021).

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 июля 2020 года по делу № А40-307239/19. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OnDkfn0U6x5x/> (дата обращения: 06.09.2021).

Постановление Правительства Москвы от 22 февраля 2005 г. № 94-ПП «Об утверждении Методики определения размера вреда, причиненного окружающей среде загрязнением атмосферного воздуха стационарными источниками загрязнения на территории города Москвы» (утратило силу в соответствии с Постановлением Правительства Москвы от 17.10.2012 № 572-ПП). URL: <https://base.garant.ru/5715208/> (дата обращения: 03.09.2021).

References

Anisimov A.P., Pratsko G.S. Air as an Object of Civil Rights: Discussion Questions, *Yurist-Pravoved*, 2014, no. 4, pp. 41-44. (in Russ.).

Biermann F. Common Concern of Humankind: The Emergence of a New Concept of International Environmental Law, *Archiv des Völkerrechts*, 1996, bd. 34, no. 4, pp. 426-481.

Boyle A.E. International Law and the Protection of the Global Atmosphere: Concepts, Categories and Principles, R.R. Churchill, D. Freestone (eds.) *International law and global climate change*, London, Boston, Graham & Trotman/M. Nijhoff, 1991, pp. 7-19.

Brunnée J. Common Areas, Common Heritage, and Common Concern, D. Bodansky, J. Brunnée, E. Hey (eds.) *The Oxford Handbook of International Environmental Law*, Oxford, New York, Oxford Univ. Press, 2007, pp. 550-573. DOI 10.1093/oxfordhb/9780199552153.013.0023.

Civil Code of the Russian Federation (with amendments and additions), available at: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).

Civil Code of Ukraine No. 435-IV of January 16, 2003 (with amendments and additions as of 15.03.2022), available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568 (accessed July 21, 2021). (in Russ.).

Constitution of Ukraine No. 254k/96-BP of June 28, 1996 (Adopted at the fifth session of the Verkhovna Rada of Ukraine) (with amendments and additions as of 03.09.2019), available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155 (accessed July 20, 2021). (in Russ.).

Council Directive 79/409/EEC of 2 April 1979 on the conservation of wild birds, available at: <http://www.rbcu.ru/information/1783/12032/> (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Council Directive 92/43/EEC of 21 May 1992 on the conservation of natural habitats and of wild fauna and flora, available at: <https://base.garant.ru/2570044/> (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Decree of the Government of Moscow dated February 22, 2005 No. 94-PP “On approval of the Methodology for determining the amount of damage caused to the Environment by air pollution from stationary sources of pollution in the Territory of the City of Moscow” (expired in accordance with the Decree of the Government of Moscow dated 17.10.2012 No. 572-PP), available at: <https://base.garant.ru/5715208/> (accessed September 03, 2021). (in Russ.).

Decree of the President of the Republic of Belarus No. 348 of 24.06.2008 “On taxes for determining the amount of compensation for damage caused to the environment”, available at: https://belzakon.net/Законодательство/Указ_Президента_РБ/2008/3798 (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Decree of the President of the Russian Federation No. 176 dated April 19, 2017 “On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025”, available at: <https://docs.cntd.ru/document/420396664> (accessed September 06, 2021). (in Russ.).

Directive 2004/35 / CE of the European Parliament and the Council of the EU on environmental responsibility, aimed at preventing environmental damage and eliminating its consequences, available at: <https://base.garant.ru/2570148/> (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Environmental Code of the Republic of Kazakhstan dated January 02 .2021 No. 400-VI ZRK, available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Environmental Code of the Republic of Kazakhstan dated January 09, 2007 No. 212, available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_ (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 “On Environmental Protection” (with amendments), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 2, art. 133, available at: <https://base.garant.ru/12125350/> (accessed September 03, 2021). (in Russ.).

Federal Law No. 96-FZ of May 04, 1999 “On the Protection of Atmospheric Air” (with amendments and additions), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1999, no. 18, art. 2222, available at: <https://base.garant.ru/12115550/> (accessed September 03, 2021). (in Russ.).

Gabitov R.H. Legal Protection of Atmospheric Air, *Gaps in Russian Legislation*, 2008, no. 1, pp. 183-184. (in Russ.).

Krasnova I.O. Reparation of Environmental Damage Caused by Air Pollution, N.V. Kichigin (resp. ed.) *Legal regulation of reparation of environmental damage : scientific-practical manual*, Moscow, Infra-M, 2017, ch. 3, art. 6, pp. 284-302. (in Russ.).

Law of Ukraine No. 2707-XII of October 16, 1992 “On the Protection of atmospheric Air” dated 10/16/1992” (with amendments and additions as of 15.07.2021), available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30499079 (accessed July 21, 2021). (in Russ.).

Letter of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation dated July 14, 2020 No. 12-50/8758-OG “On events at NMU”, available at: <https://base.garant.ru/74420787/> (accessed September 03, 2021). (in Russ.).

Mazanaev M.Sh., Abdurahmanova M.G. Ownership AS Owner’s Right, *Education and Law*, 2020, no. 8, pp. 154-158. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10826. (in Russ.).

Methodology for determining the prevented environmental damage. Approved. Chairman of the State Committee of the Russian Federation for Environmental Protection V.I. Danilov-Danilyan on November 30, 1999, available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200035561> (accessed September 20, 2021). (in Russ.).

Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 811 dated November 28, 2019 “On approval of requirements for measures to reduce emissions of pollutants into the atmospheric air during periods of adverse meteorological conditions”, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912260020> (accessed September 03, 2021). (in Russ.).

Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 59 dated January 28, 2021 “On approval of the Methodology for calculating the amount of damage caused to atmospheric air as a component of the natural environment”, available

at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400189242/> (accessed September 06, 2021). (in Russ.).

Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of July 30, 2020 in case No. A40-307239/19, available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OnDkfN0U6x5x/> (accessed September 06, 2021). (in Russ.).

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2009 No. 8-П "In the case of Checking the constitutionality of the Provision of subparagraph "b" of paragraph 4 of the Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Procedure for Determining Fees and their Maximum Amounts for Environmental Pollution, Waste Disposal, Other Types of harmful effects" in connection with the request of the Supreme Court Republic of Tatarstan", available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14052009-n/> (accessed September 05, 2021). (in Russ.).

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-П dated March 5, 2013 "On the Case of Checking the Constitutionality of Article 16 of the Federal Law "On Environmental Protection" and the Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Procedure for Determining Fees and Their Maximum Amounts for Environmental Pollution, Waste Disposal, Other Types of Harmful Effects" in connection with the complaint of the limited liability company "Topol" ", available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05032013-n/> (accessed September 05, 2021). (in Russ.).

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 dated November 30, 2017 "On some issues of the Application of legislation on compensation for damage caused to the environment", available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283917/ (accessed September 05, 2021). (in Russ.).

Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 10, 2002 No. 284-О "At the Request of the Government of the Russian Federation on Checking the Constitutionality of the Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Procedure for Determining Fees and their Maximum Amounts for Environmental Pollution, Waste Disposal, Other Types of Harmful Effects" and Article 7 of the Federal Law "On Putting into Effect Part one of the Tax Code of the Russian Federation" ", available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10122002-n-284-о-по/> (accessed September 05, 2021). (in Russ.).

Senchishchev V.I. *The Concept of the Legal Regime of Property: Abstr. of diss.*, Moscow, 1998, 24 p. (in Russ.).

Solntsev A., Kodolova A. Pros and Cons of Codification of International Law in the Field of Atmospheric Protection, *Український часопис міжнародного права*, 2013, no. 4, pp. 102-105. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алёна Владимировна Кодолова
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра экологической безопасности РАН, г. Санкт-Петербург, Россия;
SPIN-код: 7803-5261;
E-mail: alena_kodolova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena Vladimirovna Kodolova
Candidate of Legal Sciences
Senior Research Fellow at the St. Petersburg Research Center for Environmental Safety of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian;
SPIN-код: 7803-5261;
E-mail: alena_kodolova@mail.ru

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian or English.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 22

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *М.И. Лаевская*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 20.01.2022 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,75 Уч.-изд. л. 12,4
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.